

АННА И СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ

звездный тандем российского детектива

«Литвиновы умеют создать из незначительных на первый взгляд событий такую интригу, что дух захватывает. Едва открыв любой их детектив, уже не выпустишь его из рук, пока не дочитаешь до конца. А дочитав, выдохнешь восхищенно и вместе с тем разочарованно - как быстро всё закончилось!»

газета «Собеседник»

НЕ СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

ISBN 978-5-699-60706-8

9 785699 607068 >

Annotation

Журналист Дима Полуянов привык не теряться в любых ситуациях. Но конфликт с главным редактором родной газеты, грозивший увольнением, буквально выбил его из колеи! Подруга Надя предложила взять тайм-аут и отправиться в отпуск в Италию на модную экологическую ферму. Там Надя, не избалованная мужским вниманием, неожиданно для себя стала объектом интереса красавца актера Романа Черепанова. Более того, он отыскал ее и в Москве – явился прямо на работу с огромным букетом белых роз! Очаровал изысканными ухаживаниями и заинтересовал деловым предложением: вложить деньги в его необычный бизнес – театральный туризм. Надя уже готова была снять со счета свои многолетние сбережения, когда вышла эта статья, после которой девушка внесла номер Романа в черный список. А потом столицу потрясла новость о гибели молодого талантливого актера!

- [Анна и Сергей Литвиновы](#)
    -
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
-

Анна и Сергей Литвиновы

Несвятое семейство

Пролог

На это убийство обратили внимание многие.

В нем было нечто странное, нелогичное. Большинство читателей газет и зрителей ТВ просто *почувствовали* мимолетно эту внутреннюю противоречивость преступления, однако спустя секунду уже выбросили ее из головы и кинулись пожирать новые сводки о том, что еще случилось в мире диковинного, ужасного и загадочного. Тем паче что мир был большой и весь оцифрованный и в нем постоянно происходило множество жутких, забавных и отвратительных событий.

Немногие аналитики – в их числе следователи, опера, частные сыщики, криминальные репортеры – поняли тем не менее, что разноречащего и неловкого имелось в преступлении.

Во-первых, необычной оказалась личность жертвы. Работников телевидения в нашей столице убивали, слава богу, нечасто. А если они вдруг становились жертвами, то ими были высокие руководители, имевшие прямое отношение к финансовым потокам. С другими тружениками ТВ если расправлялись, то по мотивам, традиционным на Руси, то есть на почве ревности, мести или по пьянке. Однако на сей раз пострадавшей стала женщина, занимавшая высокий пост, но деньгами не рулившая. Ее похороны не освещались широко газетами и тем же телевидением (как это бывало, когда уходила звезда) – однако в них принимали участие все, кто что-то значил в профессии, от Эрнста и Добродеева до звукорежиссеров и операторов. Ничего удивительного, ведь убита была продюсер, автор, главный редактор и режиссер многих популярных программ, четырежды лауреат профессиональной премии ТЭФИ Елена Постникова.

Вторая странность *мокрого дела* заключалась в том, что оно, с одной стороны, имело все приметы преступления заказного: жертву подкарауливали у подъезда ее дома; очевидно, киллер (или киллеры)

предварительно тщательно изучил и хорошо знал распорядок дня и привычки женщины. Но убийцы воспользовались не пистолетом, автоматом или обрезом охотничьего ружья. Нет! Душегубец (что крайне необычно в подобных обстоятельствах) использовал нож. Он встретился с Постниковой лицом к лицу и нанес ей четыре удара в область сердца. «Скорая» прибыла оперативно, однако пострадавшая скончалась по дороге в больницу.

Итак, следствие начиналось, по меньшей мере, с двух недоуменных вопросов – почему Постникова и почему нож?

И только человек пять-шесть в стране догадывались, что произошло.

Журналист Дима Полуянов и его подруга Надя Митрофанова знали это почти со стопроцентной уверенностью.

Но, конечно, как ведали о том, с каким другим убийством было сопряжено это и почему.

А в точности о том, что и почему случилось, ведал лишь один человек – убийца.

* * *

Годом ранее

Девушка сидела на подоконнике. Худенькая шейка, золотистые распущенные волосы, точеный овал лица. И – безучастный, без огонька, без единой мысли взгляд.

Мать подошла, произнесла осторожно:

– Аленка!

Девушка повернула головку, но видно было: не узнает. Нервно обхватила себя ручками, отодвинулась. С подоконника на пол шлепнулась тетрадка. Мама скосила глаза, прочитала, вздохнула: как обычно. Бессвязный поток слов: *река цветы роза мороз синь одна кремний лодка.*

Врач, впрочем, учил:

– Пограничное состояние не всегда означает полное отключение от реальности. Нам с вами нужно цепляться: за любой проблеск жизни, за крошечную мысль в ее глазах.

Но сейчас во взгляде девушки читался лишь ужас.

– Весна, Аленка, – робко произнесла мать. – На клумбе цветы твои любимые распустились...

Молчит. Отодвинулась от нее еще дальше.

– Помнишь, как называются?

В глазах девушки что-то дрогнуло. Неужели показалось?

– Я очень жду, чтобы ты вернулась домой, Аленушка, – тихо произнесла мама.

Та – слабенько, еле-еле – в ответ улыбнулась. На мгновение подалась к ней – а потом резко отпрянула. Уперлась спиной в оконное стекло. А потом быстрым движением вскочила на ноги – и изо всех слабеньких сил ударилась в окно головой.

Мама – безотчетно – ждала звона осколков. Но окна в клинике были непробиваемые.

Алена снова, будто раненая птица, врезалась в стекло.

Женщина в отчаянии отступила.

В комнату уже спешил врач, на ходу вскрывая ампулу. Мимоходом бросил несчастной матери:

– Не волнуйтесь. Приступ сейчас купируем.

И Алена, спустя минуты после укола, успокоилась. Снова вернулась в свою безучастную раковину.

– Неужели она останется такой навсегда? – в отчаянии спросила женщина у врача.

Тот натянуто улыбнулся:

– Нет. Что вы! Конечно, нет. Мы вытянем ее.

Мать девушки с надеждой смотрела в его лицо. Но доктор жестко добавил:

– Приступы закончатся. Но такой, как прежде, она уже не станет. Ни при каких обстоятельствах. Слишком тяжела для нее была травма.

* * *

В Ла Скала на лимузинах мало кто ездит. Прогрессивные люди добираются до театра на мотоциклах. Луиза считала, что это – тоже часть спектакля: когда подруливает мощный «чоппер», за рулем пожилой джентльмен в смокинге, позади – преклонных лет дама в дорогом шелковом платье. Снимают оба шлемы, приглаживают волосы

– и пошагали слушать «Манон». Причем далеко не бедные ведь старички, арендуют на весь сезон ложу бенуара, с легкостью заказывают шампанское по двадцать евро за бокал. Но тратиться на такси или тем паче на представительский автомобиль никогда не станут.

Сама Луиза – в сорок три года! – тоже освоила мотоцикл. Какой смысл трепать себе нервы в трафике и часами искать парковку?

В Ла Скала она (хотя жила в окрестностях Милана) выбиралась нечасто. Времени, да и денег на светскую жизнь не имелось. Но сегодня – впервые за десять лет! – в Италию приехала ее давняя подруга, и Луиза пригласила ту послушать «Манон».

...Встретились у театра. Приятельница восхищенно осмотрела мотоцикл, Луизино нарядное платье. Тепло улыбнулась:

– Ты неподражаема! Настоящая итальянка!

Луиза расцеловала подружку. Искренне произнесла:

– Я очень рада тебя видеть!

По-европейски незаметно ту оглядела. Смотрелась гостя из Москвы неважно. Бледная, глаза, как у собаки породы сеттер: преданные и грустные. Даже модный костюм и высокие каблуки положения не спасали.

«Совсем плохи, наверное, дела в России».

– Побежали! – улыбнулась Луиза. – Второй звонок уже был.

Хотя звонков в прямом смысле слова в Ла Скала не имелось – вместо них люстры сигналили. Два раза потухнут-зажгутся – соответственно, второй.

Дамы поспешили в свою ложу – номер семь, в бельэтаже.

– Хорошо бы на первый ряд никто не пришел! – мечтательно произнесла приятельница.

Луиза улыбнулась:

– Первый ряд – у нас.

– С ума сойти! – ахнула подруга. – Это же шестьсот евро! – Смугилась: – У меня с собой столько нет...

– Брось, – отмахнулась Луиза. – Я угощаю!

Хотя билетки на премьеру (главную партию исполняла Анна Нетребко) ударили по карману изрядно.

Луиза, пусть и была супругой итальянского графа, денег у мужа не брала. Тот прижимист оказался, а уж траты на оперу считал

совершенным излишеством. Но, к счастью, супруг не стал препятствовать, когда *русская жена* решила основать в Италии собственный бизнес. Необычный, перспективный, но очень трудоемкий.

Туристы, полагала Луиза, давно уже пресыщены. Устали от традиционных отелей, ресторанов и экскурсий. Чем их привлечь? И открыла в изрядно обветшавшем замке мужа – экологическую ферму. Держала овец, гусей, лошадей, выращивала овощи, клубнику, фрукты, шампиньоны в подвале. Натуральное хозяйство практически. Гостям, которые приезжали на отдых, предлагала чистый воздух, деревянные домики, йогу на рассвете (преподавала сама), пиццу из собственной дровяной печи, домашний козий сыр и прочие природные радости.

Доход дело пока приносило скромный, сил отнимало изрядно, но Луиза умела во всем находить свои плюсы. И каждый день благодарила вселенную за то, что ей не надо ходить в офис, постоянно лавировать и унижаться (как когда-то в России) или выпрашивать деньги у мужа. И что гости, в большинстве своем, оказывались доброжелательными, порядочными, интересными людьми.

– Получается у тебя с твоей фермой? – с искренним любопытством поинтересовалась подруга.

– Кручусь, – улыбнулась в ответ Луиза.

Еще раз взглянула в бледное, почти изможденное лицо давней знакомой. Предложила спонтанно:

– Переезжай в Италию! Я тебя заместителем возьму. С перспективой стать партнером.

– Нет, что ты! – испугалась та. И добавила не слишком уверенно: – У меня и дома... все хорошо.

Русские (себя Луиза уже таковой не считала) с удивительным упорством держатся за свои цепи. А ведь когда-то – много лет назад! – именно у подруги имелись все шансы преуспеть. Не то что у нее самой: нищей, закомплексованной девочки из глухой провинции.

...Люстры в золоченом, предвкушающем действо зале мигнули в третий раз – и свет мгновенно погас. В Ла Скала представление начинают вовремя, никаких поблажек для опоздавших.

– Опера на французском идет, – предупредила подругу Луиза.

– Да ты что! А я специально итальянский освежала! Надеялась, что пойму хоть немного! – расстроилась та.

– Что поделаешь, Массне – композитор французский. А европейцы рьяно блюдут аутентичность, – объяснила Луиза.

И включила монитор с переводом.

– Удобно тут у вас. У нас над сценой слова пишут, – с легкой завистью вздохнула подруга.

– Зато у вас в Большом – роскошнее, – усмехнулась Луиза.

Отзвучала увертюра, раздвинулся занавес. Декорации действительно выглядели минималистски, если не сказать бедненько.

Но приятельница придираться (как любят русские) не стала.

Она смотрела на сцену, легонько постукивала по ручке кресла в такт божественной мелодии, и в глазах ее стояли слезы.

«Что же у нее случилось? Неужели несчастная любовь? В сорок-то с хвостиком?!» – подумала Луиза.

Когда-то они очень дружили, поверяли друг другу самые сокровенные и страшные тайны. Но с тех пор минуло уже больше двадцати лет. Пути разошлись, жили они в разных странах и общались теперь совсем редко. Уже не потребуешь на правах надежнейшей конфидентки: колись, мол, что с тобой. Немедленно!

Оставалось только ждать, что подруга сама расскажет.

...В антракте дамы пошли исполнять обязательный ритуал. Взяли кислого шампанского, очень соленых (но бесплатных!) печенюшек на закуску и уселись на мягкий диванчик болтать.

Луиза улыбнулась подруге:

– Ну, рассказывай! Как ты? Как в России?

– Все по-старому, – отозвалась та. – Работаю. Там же. Надоело уже – сил нет. Бросить бы, заниматься чистой наукой... Но кому она сейчас в нашей стране нужна?

– А личная жизнь? – осторожно поинтересовалась Луиза.

– Ох, разве мне до того! – отмахнулась подруга.

И снова – перерезала ее лоб грустная складка.

Луиза не выдержала:

– Слушай, что у тебя стряслось?

– Нет-нет, все хорошо, – поспешно отозвалась приятельница.

Но в глазах ее вновь блеснули слезы.

Отвернулась, пробормотала:

– Прости. Что порчу тебе вечер. Мы же в оперу пришли. Наслаждаться, получать удовольствие!

– Прекрати, а? – слегка повысила голос Луиза. – Плевать на вечер, и на оперу тоже. Мы можем прямо сейчас уйти, сесть в баре и взять бутылку граппы. Немедленно рассказывай!

И подруга не выдержала:

– С Аленкой у меня проблема. Очень серьезная, – тихо произнесла она. – И я просто не знаю, что теперь делать.

* * *

Как врач и обещал, из клиники дочь вернулась домой.

– В школу отправлять ее не спешите, – напутствовал доктор. – И вообще – не дергайте. Пусть делает, что хочет.

Но девочка не хотела ничего. Сидела целыми днями у окошка, смотрела невидящим взглядом на улицу. И даже в тетрадке своей больше не писала.

– Аленка, давай сходим в кино! – теребила мать.

– Не хочу, – буркала в ответ дочь.

– Я купила вкусный торт к чаю...

И снова – равнодушный вопрос:

– Зачем?

Совсем за собой не следила, роскошные, медового цвета волосы свалялись, стали словно войлок. Включит мама телевизор – уставится в экран. Выключит – переведет взгляд на стену. И молчит. А ведь когда-то болтать могла без умолку. И смеяться. И бесконечно примерять наряды. Писала стихи, рисовала, сидела в чате, читала английские книжки, бегала на аэробику, краснела, когда получала эсэмэски от мальчишек, пела, танцевала. Жила полной жизнью. До того рокового дня, который перечеркнул их бытие надвое. На до – и после.

И оставлять все как есть было никак нельзя.

В этом мама не сомневалась.

* * *

Человека скучнее, чем его родительница, Сашка в мире не знал. Только два имелось у маман состояния: или работала, или занудствовала. И никаких, сколько он помнил себя, человеческих радостей не позволяла. Ни себе, ни сыну родному.

Она даже одевалась – глянешь, и от скуки аж зубы заломит. Кофточки блеклых расцветок, серые юбки, всегда одинаковая, бесформенная прическа. Что взять с училки! Мазер, многостаночница, преподавала у них в школе английский, русский и литературу. А еще бралась за переводы и даже чужие тексты перепечатывала, если находились охотники платить. Сашке казалось: в какое время ни выползи на кухню – хоть в два часа ночи, водички хлебнуть, хоть в семь утра, завтракать, – маменька вечно за столом горбится. То тетрадки школьные проверяет, то словарями обложится и переводит скучнейшую техническую заумь. Пока был маленький, еще пытался упросить ее порисовать с ним, поиграть, в салки побегать. И с раннего детства же запомнил: вечно укоряющий взор, недовольный тон:

– Саша, какие игры?! Мне нужно работать.

Однажды – уже подростком – не выдержал. Спросил:

– Слушай, ты вообще умеешь жизни радоваться, улыбаться хотя бы?!

Ждал, что разозлится, велит не задавать глупых вопросов, однако мать лишь вздохнула:

– Когда-то умела. Душой компании была.

– А почему разучилась?

– Жизнь, Сашка, такая. Не до смеха. Думаешь, легко две ставки тянуть, да еще подработки?

Впрочем, сколько ни пахала, а жили они так себе. В отпуск мама никуда не ездила, а его на каникулах отправляла только в детские лагеря (если удавалось льготную путевку достать). Телевизору – лет сто, все краски выцвели, компьютера или даже простенького смартфона у Сашки не имелось. Пытался влиять на мать, укорял:

– Что за жизнь у нас с тобой! Вообще никаких удовольствий!

Но матушка сухо ответствовала:

– На удовольствия нужны время и деньги. А я одна нас обоих кормлю. Плюс плачу за твою гимназию!

Впрочем, Сашка не сомневался: даже будь у мамы лишние деньги и время, все равно не станет она развлекаться. Может, когда-то

и была хохотушкой, но сейчас жизнь прижала. Скрытной родительница стала, сухой, нерадостной. Никаких подруг, никогда в доме у них не устраивалось вечеринок, не бывало спиртного. Даже на Новый год обходилась единственным бокалом шампанского и самым началом «Огонька», а уже в час ночи отправлялись спать.

Покуда Сашка был мелким, приходилось терпеть: бесконечные уроки, английский, режим и скучные фильмы по телеканалу «Культура».

Но теперь он вырос – целых пятнадцать! – и против маминой диктатуры восстал. Все чаще, с разрешением или без оно, сматывался из дома. Тусовался с друзьями, смотрели нормальное кино по ди-ви-ди, задирали девчонок, учились курить, резались в карты. Маман скандалила, постоянно гонялась за ним: то с «Островом сокровищ» на английском, то с идеей, чтоб он тоже шел подрабатывать. На почту, за три тысячи в месяц – смех!

Сашка мамину идею зарубил на корню: пусть родительница сама горбатится за копейки. А он для себя уже решил, что специальность будет получать простенькую, но денежную. Автослесарь, установщик кондиционеров, даже повар – если нормально устроятся! – получают в разы больше, чем школьная училка свободно владеющая английским.

А пока что удалось наврать, что ему уже семнадцать, и устроиться барменом. Точнее, мальчиком на побегушках при бармене. Подавал бутылки, мыл стаканы, смотрел, как смешивают коктейли. К чаевым сопляка, конечно, не допускали, но пресловутые три тысячи он влегкую зарабатывал за неделю! Хоть джинсы себе нормальные смог купить и пару правильных маек, а теперь копил на комп.

Но мамино умение монотонно, старательно откладывать каждую копеечку Сашка не унаследовал. Столько искушений вокруг! И коктейли, и сигареты, и девчонки постоянно клянчат: то цацку, то шампусик. Еще в карты с пацанами играли. Тоже на деньги. Ставки не бог весть какие, но штуку за полчаса Сашка однажды спустил. Обидно, конечно, зато – впервые в жизни своей скучнейшей! – почувствовал: мир вокруг – не упорядоченный, не серый. Он полон ярких красок, непредсказуем, азартен!

Вольной жизнью Сашка старался не злоупотреблять: все ж таки жаль было совсем уж разочаровывать мамашу. Уроки кое-как, но учил; когда парни на спор решили магнитолау из чужой машины вытащить, в

авантюре не участвовал. Маман – по-прежнему вся в работе – пребывала в святой уверенности: сынуля ее – почти пай-мальчик. Троек в дневнике почти не бывает, в школу не вызывают.

Но однажды попались: резались на школьном стадионе в «очко» и не заметили, как директор подкрался. Начал вопить, изъяс колоду, деньги, что стояли на кону, и велел на следующий день всем явиться с родителями.

Сашка расстроился. Нет, бить или под замок сажать мамаша не будет. Но представлял, как вспыхнут разочарованно ее выцветшие от постоянного корпения над книгами глаза, вытянутся в укоризненную струнку губы, – и настроение совсем становилось нулевым.

Вечером выбрал минутку, когда маман, между проверкой школьных тетрадок и очередным переводом, присядет передохнуть на продавленный, ветхий диванчик, и бухнул:

– Тебя Пал Палыч вызывает.

– Павел Павлович? – удивилась она. – Зачем? Мы с ним сегодня на педсовете виделись.

И Сашка, понурясь, поведал о своем преступлении.

– Ты играешь в карты? На деньги?! – Мама выглядела растерянной.

– Да какие там деньги, – насупился Сашка, – на интерес. Сто рублей, от силы, на кону.

– И во что же вы играете?

– А, ты все равно не знаешь, – отмахнулся он.

– И все-таки?

– Ну, в «очко».

Мама продолжала испепелять укоризненным, скорбным взглядом.

– Ну, ма-ам! – заныл Сашка. – Ну не буду, не буду я больше!

Мать молча встала с продавленного диванчика. Вышла из комнаты. «Неужели реветь пошла?» – гадал Саша. Но нет – вернулась быстро, глаза – сухие. А в руках – он просто глазам своим не поверил! – запечатанная картонная колода.

Похоже, ждал его очередной *педагогический прием*. Матушка подобные штучки обожала. Выписывала, например, на карточки всякие невинные словечки типа «блин» или «отстой» и заставляла сына ритуально их сжигать. Неужели сейчас и колоду карт (а ведь дорогие, на хорошей бумаге, откуда только в их доме взялись) спалит?

Но нет!

Маман коробочку распечатала, высыпала карты на стол, ловко – только пальцы с коротко остриженными ногтями мелькали – выстроила подобие домика, с треском разрушила его, лихо картишки перемешала.

Саша взглянул на нее чуть ни со страхом:

– Эй, мам! Ты чего?

А она холодно улыбнулась:

– Почему играем? По сто – или на пятьсот решишься?

– С тобой? Играть?! – искренне изумился он.

Мама же небрежным жестом метнула на стол тысячную купюру:

– Я поставила. Отвечай.

Сашка хмыкнул. Сбежал к своему тайничку. Притащил восемь тысяч – все, что было.

Матушка ловким жестом швырнула ему девятку, пятерку и двойку.

Он только считать начал – маман уже улыбается:

– Шестнадцать. Еще?

– Ну... давай.

И – оп-па! – сразу перебила блэк-джеком.

Без стеснения загребла его тысячу.

Тут же сдала карты снова. Еще хуже: две семерки. А себе – двух дам.

Сашка в восхищении взглянул на нее, молвил:

– Мам! Ты, что ли, шулер?

Она холодно улыбнулась:

– Ставь еще тысячу и сплитуй.

– Чего?

– Даже терминов не знаешь, – укорила. – Удваивай ставку и разделяй. Другого выхода нет.

– А смысл? – вздохнул сын.

Но деньги поставил.

К первой семерке пришли туз и тройка – очко! Только вторую ставку проиграл.

– Хотя бы при своих! – похвалила мама.

Но, несмотря на ее подсказки, восемь его тысяч уплыли – двадцати минут не прошло.

Надеялся, мама проигрыш вернет – нет, аккуратно расправила купюры, положила в старенький, из кожзаменителя, кошелечек. Произнесла снисходительно:

– Понял что-нибудь?

– Понял, – ухмыльнулся он в ответ. – Ты у меня, оказывается, крута!

Мама же грустно вздохнула:

– Саша, не о том речь. Я играю на среднем, зауряднейшем уровне. Просто тебе объяснить хотела, что ты только у мальчишек выигрывать можешь. А попадись на твоём пути даже самый слабый из профессиональных игроков, шансов у тебя никаких. Все сольешь. В кабале окажешься.

– Но ты научишь меня? – загорелся он.

Однако мама только помотала головой. Хмуро произнесла:

– Никогда! И если еще раз услышу, что ты на деньги играешь, – ты мне не сын.

Горько добавила:

– Слишком многих я видела, кто из-за карт свою жизнь под откос пустил.

– Но ты-то сама играешь суперски! – возразил сын. – Бросай свою школу и на круизный лайнер устраивайся! В казино, дилером! А я к тебе в ученики пойду.

– Ребенок ты еще, Сашка! – печально вздохнула она. Веско добавила: – Я дала себе зарок: что больше играть не буду – никогда. Ни при каких обстоятельствах. Все, разговор окончен.

Лицо – суровейшее, Сашка сразу поверил.

И даже подумать не мог, что его твердая, будто кремень, сухая, как прошлогодняя листва, мамаша зарок свой в ближайшее время нарушит.

* * *

Надя Митрофанова иногда очень жалела, что она – не политик. В Думе не заседает, собственной фракции не имеет, законопроекты лоббировать не может. А если б могла – первым делом бы протащила на голосование полный запрет на глянцевого журналы. Точнее, не на журналы как класс, а на бесконечных тощих девиц, которые

улыбаются почти с каждой страницы. У каждой, ну ведь у каждой размер одежды – сорок второй или даже меньше! Талии тонюсенькие, ручки цыплячьи. А модные разделы – вообще кошмар. Сколько раз Надюха присматривала себе кофточку в свете последних тенденций, отправлялась в магазин, точно такую же находила, примеряла. Однако на ее фигуре – среднестатистической – наряд смотрелся – впору в зеркало плюнуть. Типичный пример, как вводят покупателя в заблуждение! Можно в суд подать и дело выиграть.

Даже с Полуяновым, своим любимым мужчиной, однажды мыслями поделилась. Но тот обидно заржал:

– Наивная ты, Надюшка! Даже будь ты в Думе, выдвини подобный закон – его ж зарубят на корню! Депутаты – в большинстве мужики. Если запретят девок тощих, на кого им тогда глазеть?

– Ты мне сам говорил: мужчина – не собака, на кости не бросается! – парировала она.

И Димка честно признался:

– В постели, кто спорит, с мягонькой лучше. А в свет выводят худеньких. Ничего не поделаешь. Так принято.

Ох и обидно ей стало! Крутишься целыми днями. Помимо работы, творишь в доме уют, колдуешь в жаркой кухне над разносолами. Еще и в тренажерный зал приходится бегать, чтобы не превратилась ее *среднестатистическая* фигура в откровенно толстую. Полуянов всегда ухожен, сыт, никогда ему не устраивается ни истерик, ни скандалов. Но все равно: мечтает втайне о тощенькой! А то и давно себе завел, только маскируется успешно.

Когда-то Надя готова была в лепешку разбиться, только чтобы Полуянову, блестящему денди, соответствовать. Тело, дух, вкус постоянно развивала, волосы подкрашивала – строго раз в три недели, маникюр всегда безупречный, за новостями следила, терпеливо смотрела вместе с другом сердечным ненавистный футбол и скучнейшие политические ток-шоу.

Но со временем Митрофанова помудрела. Поняла: превратиться в гламурную красотку у нее все равно не получится. Да и устала постоянно себя блюсти. И теперь, если хотелось ей не тащиться в парикмахерскую, а поваляться с книжкой, – оставалась дома. Уставали ноги от каблуков – отправлялась в ресторан в удобных мокалинах.

Димка однажды даже съязвил:

– Скоро будешь дома в бигудях расхаживать!

До этого пока не дошло, но вместо пикантных халатиков Надя все чаще надевала удобный спортивный костюм.

Оправдывалась перед Димкой:

– На работе дресс-код, где еще расслабиться, если не дома?

...Надя теперь заведовала в своей библиотеке залом Всемирной истории. На правах начальницы присутствовала на всех совещаниях у директора и уж на работу в джинсах-кроссовках ходить точно не могла. Не поймут.

Впрочем, Полуянов над ее солидными костюмами тоже посмеивался:

– Тебе, Надька, халы на голове не хватает и золотых перстней на пальцах.

Жуткий человек! Живешь с ним, будто на пороховой бочке!

И постоянно преследовал девушку кошмар: вдруг увидит она Димину виноватую улыбку, услышит сбивчивое объяснение: «Извини, я встретил другую». Все тогда. Останется она одна в целом свете.

У них ведь с Димкой до сих пор даже не семья, а, как в протоколах полицейских пишут, «сожитительство». Но если она для Полуянова – всего лишь отдушина и тихая гавань, то журналист для нее – все.

«На тренинг, что ли, какой-нибудь психологический пойти, – иногда думала Надя, – самооценку собственную повесить?»

Но сил и времени еще и на это, конечно, не находилось.

Оставалось лишь сравнивать себя с иными посетительницами читального зала – и тихонечко радоваться.

Библиотека ведь – всем известно! – любимое место для всевозможных чудачков. Только в Надин зал постоянно ходили несколько старых дев в хлопковых колготках, три наркоманки, две истерички, пяток откровенных толстух, и не счесть – просто уродин. В сравнении с ними она – просто звезда!

Хотя Полуянов – он частенько заглядывал в историко-архивную библиотеку за вкуснейшими пирожками в буфете и редкими книгами, которые по благу доставались ему без очереди, – почему-то обожал убогеньких посетительниц Надиного зала очаровывать. Причем чем страшнее экземпляр, тем больше соловьем разливался.

Дамы (в большинстве своем кандидаты наук, читатели без ученой степени в привилегированные залы допускались только по особому ходатайству) Полуянова тоже обожали. Несли ему в подарок собственные монографии с дарственными надписями (журналист всегда горячо благодарил). Топорно кокетничали, просили его подписать газету с очередной бомбой-статьей (вот Димка важничал!).

А Надя хмурилась.

– Что ты сердишься? Мужчинам для здоровья надо, чтобы им поклонялись. Кто угодно! – однажды сказала Наде Ирина Андреевна.

Ирина Андреевна тоже являлась читательницей зала Всемирной истории. Но вот уж кого «библиотечной дамой» не назовешь! Пусть ей за сорок, не красotka, мать-одиночка и одевается неброско. Зато энергии, оптимизма, жизненной мудрости – на пятерых хватит! Митрофанова с ней, можно сказать, дружила. Удивительным образом Ирина Андреевна умела выслушать, дать совет, рассмешить-подбодрить, если настроение плохое. Хотя являлась доктором философских наук, званием своим высоким не кичилась, заумных словечек вроде «генезис» или «экстраполяция» не употребляла. И не скрывала от Митрофановой, что служба в университете – для нее скорее хобби. А *живет* на то, что пишет курсовые работы, дипломы, диссертации. Для богатых людей, на заказ.

Надя, когда узнала, слегка опешила. Пробормотала:

– Как-то это... не слишком честно, по-моему.

– А, нормально! – беспечно отмахнулась Ирина Андреевна. – У кого нет времени по хозяйству возиться – берет домработницу, кто боится за рулем ездить – шофера. Диссертацию написать – точно такая же услуга. Я ее оказываю – и получаю вознаграждение, все справедливо.

Сунула Наде пачку читательских требований, в этот раз – на литературу по музыковедению. Шепнула заговорщицки:

– Видела бы ты заказчика! Мальчик, двадцать пять лет, способности заурядные, снобизма – через край. Зато папа – нефтяник, президент управляющей компании. Скрипку Страдивари, можешь себе представить, сыну купил! И ученым званием решил обеспечить.

– Неужели вам не обидно? – вздохнула Митрофанова.

– Мне куда обидней, когда я свою зарплату несерьезную в университете получаю, – заверила Ирина Андреевна.

«Я бы от такой работы с ума сошла!» – мелькнуло у Нади.

А Ирина Андреевна – ничего, увлеченно шелестит страницами, с довольным видом кивает, когда удается *мысль по теме* найти и выписать.

Надя бы совсем поверила, что не смущает читательницу ее положение научной служанки, если бы не случай.

В тот день, когда говорили о диссертации для музыканта, у нее заболела помощница, и Митрофановой пришлось – несмотря на статус начальницы зала – самой сбрасывать (то есть возвращать в хранилище) вчерашние книги читателей.

И вдруг из талмуда, который читала тогда Ирина Андреевна, вывалился листок. Обычный, тетрадный, в клеточку. Читатели частенько забывали что-то в книгах. Митрофанова специально не искала, но коли находила – всегда откладывала. И потом отдавала, даже не читая. Сейчас тоже собиралась отложить бумажку в ящик стола. Но взглянула совершенно случайно и опешила. На листочке значилось единственное слово:

– НЕНАВИЖУ!!!

Почерк точно принадлежал Ирине Андреевне. Ее аккуратную вязь ни с чем не спутаешь.

Митрофанова вздохнула, понимающе улыбнулась. Лукавит, оказывается, читательница! Не слишком ей легко дается быть *ученой на побегушках*. Что ж! Не самый плохой способ выбрала – сбросить напряжение, снять стресс.

Пусть работу свою ненавидит, зато приезжает в библиотеку на машине. И съездить за границу может себе позволить.

* * *

– Сегодня в десять будь дома, – велел с утра отец.

– Зачем еще? – скривился Юрик Гречишников.

– Будут гости. Сыграешь им что-нибудь. Аккомпаниатора с собой привези. Я заплачу.

– Пап, слушай! Ну, надоело! – заворчал сын. – Что я тебе – обезьяна ученая?

Но папаню не прошибешь, только хмыкнул:

– Обезьяны в ночных клубах кокс нюхают. А ты у меня, наоборот – гордость. Подающий надежды музыкант.

Юрик вздохнул. Спасибо, конечно, отцу, что верит в него. Что помогает – устраивает приглашения на *настоящие* концерты, оплачивает лучших педагогов, купил хороший инструмент, выделил в доме специальную комнату для репетиций – с шикарной акустикой. Но много и неприятного от родителя исходило. То решает папочка, что сын обязательно должен диссертацию защитить. То гостей его развлекай, как сегодня.

Но спорить с магнатом Гречишниковым не решался никто. И уж тем более – его собственный сын.

– «Времена года» Вивальди сыграю, – покорно кивнул Юрик. – Тебя устроит?

* * *

Полуянова в последнее время стала раздражать родная редакция – безумно.

То они, видишь ли, возьмутся Сталина воспевать, а для него усатый был и оставался тираном и кровавым душегубом. То оппозицию, и без того чахлую, кинутся изводить, а Дима считал, в речах протестующих много разумного имелось. Да и по большому счету пресса, полагал журналист, всегда, по самому своему предназначению, должна противовесом власти быть, а не дуть с ней в одну дуду. Быть той самой щучкой, чтобы караси – чиновники разных масштабов – не дремали. И не дело для газетчиков гладить начальству кормящую руку. И тем паче лизать ее.

Это были разногласия, можно сказать, эстетические, как Андрей Донатович Синявский некогда выразился. Однако потихоньку *эстетика*, сперва незаметно, а затем все более ощутимо Полуянову в его повседневной работе мешать стала. Вот зацепил Дима, к примеру, грустную историю. Потом раскопал, дошел до сути, в настоящую бомбу превратил, и...

События случились в областном центре К*** неподалеку от Москвы, в нечерноземной полосе, и начинались они для наших времен очень даже тривиально: молодой человек на «Лексусе» последней

модели сбил на пешеходном переходе женщину сорока восьми лет. Юноша по имени Камынин Святослав, девятнадцати лет от роду, был задержан. Документов на «Лексус», принадлежавший на правах собственности его матери, Камыниной Софье Евгеньевне, равно как и водительского удостоверения, при нем не оказалось. По свидетельству очевидцев и полицейских, оформлявших ДТП, он был сильно пьян. От медицинского освидетельствования юнец отказался, вел себя вызывающе, держался высокомерно, угрожал. Был препровожден в отделение, где пара полицаев во главе с дежурным его слегка успокоили. (Впоследствии они же больше всех и пострадали, да их не жалко, не будут руки распускать – мало ли, что они чесались юнца отоварить!)

Вот кого было действительно жалко, так это сбитую женщину, Державину Юлию Константиновну – она к утру скончалась в больнице. Погибшая оказалась учительницей чуть не с тридцатилетним стажем и человеком, в городе уважаемым. Возникло, практически стихийно, возмущение, в ходе которого небольшой отряд разгневанных горожан выдвинулся в сторону отделения, где находился задержанный Камынин. Они хотели чуть ли не линчевать недоросля, однако к ним вышел начальник отделения и сообщил, что гражданина уже успели доставить в суд. Толпа отправилась в сторону суда. По пути она теряла сторонников, чей энтузиазм угасал, однако приобретала новых – и в итоге у здания суда оказалось уже человек сорок. На крыльцо к ним выпустили козла отпущения – клерка из отдела по связям с общественностью. Тот проблеял, что заседание, решавшее вопрос о содержании гражданина Камынина под стражей, уже состоялось и юнец отпущен до суда. Откуда-то, впрочем, нашлись свидетели того, что не просто отпущен: за молодцем заехала на внедорожнике «Мерседесе» лично его мамаша. А кроме того, мальчика-мажорчика отпустили, даже не взяв подписки о невыезде.

Тогда толпа разделилась, большая часть, по пути обрастая сторонниками, отправилась к дому в центре, где проживали Камынины. Оставшиеся у суда возмущенные попытались разгромить здание – били окна, хватали за грудки клерка, пытались ворваться внутрь. Полицейским на посту охраны пришлось даже стрелять в воздух. А вскорости прибыл ОМОН, разогнал толпу и задержал восьмерых человек, которых впоследствии назовут зачинщиками.

Другая группа отряда особого назначения прибыла к фешенебельной новостройке, где кучковались другие разгневанные, и рассеяла их, схватив для острастки еще четверых.

Дима рванул в К*** тут же, как прочитал о событии в Твиттере. Когда он чувствовал запах жареного и привкус творящейся с простыми людьми несправедливости, никто ему был не указ – ни Надя, ни главный редактор. Он работу и семью только в известность поставил, уже с шоссе: еду, мол, по горячей теме, подробности последуют.

В итоге над материалом с самого, почитай, первого дня стал работать единственный из журналистов. Полтора месяца на тему убил. Три раза в К*** мотался. Присутствие в городе корреспондента уважаемой газеты из Москвы хоть немного ретивость местных властей охладило. Они ведь хотели сперва закатать всех двенадцать задержанных по статье за организацию массовых беспорядков. Однако, слава богу, «зачинщики» отделались штрафами – пусть, по нынешним временам, деньги оказались немалыми, да интернет-сообщество бросило клич, скинулось, выручило.

При Полуянове и похороны учительницы Державиной прошли – таких спецкор еще не видывал, если не считать погребения Брежнева или Ельцина. Казалось, полгорода пришло, тысяч пятьдесят, наверное. Полицейских в оцепление со всей области свозили, и даже солдатиков пригнали из соседней части. На кладбище хватало горячих речей, однако от новой вспышки беспорядков убереглись.

Местные СМИ молчали о происшедшем, как зарезанные – равно как и крупные московские средства массовой информации. Только на «Дожде» появился репортаж да на «Эхе Москвы» прямые включения. И в «Новой газете» заметочка на восьмушку полосы. Так что у Полуянова на эту тему был полный эксклюзив.

Невольный убийца, Святослав Камынин (которого все его местные друзья кликали Святот), благополучно исчез. Народ до него не добрался. Полиция – тоже. Говорили, он удрал из города – и из страны тоже. (Недаром суд его в то первое утро выпустил и даже подписку о невыезде не взял. Для того и выпустил, был уверен Дима.) Через три дня под давлением общественности суд переменял решение, и Камынина объявили в розыск. Но к тому времени из К*** сгинула и его мать, Софья Евгеньевна.

Дима стал выяснять тайные пружины происходящего, считая их самыми важными в истории. Выяснилось, об этом говорили многие, а местные блоггеры даже предоставили корреспонденту доказательства в виде многочисленных фотографий, что Софья Камынина, мать Свята, женщина видная и одинокая, состоит в интимной связи с неким Эдуардом Николаевичем Серафимкиным. Они даже проживают совместно в обширном доме в предместье города К***. К тому же Серафимкин купил для нее (копии договоров прилагались) две квартиры в центре (в одной из них в одиночестве прописался тот самый сынок Камыниной от первого брака Святослав).

По документам Серафимкин был хозяином скромного ООО «Пост-экс», а на деле являлся богатейшим в области и влиятельнейшим человеком. Передвигался по К*** в бронированном «мерсе» с джипом охраны и с мигалкой, даже в столицу в подобном сопровождении наведывался. Денег, как рассказывали, у него был вагон, потому как выигрывал богатей местного розлива чуть ли не все тендеры, которые объявляли местные власти. Побеждал он на конкурсах по распилу народных денег, разумеется, не самолично, но через подставные структуры, зарегистрированные на многочисленных родственников и верных людей – в том числе на Софью Камынину и ее сына. Владел, как говорили, половиной города, включая все окрестные бензоколонки, подпольные игорные заведения и проституток. И ничто Эдуарда Николаевича не брало: ни прокуратура, ни налоговая, ни тем более простые полицейские. А все потому, что – злые языки в городе о том не то что шептались – вопили: он, оказывается, в свое время с нынешним губернатором К-ской области Валерой Жижикиным в одном классе учился, а после даже в Советской армии в одной роте служил. Давал ли Серафимкин откаты лично Жижикину? Платил ли ему прямо и непосредственно? На этот вопрос жители города тоже отвечали утвердительно – правда, никакого документального подтверждения данному факту Полуянов, увы, не нашел.

Зато подо всю остальную фактуру у него была подложена мощная доказательная база – не подкопаешься. Фотографии, ксерокопии, огромная папка документов подтверждали едва ли не каждую запятую в его будущей статье. А Дима постепенно стал воспринимать историю едва ли не как персональную вендетту, а Жижикина, Серафимкина

и Камыниных – как личных врагов. А все потому, что, после того как первый шок, горячка и одновременно столбняк у местных властей прошли, те поняли, откуда ветер дует, и начали делать все, чтобы дезавуировать будущую полуяновскую статью и скомпрометировать ее автора. Приступили проверенными (и часто действенными) средствами: напоить, соблазнить. Когда журналист не повелся, задержали в городе якобы за вождение в нетрезвом виде, продержали ночь в обезьяннике, отпустили, извинились. Хмурые личности звонили ему по мобильному телефону, угрожали. Написали телегу в редакцию от имени несуществующих жителей города: дескать, спецкор ваш врет, пьет, дебоширит, морально разлагается. В последнюю командировку в К*** Полуянов уже как на фронт ехал. Захватил с собой из Москвы редакционного юриста, чтобы тот каждый его шаг по городу документировал.

С кучей народа Дима встречался и после, уже в Москве. Его интересовал, среди прочих, вопрос о непотопляемости губернатора Жижикина. Тот наместником был в области уже одиннадцатый год, а ведь даже высшего образования не имел товарищ, только вечерний техникум. Уже будучи в должности, получил, правда, губернатор корочки местного политеха (заочно), а заодно, всего через одиннадцать месяцев после выпуска из вуза – удостоверение кандидата технических наук (что уж мелочиться!). При том, что о грамотности власть предержащего ходили легенды. Он писал в резолюциях: «через чур» вместо «чересчур» и «за ранние благодарю» (вместо «заранее»). Дима сам видел его собственноручную запись из восьми слов, в которых правитель совершил десять ошибок. Но в итоге секрет непотопляемости Жижикина оказался прост. Будучи еще совсем молодым человеком, сразу после армии, он, оказывается, работал в садовом некоммерческом товариществе «У озера» – том самом, знаменитом, откуда вышли все нынешние расейские высокие начальники. Трудился он там, как говорили, простым охранником – а вот, поди ж ты, система своих не бросала, пристроили товарищи на теплое место.

В итоге Полуянов писал статью, как давненько не работал, – с горячностью подзабытой, юношеской. Аж временами от праведного гнева и обиды за державу задыхался. Но старался сдерживаться. Понимал, что время лупить открытым текстом прошло, осталось

безвозвратно в начале нулевых. Теперь требовалось не шуметь с открытым забралом, а быть хитрым, осваивать язык Эзопа. Что ж! Диме приходилось, в полном соответствии с работой господина Фрейда «Об остроумии», переплавлять свой гнев и горечь в иронию и сарказм. Еще и лучше получалось!

«Беда не в том, что у нас есть неприкасаемые, – строчил он, как всегда, от руки. – К этому уже все давно привыкли. И если бы речь шла о самом губернаторе или членах его семьи, если бы они раздавили на пешеходном переходе человека – народ поворчал бы и забыл. Ужасно, конечно, но это наша действительность. Так уж заведено на земле русской: наместники всегда злоупотребляли и воровали, кого ни поставь. Одна надежда – на доброго царя. Одна вера: услышит он о творимых в К-ской области безобразиях, прогневается, да и выгонит губернатора. Однако в случившейся истории и губернатор, получается, ни при чем. Силовое поле его могущества окутало защитным облаком и бизнесмена Серафимкина, и, как оказывалось, его сожительницу, и даже сына сожительницы.

Вы бы уж сказали тогда, товарищи, заранее, на каком удалении от местного трона кончается неприкасаемость? Или опознавательные знаки специальные неприкасаемым выдавали. Стикеры на машину, на одежду: «Давить могу всех», например. Или: «Убью любого, и мне ничего не будет». А то ориентироваться, право, трудно! Вот народ и недоволен. И патрульные полицейские ни за что пострадали: избили пьяного лихача, как любого на его месте отмузузили бы. И – накололись. Не признали владетельного сына. И были с позором изгнаны из рядов».

Получился у Полуянова супергвоздь, длины невероятной и силы нечеловеческой – с продолжением, на четыре полосы. Сдал статью Дима, как всегда бывало с подобными стремными темками, не обычным порядком, через секретариат, а непосредственно главнюге. И началась какая-то нехорошая, подковерная, мышьяная возня. То Анатолий Степанович пронесется мимо по коридору, воскликнет с непонятной ухмылочкой в адрес Димы с неким преувеличенным даже уважением: о, привет нашему золотому перу! То после летучки обронит мимоходом: решаем, решаем твой вопрос, и, главное, непонятно, почему *твой* вопрос, как будто он проситель и чего-то личного своей статьей добивается. И ведь, главное, согласовывал

Полуянов тему с главным редактором, когда еще из самой первой командировки в К*** вернулся. Да и потом, по ходу дела, докладывал ему в общих выражениях и получал всякий раз карт-бланш: продолжай копать. А теперь, у финишной черты, дело застопорилось.

И когда главнюга вызвал его в кабинет для разговора, сразу, уже по слегка виноватому виду тертого калача Степаныча, понял Дима, что дело швах.

– Может, чайку приказать? – предложил редактор. – Или коньячку?

– Нет, спасибо, Анатолий Степанович, – отстранился Дима. Ему сразу, по выражению и тону редактора, все стало ясно; оставалось только поглядеть, как извернется главнюга, в какие слова облечет свой вежливый отказ. И Полуянов решил не лишать себя удовольствия, начальству не помогать, с любопытством энтомолога пронаблюдать за чиновными судорогами до самого конца.

– Да, по поводу твоей статьи. Ты помнишь, я с самого начала был от нее не в восторге.

Ничего подобного Полуянов не помнил, поэтому сухо отвечивал:

– Разве?

– Легче легкого было зарубить ее сразу. В ней много спорного и много излишне горячего. Но я хотел ее напечатать – прежде всего, ради тебя. Что-то ты в последнее время совсем нас перестал баловать острыми материалами.

«Ну, вот и без наездов не обошлось, – отстраненно подумал журналист. – Наверняка во многом я сам окажусь виноват».

– Однако ты ж понимаешь, Дима, – продолжал Анатолий Степанович, – ты в редакции не один. И я отвечаю за всю ее. За всех вас. И всех вас прикрываю. И сейчас тебе говорю: подожди, Дима. Пока не время нам вылезать с этой статьей. Я зондировал почву... там, – последовал красноречивый жест: указательный палец ткнул в потолок. Собеседник минуту подождал, однако, лишенный спасительной Диминой реплики, принужден был продолжать: – И все до единого говорят: лучше повременить. Поэтому давай, Полуянов, повторим попытку позже, когда все уляжется. Ты, конечно, волен свой материал забрать, и я не буду против, если ты его напечатаешь в каком-нибудь другом издании, – презрительное лицо главного выразило все

его крайне снисходительное отношение к прочим средствам массовой информации, вместе взятым. – Однако я, откровенно говоря, тебе не советую. Не время пока. – Новая пауза, и, так как репортер хранил молчание, главнюга, делая над собой усилие и преодолевая, как видно, определенное внутреннее сопротивление, продолжил: – Ты, конечно, за то, что я от такого горячего материала отказался, можешь считать меня дураком, но...

Диме надоело зрелище агонизирующего главнюги, и он встал, сказал:

– Дураком считать не буду. А трусом – да.

И вышел из кабинета.

* * *

Распечатанную свою статью, на «собаке», он видел на столе у главного, но забирать ее не стал. Демонстрация была бы, конечно, впечатляющей – но какой в ней практический смысл, если она вся хранилась у Полуянова в рабочем компьютере? В любой момент посылай, хочешь – в «Новую газету», а хочешь – на «Эхо Москвы». Или... А что – или? Куда еще можно ее пристроить? Коротка скамейка средств массовой информации, которые позволяют себе нынче правду. Даже трудно поверить, что, когда Дима начинал, все вокруг были откровенны наперебой. А теперь хочешь быть журналистом – лги. Ну, или отправляйся во внутреннюю эмиграцию – писать про культуру, спорт, природу и животных, как в советские времена народ поступал. Можно также звезд и звездочек нынешних поливать или облизывать. Ну а время журналистских расследований прошло. Или, оптимист скажет, еще не наступило по новой. Поэтому пулю, которую он отлил, несмотря на все эвфемизмы, мало кто в Москве напечатать захочет или тем паче по радио передать. Если только в Интернете разместить, на «Всемирном журнале», допустим. Тоже, на худой конец, вариант. Да только в Сети не платят – а что они с Надеждой кушать будут?

Журналист вернулся в свой кабинет. У него в пользовании имелась крошечная клетушка, однако ото всех отдельная. А он, как оказалось, в итоге не особо даже расстроился. Он понимал, к чему дело шло. Просто теперь для него появился стопудовый повод

остановиться, оглянуться и подумать: как быть ему дальше и что делать? А сейчас, чтобы прогнать от себя очередное разочарование, он решил принять пару рюмочек.

В углу кабинетика еще с советских времен стоял сейф, а в нем – дежурная бутылка коньяка на самый экстренный случай, если забредет в кабинет не какой-нибудь ушлый, желающий продолжить на халяву коллега, а дорогой, неожиданный гость. Например, особо уважаемый автор. Или старый приятель, вроде опера Соловьева. Или, чего уж греха таить, удивительной красоты фемина, к которой он вдруг восплачет глубочайшей страстью.

Однако фемины, откровенно говоря, здесь давно не появлялись. Особо уважаемые друзья, включая опера Соловьева, тоже не торопились. Вот и приходилось теперь использовать тревожную бутылку, чтобы снять стресс и залить разочарование. А оно, разочарование, чего уж скрывать, конечно, имелось – потому как и надежда, признаемся честно, у спецора до недавнего момента теплилась.

Заливать горе вином Дима терпеть не мог. Равно как и керосинить на радостях. Слишком многие коллеги-журналисты на его глазах из-за этой проклятой привычки теряли сначала свои способности, а потом, довольно скоро, и работу, семью, и самих себя. Поэтому Полуянов не признавал никаких поводов, не велся на предложения – давай, мол, всприснем неудачу, посидим, попроклинаем всех подряд: редакторов, губернаторов, страну и строй. Дима рассматривал коньяк лишь как редкое лекарство, антидепрессант и транквилизатор в одном флаконе, поэтому выпил одну за другой пару рюмок.

Полегчало, потеплело – и он засобирался домой, к Надежде, не останавливаясь, не откликаясь на звонки и на устные предложения скоротать совместно вечерок.

Вечернее метро тоже оптимизма Полуянову не прибавило. Несмотря на девять вечера, поезда шли полными – как притиснули его к двери, так почти до самого «Медведково» ехал. Зато появилась возможность спокойно подумать.

Радоваться, конечно, было нечему, однако спасибо главнуге за то, что он предельно прояснил обстановку. Значит, дилемма представлялась простая: либо покорно скушать все, что ему Анатолий Степанович выкатил, и как ни в чем не бывало приходить на работу и

расследовать в дальнейшем, от кого родился ребенок у Киркорова. Либо – забрать статью, хлопнуть дверью и пойти свататься куда-нибудь в оппозиционное издание.

А пока шел от метро к дому, придумал кое-что здоровое: посоветоваться с Надеждой. Он ее в свои редакционные дела обычно не посвящал. С одной стороны, берег, конечно, но и высокомерничал: что она, простая библиотечка, может понимать в высоких материях! А сейчас, когда по-настоящему припекло, когда по самому большому, гамбургскому счету совет ему понадобился, решил с невенчанной женой поделиться. Однако одновременно загадал (глупо, конечно, и даже подловато, но все равно): если вдруг будет Надежда уверять, что надо утереться, бросить статью в урну и забыть, и работать дальше, как работал, – тогда он вспылит и, скорее, самое Надежду бросит!

А почему нет? Почему бы Полуянову не бросить разом все?! Как заманчиво! Покинуть и работу, и Надю! Сдать на длительный срок оставшуюся от мамы квартиру и уехать, допустим, в Таиланд, денег хватит. А там провожать закаты, предаваться тайскому массажу со смуглой покорной аборигенкой и, наконец, начать писать свой давно вынашиваемый роман века. Как соблазнительно!

* * *

Надя

Целый день сегодня лил дождь, и Димка пришел с работы – под стать погоде. Хмурый, бледный, язвительный.

Надя, по счастью, была уже опытной *спутницей жизни*, потому осаждать любимого вопросами «Что случилось?» с порога не стала. Не стала и принюхиваться, хотя знала: Полуянов всегда мрачный, когда начинает трезветь. Неужели (дурацкие, вольные газетные нравы!) опять что-то отмечали посреди рабочего дня?

Продолжала осторожно приглядываться к сердечному другу. Нет, тут не алкоголь. Точнее, не он один. Димку мысль какая-то гложет. Похоже, не слишком приятная.

Полуянов молча переоделся в домашнее. Рубашку, против обычая, не на кровать швырнул, а дисциплинированно отнес в бак с грязным

бельем. Вымыл руки – хотя обычно, будто маленькому, приходится напоминать.

«Не просто хмурый, но еще и послушный. Тревожный симптом», – заволновалась Надя.

Но вид продолжала сохранять самый благодушный, приветливый. Весело объявила:

– Сегодня на ужин у нас шашлык. Настоящий. Я сделала в маринаде на минералке, как ты любишь! И пожарила в духовке, на шампурах.

Ждала, что хотя бы сейчас отгадет, улыбнется, побежит к бару вино выбирать, но Димка лишь вяло улыбнулся:

– Отлично.

И взялся за мясо – нежнейшее, да с пылу, с жару – без малейшего аппетита.

Наде очень хотелось разразиться саркастическим: «Кто тебя накормил-то?» Но она снова удержалась. Хотя внутри вся кипела от возмущения. Как пропаганда смеет утверждать, будто у мужчин с женщинами в России равные права? Ты, как взмыленный пони, мчишься с работы – прямым к плите, тут же бросаешься жарить-парить, даже чайку некогда выпить. А барин приходит точно к горячему ужину и ковыряется с кислым видом, ни спасибо тебе, ни слова ласкового.

А она – нет бы высказать суженому все, что о нем думает, дрожит: почему хмур, глаза отводит? Не последует ли сейчас – вечный ее тайный кошмар – реплика: «Извини, Надюшка, не знаю даже, как тебе сказать... кажется, наши отношения себя исчерпали?»

Только бы миновала сегодня гроза!

Димка, пусть без аппетита, мясо поклевал, овощами (тоже на гриле пожарила!) заел – и, счастье, повеселел, размяк. Привычным жестом обнял Надю за сдобную талию, чмокнул в щеку, румяную от кухонного жара, шепнул в ушко:

– Кормилица ты моя!

– Я-то думала: любимая женщина! – весело попеняла она.

– Ты – совершенство во всех ипостасях! – нашелся журналист. – Леди в гостиной, хозяйка на кухне...

Надя ждала: сейчас последует продолжение афоризма *про спальню*, и Димина рука опустится ей на бедро, но журналист

(кажется, с сожалением) отстранился. Произнес:

– Надюха! Мне с тобой поговорить надо.

* * *

Дима

План – избавиться ото всех цепей разом – был хорош.

Но Митрофанова оказалась чуткой девочкой и повела себя сегодня исключительно правильно. Когда он явился, ни о чем выспрашивать не стала. И что коньячком попахивает от него, не начала пенять. В стиле смиренной тайки подала ужин, а потом, распахнув глаза, не перебивая, выслушала Димину историю. Когда в конце концов Полуянов закончил рассказом о сегодняшней нотации главного, Надежда сочувственно вздохнула: «Бедный Димочка!» А потом спросила участливо: «И что же ты дальше думаешь делать?»

Журналист коротко обрисовал подруге жизни дилемму: или – или. Или гордо уходить – или смириться, в стиле «рожденный ползать – летать не может». И ползать дальше.

– Значит, – с самоуничижительным пафосом заметил он, – начну живописать, как Стас Михайлов на вручении премии «Золотой мегафон» разлил вино на блузку Ваенге.

– Может, все-таки из «Вестей» уйти?

– Мне – уйти? – стал разоряться журналист. – Боже мой, Надя! Я с этой газетой, с «Молвестями», больше чем полжизни прожил! Я ведь туда еще школьником пришел, девятиклассником! Еще когда передовые печатали: «В Политбюро ЦК КПСС». Я тебя тогда не знал – ну, вернее, видел пару раз, но даже представить не мог, что мы с тобой рядом по жизни окажемся!

Надежда тут грустно подумала: «А я-то в тебя уже тогда влюблена была» – однако прерывать невенчанного мужа не стала. А тот продолжал нагнетать:

– Сколько всего у меня с этой газетой связано! Мы ведь и с тобой по-настоящему познакомились, когда я над темой для нее работал! И потом! Из каких я только переделок не выходил!

(«Мы выходили», – подумала про себя Надя.)

– И всегда – или почти всегда – меня старшие товарищи прикрывали, спасали, помогали. Тот же главнюга, надо отдать должное, – не раз. Я за собой газету чувствовал, силу ее! А сейчас?! – патетически изрек журналист.

– Ну и не надо, значит, из нее уходить, – мягко заметила Митрофанова.

– А что же делать – смириться?! – ощетинился Дмитрий.

– Тоже не обязательно. Ты ведь можешь статью свою где хочешь все-таки опубликовать. Мало ли чего главный не рекомендовал... Ты – свободный человек, в крепостных у своего Анатолия Степановича не числишься!

– Предлагаешь объявить ему войну?

– Мудрецы бы про твой случай сказали: если не можешь решить, что делать, не делай пока ничего, – пожала плечами она. – Возьми тайм-аут. Но не тупо, раз за разом, обсасывая в мозгах ситуацию, а наоборот – полностью от нее отключись. Впади в анабиоз.

– Предлагаешь лечь на диван и уставиться в потолок? – саркастически молвил журналист.

– Можно поинтересней. Ты в отпуске в этом году был?

– Сама знаешь, что нет, – проворчал журналист.

– И в прошлом году – тоже. Подготовка на Черном море очерка «Небесный остров»^[1] и последующее лечение, я думаю, в счет отдыха не идет. Вот и надо тебе сейчас сбежать из Москвы. Расслабиться полностью, на пару недель. «Молодежные вести» тебе отпуск оплачивать обязаны. Не дарить же им! А потом решишь: или оставаться, или уходить.

Журналист осекся. Задумался. Хмыкнул, с оттенком шовинизма:

– Смотри-ка! Оказывается, и ты можешь дельные советы давать!

Надя горько подумала: «А ты только заметил?» – но опять-таки ничего не сказала. Еще не хватало им сейчас отношения выяснять!

– Да я вообще супер, – улыбнулась Надежда.

– А я? – подбоченился журналист. Настроение Полуянова – после того как он высказал все, что накипело, а близкий человек выслушал и понял – чудесным образом улучшилось.

– Ты тоже умник и гигант, – польстила гражданскому мужу Митрофанова. – И все у тебя с работой будет хорошо. Таких журналистов, как ты, еще поискать!

Когда она говорила последние слова, Димка уже обнимал ее и целовал в шейку.

– Ну, поищи, – промурлыкал он.

– И поищу, – прошептала она, запуская руки ему в шевелюру.

* * *

На следующий день Надя явилась на работу без настроения. Да, вчера она изо всех сил старалась убедить Диму, что все в порядке, обычный у него рабочий конфликт, с кем не бывает.

Но только прекрасно уже изучила любимого. И чувствовала: на компромисс с главной Димочка не пойдет. Не тот у него характер. Уйдет, скорее всего, из «Вестей», да еще дверью на прощание хлопнет со всей силы. И никакой отпуск в банальном Египте положения не изменит.

Наде совсем не хотелось, чтобы Полуянов отправлялся в свободное плавание. Причем отнюдь не финансовый вопрос девушку смущал. Сейчас Димка в жизнь *включен*, при хорошей должности, при статусе. А окажется на вольных хлебах – совсем неизвестно, как жизнь повернется. Станет себя оппозиционером считать, начнет по митингам ходить или сутками в Твиттере сидеть. А то, еще хуже, запыет от не востребоваемости. Будет искать утешения в объятиях посторонних женщин.

В общем, совсем грустная перспектива: и для Димы лично, и для их отношений.

...Как назло, еще читателей в библиотеке полно, посидеть, спокойно подумать – никакой возможности. Плюс жара в городе, а кондиционеров в библиотеке нет.

Надя в своем деловом костюмчике просто не знала, куда от духоты деваться. Посетительницы – хотя явились многие в сарафанах, в кофточках с декольте – тоже над своими талмудами склонились все красные, кто газеткой, кто веером обмахивается. Будто в литейном цехе они, а не в библиотеке!

Одна Ирина Андреевна – любимая Надина читательница – выглядела сегодня свежей и бодрой. При том, что одета была в строгое льняное платье с рукавами две трети.

– Как вам удастся жару игнорировать? – не без зависти в голосе поинтересовалась Надя.

Женщина заговорщицки улыбнулась:

– Меня научили одной очень полезной вещи. Называется «охлаждающее дыхание». Смотри, Надя. Складываешь очень узким колечком губы, сворачиваешь в трубочку язык – и втягиваешь воздух. Представляешь при этом, будто холодную воду через соломинку пьешь. Попробуй!

– И поможет? – недоверчиво произнесла Митрофанова.

– Через пять минут – гарантированно, – заверила читательница.

И – вот удивительно! – сработало. Даже холодно стало, хотя термометр в зале плюс двадцать восемь показывал.

– Где вы этому научились? – заинтересовалась Надя.

– На экологической ферме, – усмехнулась Ирина Андреевна.

– Где-где?!

– Я недавно в Италию ездила и останавливалась не в гостинице, а в частном доме. В деревеньке на озере Комо. Там удивительная хозяйка, бывшая наша. Представляет: в старинном замке – он ее мужу принадлежит – организовала что-то вроде частной гостиницы. Еда – только натуральная, все продукты со своего огорода и фермы. Свое молоко. Лошадки. По утрам – уроки йоги для начинающих, вроде нас с вами. Я сначала боялась ходить, у меня спина проблемная, так Луиза уговорила – теперь бегаю, словно девочка! Ну, и еще много полезных вещей узнала. Про охлаждающее дыхание, например. Плюс Италию посмотрела, Швейцарию – там рядом. Хозяйка такие интересные экскурсии проводит вдали от туристических троп!

– Умеете вы, Ирина Андреевна, жить, – улыбнулась Митрофанова.

– А тебе кто мешает? – усмехнулась женщина. – Могу ссылочку на сайт этой фермы дать. Стоит, между прочим, копейки – Луиза свое дело только начинает, поэтому скидки дает огромные.

И добавила:

– Если на душе тяжело – самое место, куда стоит поехать.

«А ведь мысль! – пронеслось у Митрофановой. – Вдруг к Полуянову моему как раз там просветление придет?»

Надя даже не поняла – понравилась ли Димке ее идея насчет необычного отпуска?

Поехать на экологическую ферму тот согласился, хотя счастливым совсем не выглядел. Буркнул: «Вечно придумаешь ты, Митрофанова... Ладно. Хоть отосплюсь там, в глуши».

Надя же, наоборот, летала, точно на крыльях. И очень надеялась, что этот их с Димкой совместный отпуск окажется куда удачней, чем предыдущий^[2].

* * *

В первый их день в Италии, в экологической деревне на озере Комо, девушка пробудилась, когда часы на ратуше пробили семь утра.

Невозможно спать, если в открытое окно рвется запах свежей травы, озерной сырости, теплых булочек. «Выпить кофе на террасе и посмотреть, как просыпается озеро? Или сбегать искупаться? Или ласково – *очень ласково!* – выволить Димку из объятий Морфея?»

Но Полуянов почивал совершенно безмятежно, и Надя решила его не будить. Умылась, оделась в спортивное и тихонько выскользнула из домика. Хозяйка фермы вчера, кажется, что-то говорила про йогу? В 7.15 утра?

До чего удивительно начинать день не по звонку будильника, без спешки, торопливого кофе. Из дома выходить не в угрюмый подъезд, но во влажную от росы траву.

Озеро искрилось у подножия холма, черепаха, обитавшая в искусственном прудике, вылезла из воды, подставила панцирь солнцу, пара гусей-горлопанов в загородке шумно, очень по-итальянски, обсуждала последние новости.

К витавшему в воздухе аромату выпечки теперь примешивался запах отличного кофе. «Лучше начну-ка я – вместо йоги – утро традиционно, – решила Митрофанова. – С завтрака».

И отправилась на террасу с видом на озеро, где подавали еду.

Тут все блистало чистотой, на столах – букеты полевых цветов и белоснежные, с вышивкой, по всем признакам – рукодельные,

салфетки. На фарфоровых блюдах белел козий сыр, золотилось домашнее масло, румянилась гигантских размеров черешня.

Надя вспомнила, как ворчал Полуянов («Везешь меня куда-то в колхоз!»), и улыбнулась.

Хорошо, что она решила не нарушать гармонию здешнего утра не очень уместной йогой. Местная, итальянская *культура* — не в физических упражнениях, а в «ристретто» и свежей выпечке. Одинокий ранний завтрак, что может быть лучше!

Но на террасе Митрофанова оказалась не одна. В самом дальнем углу, в низком шезлонге, восседал, возложив босые ноги на парапет, черноволосый мужчина. Смуглый, глаза — ослепительно-синие, будто небо над тропическим островом. Шелковая гавайская рубаша растегнута, мускулы и кубики из-под нее выглядывают очень даже аппетитные. Джеймс Бонд, да и только!

– Бонжорно, – смущенно пробормотала Надя.

Русские мужики подобного экстра-класса ее обычно не замечали. Но черноволосый мгновенно вынырнул из нирваны. Сигаретку отложил, кофе отставил, резво вскочил на ноги, заулыбался:

– Бонжорно, синьорина!

Хорош! Глаз горит, на щеках ямочки. И лицо — в отличие от Димкиного, в последнее время постоянно озабоченного — беспечное, просто одна сплошная декларация на тему: «Да здравствует долъче вита!»

Сердчишко сразу дрогнуло. Вечная Надина проблема: ей бы по себе мужчину выбирать, доброго, домашнего, неприметного — но нравились всегда писанные красавцы. Беззаботные, успешные, острые на язык.

Надя растерянно улыбнулась незнакомцу и отправилась наливать себе сок. Но денди — нет, вернуться бы в свой шезлонг! — потянулся за ней, галантно предложил:

– Orange? Apple?

– Оранж, пер фавор, – пролепетала Надя.

Красавчик в ответ радостно улыбнулся:

– Вы наша, что ли?

– Да, – неловко буркнула Митрофанова.

Надеялась: отстанет разочарованно, но *фотомодель* сиял, будто она — миллионерша, голливудский продюсер и королева красоты в

одном флаконе. Взгляд его одновременно и ласкал, и манил, и подбадривал.

Налил ей апельсинового соку, посоветовал дружески:

– Вот эти желтые катышки, они «нут» называются, не берите, послушайте старожилка. Категорически безвкусные. Лучше козий сыр, с виноградом и медом.

Сигарету свою недокуренную раздавил в пепельнице, подхватил недопитую чашку кофе, молвил:

– Позвольте вам компанию составить?

А ей и радостно от того, что писанный красавчик откровенно клеится, и не по себе. Жизненный опыт вкупе с родимыми, российскими традициями шепчут на ухо: «Зачем ты ему сдалась? Что за цель парень преследует? Он вор? Маньяк? Жиголо?»

К тому же у Нади черта: *со своими*, с тем же Полуяновым, держалась непринужденно, могла поострить, посмеяться. Но в присутствии незнакомых, да столь блестящих, всегда вела себя словно неуклюжая, ершистая девочка-подросток.

– Я Роман. – Мужчина протянул ей теплую, мускулистую руку.

– Надя. Вы тоже здесь отдыхаете? – Митрофанова изо всех сил старалась казаться небрежной, по-европейски расслабленной.

– Ну да, у меня винный тур, – хмыкнул тот. – Хотя Луиза, хозяйка наша, на меня ворчит. И пытается к здоровому образу жизни приобщить. Но как в Италии – без вина домашнего, без миланской салями, без граппы на диджестивчик? – виновато вздохнул. – Сегодня, правда, уговорила. На йогу встал. Но не дошел.

– Аналогично, – растянула губы в улыбке Надя.

Почему, собственно, она всегда ждет подвоха от уверенных в себе красавцев-мужчин? Ну, скучно ему стало медитировать на террасе одному, вот и завел светскую, ни к чему не обязывающую беседу.

– Мясное здесь не подают ни в каких видах, – продолжал болтать Рома. – Экологическая ферма, блин! Салями, хамончик приходится в сельпо покупать. Вчера принес на завтрак, а Луизкина дочка – ей лет шесть – смотрит на меня в ужасе и спрашивает: «Дядя, вы людоед?»

Надя улыбнулась. Внимательно взглянула на Романа. Что-то знакомое ей виделось в разрезе его ослепительных глаз. В манере говорить, усмехаться, выразительно вскидывая правую бровь. Девушка неуверенно произнесла:

– Мы с вами раньше никогда не встречались?

– Если бы я вас увидел – не забыл бы никогда! – последовал мгновенный ответ.

А в глазах мужчины на мгновение вспыхнула искорка удовольствия.

– Вы... певец? Артист? – предположила Надя.

Молвила – и смутилась. Кажется, все эти *звезды* жутко обижаются, если их по имени не признают и немедленно автограф не просят.

Но Роман, наоборот, обрадовался. Весело произнес:

– Ура! Слава нашла меня!

И (Наде показалось, что искренне) добавил:

– Даже странно, Надя, что вы меня видели где-то. Артист я начинающий. Парочка ролей второго плана да «Каникулы в Бразилии». И то выгнали практически на третий день. А на хлеб зарабатываю тем, что корпоративы веду. Не в «Газпроме», естественно, – туда Урганта приглашают. А вы чем занимаетесь?

Надя рассказала.

Полуянов всегда шутил, что у любого нормального человека, который название ее должности услышит, должно от скуки скулы сводить. Но Рома пришел в совершеннейший восторг:

– Потрясающе! Столь прекрасная девушка – и библиотекарь! А вы когда-нибудь замечали, что каждая книга пахнет абсолютно по-своему?

– Конечно, – кивнула Надя.

– Я бы прямо курсовую работу об этом написал! У меня вообще что-то типа наркомании: обожаю книжные запахи сравнивать. От желтых, ветхих страниц просто в экстаз прихожу. Пустите к себе в историко-архивную? Первое издание «Путешествия из Петербурга в Москву» понюхать?

– Его на руки не дают. Только фотокопию, – просветила Митрофанова.

– Ну да. Я понимаю. Борьба с наркоманией в разгаре! – сморщил нос Роман.

А Надя не удержалась, произнесла:

– Вы такой смешной!

– А вы – настолько очаровательны! – мгновенно парировал молодой человек. – Не желаете после завтрака вместе отправиться на

прогулку?

И Митрофанова – вот она, волшебная сила мужского артистизма и обаяния! – едва не кивнула.

Но тут – вовремя или, наоборот, нет – на террасу ввалился Полуянов. Строго заявил:

– Так, Надька! Бросила меня, исчезла куда-то – нет бы кофе уставшему путешественнику принести!

Впрочем, глаза его улыбались, поэтому Митрофанова шарахаться от Романа или оправдываться не стала. Весело откликнулась:

– Меня вводят в курс местных реалий. Познакомьтесь. Дима – Роман.

Мужчины – слегка настороженно – пожали друг другу руки.

Артист подмигнул Наде и мгновенно начал речь на объявленную ею тему:

– О чем это я? Да. На йогу ходить не советую – это, конечно, сильно на любителя. Зато здесь отличный тренажерный зал. Еще можно на лошадях покататься. А на машине лучше не надо. Дороги узкие экстремально, я уже попробовал и благополучно помял бампер. Пришлось прокатчикам штраф платить. А сегодня хочу с горы на парашане слететь. Не составите компанию?

Дима оживился:

– Одного пустят? Или надо с инструктором?

– Я соврал, что у меня первый разряд, но европейцы – перестраховщики! – международный сертификат предъявить потребовали, – вздохнул Роман. – Поэтому придется пассажиром.

– Тогда неинтересно, – отшел Полуянов. Веско добавил: – Я на такси не люблю, лучше за рулем.

– А я бы хотела, – вырвалось у Нади.

– Готов сопроводить и всячески опекать, – мигом предложил свои услуги Роман.

И снова взглядом своим синим ее буквально прожег.

Но разве Полуянов, противный собственник, даст своей женщине свободу? Надю будто не услышал, покачал головой:

– Нет, спасибо. Мы лучше в Беладжио съездим.

– Что ж. Хорошего вам дня! – не стал настаивать Роман.

А Дима – когда новый знакомый отошел – проворчал под нос:

– Хлыщ какой-то!

Надя защищать артиста, конечно, не стала – Полуянов тогда совсем взбесится. Но проводила Романа откровенно заинтересованным взглядом. Она прежде ни разу не общалась вживую с артистами, но считала их заочно примитивными, самовлюбленными созданиями. Но этот оказался очень даже ничего!

Полуянов (противный психолог!) усмешливо поднял бровь:

– Уже замену мне ищешь? Безработному журналисту?

– Глупости, Димка, не говори! – возмутилась она.

Но покраснела.

– И я тебя понимаю, – самоуничижительно буркнул Полуянов. – Зачем я тебе? Неудачник, изгой?

Совершенно очевидно сгущал краски, но обычную в последнее время песню («Не переживай, милый, все устаканится») Надя завести не успела. К их столику подошла хозяйка экологической фермы, Луиза. Несмотря на вычурное имя и начальственный статус, одета женщина была совсем просто: в льняном сарафане, босиком, на шее простенькие, деревянные, но стильные бусы.

Полуянов прошелся взглядом по ее точеной фигурке, задержался на лице со свежим, безо всяких вспомогательных средств, румянцем – и мигмом оживился. Вскочил, поцеловал хозяйке ручку, чуть задержал ее ладонь в своих. И продолжил распушать хвост. Уговорил присесть за их столик, начал расспрашивать – давно ли в Италии, как здесь живет. Старательно разыгрывал роль заинтересованного, чуткого журналиста: «Вы мне экскурсию по своим владениям устройте? Я бы где-нибудь в ваших полях денек-другой поработал, на общественных началах! Люблю крестьянский труд!» (Совершеннейшее вранье.)

Хозяйка (уже старушка, лет сорок, сколько ни молодись) атаку Полуянова принимала с видимым удовольствием. И к концу завтрака Луиза с Димой уже запланировали: совместное путешествие на лошадях, прогулку по макушкам деревьев, катание по озеру на виндсерфах. (Хотя Дима прекрасно знал, что Митрофанова подобных увеселений на грани экстрима боится и участвовать в них не будет.)

Луиза перехватила ее взгляд, встревожилась:

– Надя, вы на что-то сердитесь?

– Нет-нет, что вы! – светски улыбнулась библиотекаря.

Но про себя решила: пусть Димка обхаживает *старушку*, ей не жалко. Укорять журналиста она не будет. Лучше – если получится –

ему с красавцем-актером отомстит.

* * *

Ох, нравилась Наде Италия – страна изящная, непринужденная, дружелюбная, слегка взбалмошная. И очень здорово, что они здесь не в отеле живут, а почти что в гостях. Луиза, конечно, ее раздражала – тем, что постоянно ворковала с Полуяновым, но отдых им организовала отменный. Из всех сил старалась развлечь гостей, показать им все самое интересное. Возила Надю с Димой в городок Варенну, где протекает самая короткая в мире река, длиной всего пару десятков метров. Показала СПА-центр с изумительными термальными ваннами. Наде особенно понравилась одна, где лежишь в бассейне, на открытом воздухе, на спине, уши погружены в воду, а оттуда, из глубин, медитативная музыка доносится. И любишь снежными шапками гор.

Ну, а помимо экскурсий, отличной домашней еды и хмельного вина^[3] очень Надю будоражил Роман. Как она его называла, *coced*.

Удивительный человек! Ему бы – с фантастической фигурой и лицом античного бога – взирать на всех, будто сам на Олимпе, а остальные мизинца его не стоят. Но нет: всегда компанейский, галантный, веселый. И анекдот расскажет, и комплиментами осыплет.

Надя всегда радовалась, когда Рома подсаживался за их столик во время ужина. Любовалась им, будто шедевром – прекрасным, но недостижимым. Античный бог, да и только.

Впрочем, вел себя Рома очень даже по-человечески. Как положено русскому туристу на курорте, старался все радости жизни ухватить. Сколько хозяйка экофермы ни пыталась приобщить начинающего актера к упорядоченной жизни, до йоги Роман так и не дошел и на чинные дневные экскурсии не ездил.

– Мне больше нравится ночную жизнь изучать, – признавался он Наде с Димой.

И рассказывал: про танцы на песке в танцевальном клубе Менаджио, про турнир по покеру в казино Лугано, про пивную вечеринку в особняке, куда его пригласили знакомые итальянцы.

«Наверняка и девчонку итальянскую себе завел», – вздыхала про себя Надя.

Впрочем, Рома – по крайней мере, при ней – успехами своими не хвастался. И, пусть был постоянно под газом, вел себя не противно, как большинство выпивших. Наоборот – искрился остроумием, готов был обнять весь мир вокруг.

А как он слушать умел, как расспрашивать:

– У тебя, Надюша, такса? Толстячок? Котлетки небось любит, гулять ленится? А ночью норовит в постель забраться, погреться?

Сразу хотелось все ему рассказать: и про собаку, и про себя.

Тем более что Полуянов тоже не без греха. Едва завидит их хозяйку, Луизу, сразу к ней, светскую беседу вести. И руки ее (пусть натруженной, без маникюра) так и норовит коснуться. Вряд ли, конечно, они целуются или, пуще того, за Надиной спиной вместе спят, но все равно было неприятно.

...В последний их вечер в Италии Надя с Димой расслаблялись в шезлонгах. Днем они ездили – опять в компании Луизы – в Милан. Фотографировались у Дуомского собора, посетили музей театра Ла Скала, прогулялись по улице бутиков Монте Наполеоне.

Полуянов, утомленный впечатлениями, задремал – как и обещал, отсыпался в Италии на год вперед. Митрофанова же смаковала кампари с апельсиновым соком и любовалась бесчисленными яхточками и яхтами, заполонившими озеро.

Настроение – благостное, но немного было ей жаль, что ярко-красное солнце уже упало за горизонт, все тише поют птицы и последний их день в Италии почти закончен.

...Хотя для Романа приключения только начинались. Надя нет-нет да взглядывала в незанавешенное окошко его домика. Вот актер – что за божественный торс! – встал с постели. Побродил по комнате, оделся, закурил. Дымок, который струился из форточки, пах странно: травянисто, резко.

Рома увидел, что Надя на него смотрит, дружески помахал рукой. А через минуту, крадучись, словно пантера – грациозный, опасный, – приблизился к шезлонгам и поманил девушку за собой.

Нехорошо, конечно, шептаться за Диминой спиной, но журналист-то сегодня весь день с Луизой ворковал! И все время получалось, что на узких миланских улочках он все время оказывался

с полуитальянкой рядышком, а Митрофановой приходилось плестись позади.

Что ж, представился случай поквитаться.

Надя тихонько встала, приблизилась к актеру.

– У меня для тебя подарок! – одними губами шепнул ей Роман.

И протянул девушке крошечную книжицу в серебряном переплете.

– Старинная, девятнадцатый век. В антикварной лавке купил.

Митрофанова восхищенно распахнула миниатюрное, не больше спичечного коробка, чудо.

Сонеты Петрарки. На итальянском. Бумага – тонюсенькая, пожелтевшая от времени.

– Потрясающе! – искренне выдохнула она.

– Мне тоже понравилась, – улыбнулся Роман. – А понюхай, как пахнет! Стариной. Чужими тайнами. Страстью.

Надя смутилась. Виновато обернулась на спящего Диму. Пробормотала:

– Это же очень дорого, наверное!

– Ерунда! Я вчера в казино джек-пот взял, – отмахнулся Роман.

И – будто никакого Полуянова в десяти метрах от них – требовательно Надю обнял. А она – позор! – оттолкнула его вовсе не сразу. В первые пару секунд – подалась к нему, прижалась, ощутила каждой своей клеточкой молодое, сильное тело. Лишь потом отстранилась, произнесла строго:

– Рома, я не могу. Прости.

– Ты потрясающая. Удивительная. Уникальная, – грустно произнес актер. – Мне очень жаль, что ты не со мной.

Целомудренно поцеловал ее в щеку и, сутулясь, двинулся прочь.

А Надя еле удержалась, чтоб не броситься вслед. Стояла растерянно, на лужайке. То на спящего, пусть ветреного, но такого родного и любимого, Диму посмотрит. То на Романа, который дразнил, манил. И уходил от нее все дальше.

За спиной вдруг раздался сочувственный голос:

– Трудно против него устоять!

Надя резко обернулась – Луиза. Опять босиком, совсем неслышно подкралась.

Митрофанова насупилась, покраснела. Хозяйка экофермы, получается, видела, как они с актером обнимались?

Женщина улыбнулась:

– Надя, не волнуйся. Я слепа и глуха. Хочешь рюмочку граппы?

– Н-нет, спасибо.

Луиза опустилась в свободный шезлонг, пожаловалась:

– Устала... Мы ж сегодня с вами весь день на ногах. А легла я вчера только в три часа ночи. Романа спасала.

– Это как? – удивленно произнесла Надя.

– Он в Лугано отправился. В казино. И все проиграл. А такси оттуда – двести евро. Пришлось ехать, вызволять. Все-таки он постоялец, я в какой-то степени за него отвечаю.

Надя нащупала в кармане сарафана изящную книжицу в серебряном переплете. Пробормотала:

– А мне говорил, что выиграл!

– Ему сегодня деньги переводом из России прислали, – просветила Луиза. – Агента своего, кажется, попросил. В счет будущих гонораров.

Женщина вздохнула:

– И понимаешь, что глупо себя мальчик ведет, жизнь прожигает, здоровье гробит, – но невозможно на него злиться.

– Мне показалось... – неуверенно произнесла Надя, – он сегодня какие-то странные сигареты курил. С необычным запахом.

– Гашиш, – кивнула Луиза. – Вчера купил. У нас же пусть итальянская, но деревня, все на ладони. Мне уже рассказали.

– Я бы постаралась его остановить, – твердо произнесла Надя.

– Я все-таки не нянька ему, – усмехнулась хозяйка. – Как я могу остановить? Запереть? Читать морали, угрожать – взрослому человеку? – Добавила грустно: – Творческим людям, наверно, надо как-то подзаряжаться. А убедить Рому, что йога может помочь лучше наркотиков, я не смогла.

...Где-то совсем близко взревела мотором легковушка.

– Рома. Опять на дискотеку помчался, – с материнской снисходительностью улыбнулась Луиза.

– На машине? – удивилась Надя.

– Ну да. Я ему ключи от своего «Фольксвагена» дала, – объяснила хозяйка экофермы. – Пусть сам себя возит. Не могу же я ночами

таксистом работать!

– Он ведь травку курил! – встревожилась Митрофанова.

– Легкий, натуральный продукт, – отмахнулась Луиза. – У надежного человека купил. А полицейских у нас тут почти не бывает.

У Нади же в голове пронеслось: «Лучше б я не отталкивала его! Остался бы здесь. Как он поедет – ночью, нетрезвый, по узким дорогам?!»

Укоризненно произнесла:

– Зря вы его отпустили!

Луиза твердо выдержала гневный Надин взгляд. Пожала плечами:

– Надя, концепция моей экофермы: чтобы все гости, любой из них, были здесь счастливы. Делали то, что приносит им, всем и каждому, удовольствие. У вас – свое понятие о хорошем отдыхе. У Ромы – другое. Ваша позиция, не скрою, мне ближе, но и против его воли я пойти не могу.

Она легко поднялась, взглянула на часы:

– Время ужинать. Буди Димочку, приходите.

И заторопилась в сторону кухни.

А Надя бегом бросилась в домик. Еще раз полюбовалась серебряной книжечкой. Спрятала ее в дальний уголок чемодана.

На сердце было одновременно и радостно, и тревожно. Может быть, ей все же встретиться с Романом? В Москве, когда Дима не будет постоянно с ней рядом?

...За ужином Митрофанова сидела нервная, настороженная. Против обычая, позволила себе целых три кампари, хотя никогда больше одного коктейля не пила.

– Что-то ты сегодня сама не своя, – удивленно констатировал Полуянов.

Сам сидит добрый, благостный – отъелся на экологически чистых кормах, отоспался, помолодел.

Ответить Надя не успела – к их столику подошла Луиза. Обратилась к Диме:

– Не хотите в ночной клуб сходить? Суббота, будет весело!

– Только если с вами! – оживился журналист. – Поехали, Луиза!

Женщина развела руками:

– Нет. Сегодня никак не могу. Но вас, если хотите, отвезу. Мне все равно нужно в город по делам, ночной клуб по пути.

И – за Димкиной спиной – заговорщицки Наде подмигнула. Кажется, Луизу откровенно забавляло наблюдать, как Митрофанова борется со своей симпатией к беспутному актеру Роману.

«Но я к нему – на дискотеке – даже не подойду», – решила Надежда.

И подумала: «Ох, глупо я себя веду! Как сумасшедшая – лет пятнадцати от роду! – девчонка».

Вихрем бросилась в домик, извлекла из чемодана косметичку, накружилась – куда ярче, чем обычно. Платье с открытой спиной, каблуки. Зачем, казалось бы, – все равно Романа, в присутствии Димы, обольщать не получится! Но то ли кампари на нее действовал, то ли просто раздражала Димкина святая уверенность, что она навечно при нем, никуда не денется, пока сам не прогонит.

...Но, когда приехали в ночной клуб, поняла: Роман ее вовсе не ждал. Молодой актер сидел за столиком в окружении трех девчонок – одна другой краше. Разноцветные коктейли в бокалах, заразительный смех. Ей – будто неприкаянной дальней родственнице – дружески помахал рукой и больше внимания не обращал.

Димка, конечно, не удержался от злорадной реплики:

– Твой Ромео не теряется.

– Свободный человек, имеет право. – Надя изо всех сил постаралась, чтобы фраза получилась равнодушной.

Что, интересно, сказала бы по поводу сложившейся ситуации ее мудрая приятельница из библиотеки Ирина Андреевна? Даже думать не надо: «Радуйся тому, что есть! Ты ведь не одна здесь, а с собственным, замечательным молодым человеком».

И Надя потянула Димку на танцпол, крепко прижалась во время медленного танца, нежно пробежалась пальчиками по его густым бровям, точеному профилю. Промурлыкала:

– Ты у меня... настоящий итальянский мачо!

– Ты тоже – очень даже аппетитная штучка, – он по-свойски ущипнул Надю за попку.

Косил, конечно, журналист глазом на симпатичных, совсем юных девиц, которые переполняли клуб. Но танцулек с посторонними себе не позволял. Послушно бегал к стойке за коктейлями для Надежды. Когда к ним привязался пожилой, очень нетрезвый итальянец, продававший вяловатые розы, безропотно купил своей спутнице букет.

А Романовы девчухи (по виду – американские школьницы в европейском турне, во всяком случае, говорили по-английски) своему единственному кавалеру просто в рот смотрели. Дружно хихикали над анекдотами (бородатейшими, Надя подслушала). Смешно отпихивали друг друга, когда диджей ставил медленные композиции.

Надя же с непонятной злостью подумала: «Надо будет книжку ему вернуть. Завтра с утра на порог его домика положу».

...Веселились до закрытия клуба. В три часа ночи диджей с типично итальянской фамильярностью предложил всем посетителям «дружно выйти вон». Роман вдруг отставил своих поклонниц. Пошатываясь, подошел к Наде с Димой. Ослепительно улыбнулся:

– На посошок?

– Давай, – согласился Полуянов. Великодушно предложил: – Если ты сейчас домой, можем вместе на такси.

– Лучше вы со мной! – браво отозвался Роман. – Я н-на м-машине. И покачнулся.

Надя занервничала. Актерчик, конечно, проявил себя ветреной сволочью, но все равно они должны его остановить. Нельзя ему сейчас за руль!

Она шепнула Полуянову:

– Дима, скажи ему!

Но журналист лишь плечами пожал:

– Нет, Рома, мы с тобой не поедем.

– Оставь машину здесь, – поспешно добавила Надя. – Завтра с утра заберешь!

– Д-делать мне больше нечего! Я в отличной форме! – пьяновато ухмыльнулся актер.

– Счастливой тебе дороги, – холодно улыбнулся Полуянов. И потянул свою спутницу: – Пошли, Надюшка.

Что ей оставалось? Только последовать за своим невенчанным мужем.

Такси пришлось ждать довольно долго, и Надя прекрасно видела, как Роман, точно курочек, грузит своих девчонок в Луизин «Фольксваген». Лихо трогается с места. Цепляет бампером высокий бордюр, выезжает на шоссе. И тут же его обгоняет, вспыхивая проблесковыми маячками, полицейская машина. Тормозит впереди, останавливается.

А Дима с легким злорадством резюмировал:

– Кажется, мальчик попал.

Добавил задумчиво:

– Написать, что ли, про твоего Романа в нашу «Свет. ж.»? – Так Дима фамильярно называл газетную рубрику «Светская жизнь». – Они мои заметки с руками отрывают!

И еле успел увернуться от Надиного кулачка.

...Впрочем, Полуянов проявил благородство, добивать поверженного соперника не стал. Надя узнала из другой газеты – бульварной «ХХХ-пресс» – о том, *как гуляют за границей начинающие российские актеры*. Неведомый девушке журналист, смакуя, писал, что *анализ крови на алкоголь и наркотики, взятый у Романа Черепанова, показал превышение всех мыслимых норм. Актер предстал перед судом, был приговорен к максимальному штрафу в одиннадцать тысяч евро и выдворен из Италии. Также его внесли в черный список на получение шенгенской визы, в связи с чем господина Черепанова спешно сняли с уже утвержденной роли в новом сериале, предполагавшем съемки в Европе. Менеджер актера, к которому мы обратились за комментариями, заявил, что Роман глубоко сожалеет о случившемся.*

– Сам виноват, – жестко прокомментировал Полуянов.

...Надя, конечно, далека была от того, чтобы самонадеянно думать: ответь она тем вечером на поцелуй актера, и тот бы ни в какой ночной клуб не поехал. Она просто чувствовала себя неловко. Из-за того, что сама вернулась из Италии посвежевшей и счастливой, а ее почти что поклоннику поездка на озеро Комо стоила карьеры.

Димка, наверно, прав: Рома сам виноват.

Но все-таки очень жаль, что они с ним больше никогда не увидятся.

* * *

Полгода назад

Дочка, любимая Алenuшка, действительно возвращалась к жизни.
Но как!

Она – сама, перед зеркалом – отрезала свои роскошные, медового цвета волосы.

И мама почему-то не сомневалась, что все увещевания из прежней жизни – «цени, что дала тебе природа, в косе – твоя уникальность!» – сейчас не сработают.

Но даже короткой, под мальчика, стрижки ей оказалось мало. Накупила пакетиков с красками, поколдовала – и цвет волос в итоге получился убийственным. Ярко-морковный, с вкраплениями желтого. Лицо – прежде одухотворенное, тонкое – сразу стало казаться простеньким, одутловатым.

И косметику (хотя прежде почти не пользовалась) Аленка начала накладывать щедро и неумело. Обводила ядовитым черным глаза, в несколько слоев красила ресницы, малевала ослепительно-красным губы. Будто клоун получался – несчастный и некрасивый.

Но если прежде мамин арсенал воздействия был огромен – не убедить, так высмеять, а в крайнем случае, силком отволочь в ванную да умыть, теперь противоречить дочери она боялась. У Аленки ведь нервный срыв, и методы, которые можно применять к обычным зарвавшимся подросткам, с нею, очевидно, не сработают. Не зря ведь доктор, когда выписывались из клиники, напутствовал: «Лучшее, что вы можете сейчас сделать, – просто оставить ее в покое».

Прежде мать думала: хуже, чем дочкина апатия, ее долгие часы бездействия, глаза уставлены в потолок – ничего быть не может. Но то хотя бы была ее дочь – пусть несчастная, холодная, отстраненная. А эту новую девицу – вульгарную, злую на язык – она не знала. И не умела с ней обращаться.

Прежде у них никогда не бывало финансовых споров. Деньги на хозяйство – с тех пор, как Аленке исполнилось двенадцать – лежали в ящике буфета. Девочка сама брала – на школьные обеды, изредка – на кино, маечку, изящную заколку для волос. А если пачечка купюр таяла и до маминой зарплаты было еще далеко – умеряла, безо всяких напоминаний, аппетиты.

...Покуда Аленка молча страдала в своей комнате, деньги оставались нетронутыми. Но едва она решила выйти из заточения – вся пачка, в один день, исчезла. Новой Алене и в голову не пришло, что до следующей зарплаты больше двух недель. Явилась домой с грузом пакетов – одежда и обувь. Будто специально самое вульгарное

подбирала! Короткие юбки, вызывающие кофточки, туфли на шпильках, сапоги-чулки. Строчки кривые, краски кричащие – с ее невеликой зарплатой гардероб только на рынке можно сменить, никак не в бутике.

И снова – мать про себя ужаснулась, но не стала перечить. Пусть хотя бы *косо простроченная* будет у дочери жизнь – только не печальное, молчаливое заточение.

Алена же – не замечая отчаяния матери – все больше входила во вкус новой, примитивно-уличной жизни. Начала курить. Исчезать по вечерам. От нее частенько пахло спиртным. Ей домой стали звонить парни, и очень далеко им было до прекрасного принца, которым когда-то грезилась дочь.

– Аленушка, – однажды решила мать, – это не выход.

Но лицо девушки немедленно исказилось гневом:

– Отстань от меня!

Материнская интуиция подсказывала: нужно срочно Аленку остановить. Пока ее не затянуло окончательно в болото, пока она еще не напивается, а просто выпивает, пока не подседа на наркотики.

Только как можно остановить уже почти взрослого, без малого семнадцатилетнего человека? Говорить – бесполезно, слушать Алена отказывалась. Запереть в квартире, чтобы дочь, как когда-то, сразу после беды, начала бить посуду и крушить мебель? Заинтересовать – учебой, театром, каким-нибудь кружком, спортом? Однако дочь, очевидно, полагала: все, что исходит от матери, – это пустое, зло.

Но только возвращать к жизни дочь все равно было надо.

* * *

Сашка

Учиться в гимназии – сплошная морока. В обычных школах учителя сами ждут не дождутся, когда уроки закончатся и можно будет домой сбежать. А у них – мало что уроков полно, еще и постоянные мероприятия, социализация, адаптация к взрослой жизни и прочая заумь. Едва отгремел «Гамлет» на английском языке (Сашке досталась почетная роль Полония), так новая напасть: американские подростки приехали, по обмену.

То, что они на уроках вместе, даже прикольно, есть над кем поржать. Но чужеземцев еще и поселить оказалось надо – желательно в те семьи, где по-английски говорят!

Сашка с мамой, учительницей английского, оказались первыми кандидатами.

– Куда мы его возьмем, в «двушку», самим места мало! – попытался взбунтоваться он.

Но маман отрезала:

– В быту американцы неприхотливы. А тебе будет полезно язык подтянуть.

И взяла – видно, назло! – к ним в дом Стива, самого бестолкового, который по-русски – вообще ни бум-бум. Даже «доброе утро» только на английском! Хотя во всем остальном, Сашке пришлось признать, парень нормальный. Носки не воняют, ночью не храпит, фильмы смотрит правильные. И не особый ботаник. Мамины песни про Ленинскую библиотеку и Пушкинский музей выслушал вполуха и в первый же вечер потребовал на типично русскую дискотеку его сводить.

Сашка опасливо покосился на маму – та танцульки не жаловала. Но сейчас спокойно кивнула:

– Идите. Только пива ему не покупай. Американцам вообще до двадцати одного года спиртное нельзя.

– ...Зануда у меня маман, да? – вздохнул Сашка, когда вышли из дома.

– Брось, – отмахнулся американец. – Нормальная тетка. К тому же я ее английский понимаю, – ткнул русского друга в бок, хмыкнул: – В отличие от твоего!

И впредь – к Сашкиному огромному удивлению! – к маме его почти кадрился! Всегда улыбнется, то сумки тяжелые подхватит (хотя в Америке вроде бы не принято), то сэндвичи с копченой индейкой приготовит на завтрак, то терпеливо объясняет ей новейшие тенденции в области подросткового жаргона.

А однажды, когда уже спать укладывались (Стив – на Сашкиной кровати, гостеприимный хозяин, вздыхая, на жесткой раскладушке), произнес мечтательно:

– Красивая она у тебя!

Сашка даже опешил:

– Кто?

– Мимму. На Шэрон Стоун похожа.

Вот уж что Сашке никогда даже в голову не приходило! Следующим вечером, когда мама овощи на салат резала, даже специально рассмотрел. Нос, правда, прямой, рот аккуратненький. Но вокруг глаз – паутинка морщинок, а меж бровей вообще целая борозда. Посоветовать ей, что ли? Какую-то специальную, омолаживающую кислоту в лицо уколоть, он слышал, девчонки в школе болтали.

Но едва рот раскрыл, мама цыкнула:

– Хватит без дела сидеть. Иди, салат заправь. И отбивные пожарь.

– А ты? – возмутился Сашка.

– А я ухожу, – усмехнулась маман.

– Куда это еще? – Сын взглянул на часы: девять вечера.

– Дела, – пожала плечами она.

Но оделась для своих *дел* — просто упасть! Кофточка в обтяжку, лицо разукрашено (так хитро, что глазищи совсем огромными кажутся, и даже пресловутых морщинок не видать). И, главное, – юбка до коленок не достает! Хотя прежде Сашка маму даже в джинсах видел редко – всегда, даже дома, носила скучные платья как минимум до середины голени.

– Что это у тебя за дела такие? – подленько усмехнулся сын.

А Стив тут же завопил:

– Александр, не смей! У твоей мамы тоже должна быть *privacy*!^[4]

– Понял? – Маман снисходительно щелкнула его по кончику носа.

Нацепила сапожки на каблуках – новые, Сашка прежде их не видел – и триумфально отбыла.

Стив прилепился к окну, наблюдал безотрывно, как мамуля в сторону метро цокает. А когда скрылась изящная (этого не отнять) фигурка в глухих октябрьских сумерках, произнес назидательно:

– Ты должен обязательно выделять ей *day off*. Полностью свободный от хозяйства – чтобы мама свою личную жизнь устраивала.

– Этого еще не хватало! – буркнул Сашка.

Но и гордость определенная появилась за мамулю. Он-то всегда считал ее рабочей лошадкой, давно вышедшей в тираж. А маман, оказывается, еще умеет головы кружить!

И очень интересно стало разведать, для кого она в мини-юбки рядится. Что за перец в мамашкиной жизни появился?

...Подкараулил, когда родительница домой вернулась (между прочим, в час ночи!). Спросил вкрадчиво:

– Чего папу нового с собой не привела?

– Фу, Сашка, о чем ты говоришь! – сердито прошептала маман.

Выглядела она сейчас хуже, чем вечером: лицо усталое, морщинки снова во всей красе.

– Ну, скажи, куда ты ходила-то? – заныл сын.

– Саша! У меня важное дело, – отрезала мама. – И к мужчинам оно отношения не имеет.

– А для кого тогда наряжаешься?

– Меня попросили... – мамуля запнулась, – помочь.

– Кто?

– Не имеет значения. Кстати, – задумчиво посмотрела на сына, – от вас со Стивом тоже помощь потребуется.

– И чего надо делать? – подозрительно протянул Сашка.

– Очень сложное будет задание. И ответственное. Когда время придет, расскажу.

* * *

...Сашке всегда казалось: мамаша у него – вся, как на ладони, незыблемая в своей правильности и скучности.

Но с тех пор, как поселился у них в квартире американский турист-школьник Стив, родительница продолжала удивлять чуть не каждый день.

Все молодится, прихорашивается. Compliments заморского гостя принимает с удовольствием. А главное, privacy завела. Еще какую privacy!

Сашка даже не знал, что у нее есть наряды на выход. Что на каблуках умеет ходить. Что улыбаться может, будто Джоконда, очень загадочно.

Расфуфырится, убегает на какие-то встречи. Дома однажды не ночевала. А как-то позвонил ей дядька. Сашка успел схватить трубку параллельного аппарата, услышал:

– Ох, Танюшка, тряхнем стариной! Квалификацию еще не потеряла?!

От любопытства просто сгорал, но Стив, противный демократ, помешал разговор дослушать. Вырвал трубку из рук, вернул ее на рычаг, произнес назидательно:

– За подслушивание чужих разговоров можно и под суд угодить.

– Это только у вас, в Америке! – разозлился Сашка.

Но снова снять трубку параллельного телефона не рискнул. Мамка щелчок услышит – про демократию рассуждать не будет, просто оставит на месяц без дискотек и компьютера.

Во что же родительница, училка средней школы, вляпалась?

Хотя не выглядит она расстроенной или убитой. Скорее – сосредоточенной и деловой.

А сегодня за ужином объявила:

– Помните, я говорила, что мне ваша помощь потребуется?

– Мы всегда к вашим услугам, мэм! – галантно отозвался Стив.

А она деловито, будто крестная мамаша какая-то, изрекла:

– Мне нужно, чтобы вы оба... познакомились с одной девушкой.

– С какой целью? – серьезно спросил американец.

– Она утратила веру в себя, – грустно отозвалась маман. – Я хочу, чтобы вы помогли ей понять: все хорошо, жизнь не кончилась.

– Какая-нибудь очередная дочка твоей подружки? Одинокая ботаничка очкастая? – ошетинился Сашка. – Вся из себя правильная?

– Не угадал! – покачала головою маман. – Очков она не носит и вообще... – замялась, – девица продвинутая. По крайней мере, выглядит так. Курит, волосы в ярко-морковный цвет покрасила. Одевается, м-мм... слишком ярко.

– А в чем здесь твой интерес? – потребовал сын. – Зачем тебе какую-то шала... то есть, пардон, суфразистку спасти?

– Ничего не могу объяснить, – отрезала мама. – Читайте, что участвуете в соревновании. По пик-апу. Ваше дело – познакомиться с ней и уговорить, чтобы с вами в кино ходила. Поп-корн, анекдоты, обязательно комплименты. Потом – проводите домой. И руки не распускать, даже если она сама будет вас провоцировать. Распрощались – свободны. Телефончик можете не просить.

Саша растерянно взглянул на Стива, пробормотал:

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Not at all!^[5] – отозвался друг. И жизнерадостно добавил: – Но разве Тому Крузу всегда объясняют, в чем заключается суть его

миссии? Приказ дан, и его следует выполнять!

Но Сашка не был готов сдаться столь легко. Коварно прищурился на мамулю:

– А что взамен?

– Вот вам три тысячи, – щедро шлепнула деньги на стол родительница. – На кино, чипсы, сдачу оставьте себе.

– Нет уж, – продолжал упрямяться Сашка, – представительские расходы – это само собой. Нам еще премия нужна. Например... – его осенило, – ты сыграешь с нами в блэк-джек!

– Вы умеете?! – Стив взглянул на маму, просто как на богиню.

– Обыграет тебя на раз! – заверил Сашка.

– Тогда я готов даже баллады петь этой вашей девице с красными волосами! – твердо отозвался американец.

...И уже на следующий день приятели отправились «на задание», караулить загадочную девицу.

Мама снабдила их фотографией, очень шпионской (красноволосая, с мрачным лицом, курила и явно не ведала, что ее снимают).

– Крокодилина, – пригвоздил Сашка.

А Стив (хотя всячески принижал курящих девчонок) задумчиво произнес:

– Да, не красотка. Но у нее такие грустные глаза...

– Вы, американцы, любите всех спасать. Лучше – весь мир. Лавры Брюса Уиллиса стучат в ваше сердце, – поддел русский друг. Но так как френд не ответил, добавил серьезно, даже задумчиво: – Никак понять не могу: мамке-то это зачем?

– Возможно, это дочка ее друзей? – предположил Стив. – Попала в плохую компанию, и твоя мама хочет, чтобы мы на нее положительно повлияли?

– Да у мамашки подружек – раз, два, и обчелся. И со всеми их дочками она меня уже знакомила. Точнее, пыталась. Все на одно лицо и ей самой под стать: нудные, правильные. Нет, тут другое. Но что?..

И у девицы не спросишь – мама категорически запретила. «Вы просто встретили ее на улице. Случайно. Понятно? Ошарашены, околдованы и умоляете составить вам компанию. Все».

– Саша, но зачем тебе обязательно надо докапываться до сути? – упрекнул Стив. – Мы ведь не делаем ничего противозаконного.

Выполняем просьбу. Ведем девочку в кино – в ответ получаем блэк-джек. По-моему, во всех отношениях выгодная сделка.

– Ты еще попробуй, подцепи ее, – скривился Сашка. – Я такую породу знаю. Скажет: «Отвали, детский сад», и весь разговор.

...И как в воду глядел.

Девушка – поймали ее у подъезда – взглянула на них насмешливо. Выдохнула в лицо невкусный дым, процедила:

– Гуляйте, мальчики.

Сашка сразу нахмурился. Стив, наоборот, улыбнулся во все свои тридцать два американских:

– What's that?

– Ой, ну давайте тут еще попридуриваемся! – поморщилась девушка.

– Не разбираешься в людях! – поддел Сашка. – Он реально американец. Из Калифорнии.

Девушка взглянула насмешливо. Прищурилась – и вдруг выстрелила английской фразой. Акцент – жуть, Сашка вообще ничего не понял. Зато Стив просиял, ответил. Что-то про Голливуд.

– Ну, убедилась? – насмешливо произнес Александр. – Давай, говори, what's your name и в какое кино пойти хочешь.

– В кино-о? – кисло протянула красноволосая. И окинула Стива похотливым, очень взрослым взглядом: – Отстой! Давайте, вон, лучше в парк – и по пивасику, для разминки.

– She wants beer^[6], – перевел для приятеля Сашка.

Прежде американец стойко переносил соблазны, но сейчас его глаза загорелись:

– А мне продадут?

– Вам, может, и нет, – заверила девушка. – А мне – без проблем. Ну, чего? Пошли, потусим?

Новую сигарету закурила, подхватила Стива под ручку, прижалась – очень демонстративно – пухленькой грудкой.

«Вот это у мамули знакомые!» – мелькнуло в голове у Сашки.

Законопослушный Стив занервничал, но отстраняться от девчонки не стал. А та его по щеке погладила (ногти, фу, короткие и крашенные в черный цвет), пропела:

– My name is Helen.

Сашка ждал, что Стив покраснеет, но тот лишь мягко убрал руку девушки от своего лица. Осторожно взял ее ладошку, поцеловал.

У Ленки-Хелен аж челюсть отвисла – похоже, не приучена к галантному обращению.

А Стив будто не заметил, что девушка смутилась. Весело молвил:

– Я никогда не пробовал русского пива.

– А другое пробовал? – пробурчал Саня по-русски.

– Чего? – переспросил земляк Шварценеггера.

– Я говорю: самое время начать!

* * *

Наши дни

Полуянов порой, даже когда карьера шла в гору, воображал: интересно, а как он будет уходить из «Молодежных вестей»? Не век же ему здесь сидеть? Нет, есть, конечно, коллеги – как Ярослав Кириллович Голованов покойный, как Песков Василий Михайлович, к счастью, здравствующий, каждый из которых всю свою жизнь в «Комсомолке» просидел. Но Дима тем не менее все равно не хотел бы в «Молвестях» состариться и на пенсию выйти. Однако о том, что будет делать дальше, когда перерастет газету, со всей определенностью пока не задумывался. То мечтал о телевизионной карьере – как у однокурсника Малахова. То о том, как напишет роман века, как тезка его и тоже однокашник Быков. Или что его в «Тайм» работать пригласят... Но вот что придется ему уходить *так* – бесславно, как сейчас, не думал ни разу.

Позорно, чего уж там говорить, он уходил!

Дима написал в своем кабинетике заявление, сложил его пополам, чтобы по пути никто из коллег не заглянул, и пошел к секретарше главного Марине Максимовне. Она, конечно, в заяву сразу свой носик любопытненький сунет – ну, да от хороших секретарш тайн в конторе все равно не бывает (и быть не может, и даже пытаться скрыть что-то бессмысленно).

Дима вежливо, без обычных подгребочек-смефуечков, попросил:

– Передайте, пожалуйста, Анатолию Степановичу, только не распространяйтесь, пока суд да дело, никому, ладно?

Вернулся в свой кабинетик. Вещи собирать не стал, и коньяк допивать тоже. Все равно, если суждено уйти из конторы, надо будет проставляться. Хотя и надежда еще теплилась: вдруг остановят? Вдруг главный заявление не подпишет, уговорит? Как бывало уже, честно сказать, пару раз. Когда его после написания заявки в командировку в Лондон послали. Но сейчас!.. Какие такие Степаныч взамен может посулы выкатить, что Дима передумает уходить? И так в последние годы он работает в совершенно особенных условиях наибольшего благоприятствования.

Девяносто процентов газеты спецкору завидовало. У многих журналистов в контрактах записано было, к примеру: сдавать ЕЖЕДНЕВНО по две информационные заметки и еще на полстраницы разных других обязанностей. У Димы значилось коротко: готовить очерки и репортажи в рубрику «Расследование ведет спецкор». И точка. Ничего больше. Даже сроков, когда сдавать, и каких объемов, и сколько знаков в месяц, – ничего нет.

Единственная привилегия, какой у Полуянова еще до сих пор не бывало, – обязательство главного печатать каждую строчку, которую он напишет. Но такие гарантии не даст ему ни один главнюга в мире, о Степаныче и говорить нечего.

Тем более в ситуации, которая сложилась нынче в государстве. К державе надо предъявлять все претензии, а вовсе не к родной редакции.

Дима закрыл дверь кабинетика и, не останавливаемый никем, пошел в одиночестве в сторону лифта.

Да, прощание выходило грустным.

* * *

Рома Черепанов считал себя везунчиком. Когда приехал в Москву из провинциального Малинова, разве мог надеяться, что пройдет всего несколько лет, и он окажется при столичной квартире, при киношных ролях, пусть даже небольших? А чего стоила кормушка – вести корпоративы! Кое-кто из коллег переживал, что не получает за вечер по тридцать тысяч зеленых, как Ваня Ургант. Но Рома не хамел, считал

– и скромной тыщонке надо радоваться. Тоже неплохо – за несколько часов непыльной работы.

А уж когда читал или разговоры слышал, как иным провинциалам без образования и влиятельных родственников приходится пробиваться, – и вовсе переполняла законная гордость. Роме никогда не доводилось мерзнуть в рыночных палатках, подметать дворы, перевозить наркоту, ублажать за скромное вознаграждение пожилых похотливых теток.

Никаких ВГИКов или даже институтов попроче он не кончал. Единственное, что имелось, – внешние данные. Но примитива, мужского стриптиза или жалкой роли альфонса удалось избежать. Потому что обладал Рома, в придачу к обаятельному лицу и спортивной фигуре, дополнительным козырем – да каким!

Черепанов – всего-навсего! – умел *слушать людей*. Кого угодно – шофера в маршрутке, скучающую кассиршу в пустом магазинчике, случайного подвыпившего попутчика в метро – любого, кто отчаянно нуждался в собеседнике. Уловка, на самом деле, простейшая, никаких специальных навыков не надо. Только с искренним интересом кивай, задавай уточняющие вопросы (обязательно в тему) и восклицай время от времени: «Удивительная история!» (Даже если в тысячный на своем веку раз выслушиваешь о подлюке-жене или неверном муже.)

Подобный прием, безусловно, давно известен и взят многими умными людьми на вооружение. Но большинство из них слушают, кивают, а глаза при этом равнодушные, пустые. Рома же от рождения был неплохим артистом и заинтересованность в собеседнике изображал виртуозно. Неудивительно, что бонусы сыпались на него со всех сторон. Шофер в маршрутке не брал с него за проезд, кассирша продавала продукты с двадцатипроцентной скидкой, положенной для сотрудников магазина, попутчики в метро всегда оставляли визитки, и у Ромы постепенно образовалась масса полезных связей – автослесари, стоматологи, налоговые консультанты, сотрудники турагентств.

И когда на телевидение попробовал прорваться, метод тоже сработал. Кому сказать: явился проходить кастинг на программу «Каникулы в Бразилии» и умудрился редакторшу, которая собеседование проводила, саму разговорить! Та, вместо того чтобы составлять его собственный психологический профиль, с удовольствием делилась: тоже провинциалка, чтобы пробиться

в Москве, приходится сутками торчать на работе, унижаться, подлизываться, ненавидеть себя...

В итоге на программу его взяли. Победить, правда, не удалось – конкуренты оказались зубастыми. Но разве плохо – за казенный счет съездить в Бразилию, загореть, завести еще кучу полезных связей и засветиться в телевизоре?

А дальше и за кино удалось зацепиться. Пусть рольки пока небольшие, но в актерские базы данных попал, даже собственным агентом обзавелся. Тот выпивоха оказался и нытик, зато обожал сливать Роме бесконечные истории про собственную несчастную жизнь. Актер – по уже налаженной колее – внимательно слушал, кивал, подбадривал. А взамен агент не только во все сериалы его пихал, но и в рекламу, на стенды многочисленных шоу, на съемки клипов.

Голубую братию, которая пыталась положить на него глаз, Рома отшил сразу и жестко. А вот с девушками и дамами – всеми: пожилыми или просто перезревшими, робкими, страшненькими, закомплексованными – был чрезвычайно мягок. И мастерство собственное совершенствовал постоянно. Чтобы столичные избалованные дамочки в его обществе не заскучали, занимался самообразованием – умные книжки читал, английский всерьез учил. Следил за киноновинками, модными тенденциями. Даже специальную тетрадку завел: записывал туда самые изысканные комплименты, свежие анекдоты, афоризмы о женском уме и красоте. И сам стихи писал – не для печати, сохрани господь! Исключительно для того, чтобы прекрасный пол очаровывать.

Девчонки, конечно, млели. Роме даже слушать было смешно сетования иных провинциалов, что заполучить москвичку, да с квартирой, – высший пилотаж. Лично у него ни малейших проблем не возникло. Только выбирай площадь побольше да район получше. Правда, жениться на приличной девушке, пусть даже с собственным жильем, он не собирался. Слишком высокая плата за столичную постоянную регистрацию.

Черепанов предпочел иной путь: стать всегда внимательным, заботливым, нежным любовником при богатой даме сильно в годах.

Звали ее Еленой Евгеньевной. (Для него – Леночкой.) Работала женщина продюсером на ТВ, нрав имела крутой, характер –

невыносимый. Но к молодому своему спутнику оказалась щедра. После года верной службы оформила на него симпатичную «однушку» в Замоскворечье, наследство от бабушки.

Имелось, конечно, искушение, – когда дарственная была подписана, послать старуху куда подальше. Но побоялся Рома ссориться. Слишком уж влиятельной дамой была Елена Евгеньевна. Рассердишь ее – к телевидению на пушечный выстрел не подпустят. Лучше уж смириться и остаться при ней, а юных цыпочек (для души!) коллекционировать осторожно, без эффектных загулов в ночных клубах и без громких любовных драм.

Тяжело, кто спорит, постоянно носить маску *доброго друга* и бесконечно выслушивать чужое нытье, но дело того стоило. Тем более в современном мире столько способов снять постоянный стресс! Съездить за границу, сыграть в казино, просто напиться, наконец.

Рома, конечно, не святой – иногда его тоже несло. Особенно крепко влип, когда отдыхал в Италии. Всего-то слегка выпил и сел за руль, а принципиальные карабинеры его по полной программе упаковали. Агент Ромчиков просто рвал и метал. Хотя где уж тут особая катастрофа? Да, обидно, что из сериала выкинули. Только жизнь ведь не кончена! Будут новые роли, заработаются новые деньги. А не дают шенгенскую визу – можно ездить пока в Турцию, Индию, Америку, Эмираты.

– А репутация? – бесился агент.

Можно подумать, Рома, напившись, в баре из пистолета стрелял, как некоторые. Или фотожурналистке разбивал камеру и вклеивал пощечины. Наш бомонд куда круче чудит – и ничего, с экранов не исчезают.

Вон его – по следам итальянского приключения! – уже пригласили в два ток-шоу и в документальном кино под названием «Русские за границей» дали целый съемочный день. Пусть без гонорара, а пиар?

И прочие подработки никуда не делись.

Только успел пострадать – совсем чуть-чуть, человек же он, не робот, – что огромный штраф пришлось заплатить, позвонила сладкая, словно мед, тетенька по имени Татьяна Павловна. Предложила провести очередной корпоратив за пять зеленых штук, против обычной его ставки в тысячу! Рома едва удержался, чтоб не брякнуть: «Чего так много?»

Но удержался, конечно, деловито потребовал:

– Куда надо ехать? Что за событие? Какой контингент?

Татьяна Павловна отбарабанила, как по писаному: частная вечеринка в особняке, в ближнем Подмосковье. Люди серьезные, никакой фамильярности, шутки подбирать максимально корректные.

– Собственно, ваше дело – расшевелить зал да объявить-представить певца. Ну и потом – розыгрыш призов провести.

– А кто поет?

Тетенька назвала известного исполнителя блатных песен, и Рома сразу все понял. Бывшие эки гуляют. Не самая приятная публика, и для репутации на подобных корпоративах работать не полезно. Его чистоплюй-агент подобные предложения отклонял с ходу, но, раз уж дамочка вышла на него напрямую... и с финансами напряженка... зачем отказываться? В конце концов, эки – те же люди и собственные жизни трагические живописать обожают, только слушай.

Но меры предосторожности принять не помешает.

– Я хочу с собой своего агента взять, – заявил Роман.

Однако у Татьяны Павловны тут же мед из голоса прочь. Отрезала:

– Исключено.

– Почему?

– Мероприятие – строго конфиденциальное. Никаких сопровождающих. И вас самого туда доставят с завязанными глазами, это одно из условий.

Добавила ядовитенько:

– За то и платим! Впятеро больше вашей обычной ставки.

Ох, не влипнуть бы! Пять тысяч, конечно, деньги, но безопасность дороже. Рома рот уже раскрыл, чтобы отказаться, но голос женщины снова зажурчал, словно ручеек:

– Зря вы волнуетесь! Я с этим контингентом уже семь лет работаю – никаких проблем. Следите, как они говорят, за базаром, и все будет хорошо. Да, и кстати. Платим мы вперед, наличными. Встретимся с вами за день до мероприятия, я передам конверт.

Тоже приятно – денежки сразу зашуршат, и налоги платить не надо.

И Рома решился. А когда познакомился с Татьяной Павловной – и вовсе расслабился. Женщина ему понравилась – в годах, с

породистым, интеллигентным лицом. По всему видно, с образованием и неудавшейся жизнью – с чего бы иначе ей у бандитов на побегушках работать?

Молодой актер включил самую обаятельную из улыбок, поинтересовался:

– Вы-то сами на мероприятии будете?

– Конечно! – по-матерински улыбнулась и заверила: – Стану вас опекать, все объясню, подстрахую.

И протянула конверт, улыбнулась:

– Расписки не нужно. Я вам доверяю.

...Пять тысяч Рома в тот же день вложил. Чрезвычайно выгодно.

Неделю назад к нему приезжала покувыркаться в постельке его *основная кошечка*, Елена Евгеньевна, большая начальница с телевидения. И подслушал Рома очень важный разговор, который вела женщина по скайпу. Собеседником ее был – актер узнал по голосу – самый главный босс с центрального канала. А речь шла о запуске нового ток-шоу. И что ведущий у него должен быть молодым, обаятельным, с незамыленным лицом. Чем не его собственный портрет?

Рома тогда притворился, что крепко спал. Он понимал: униженно выпрашивать что-то у любовницы-кормилицы – совсем не метод. Дамы – особенно состоявшиеся, пожилые – обожают мужчин (молодых, от них зависимых!) на место ставить. Отказывать им – надменно и грубо.

Чтобы своего добиться, нужно что-то очень оригинальное, эффектное придумать.

Он навел по своим каналам справки, выяснил: время новому ток-шоу собираются дать самое праймовое, в восемь вечера, и кастинг еще не проводили.

Что ж! Вкусы своей покровительницы он уже хорошо изучил. Часть его фирменного подхода к женщинам – всегда помнить их любимые духи, бренды, знать, что за украшения им нравятся.

К счастью, продюсерша предпочитала элегантным (и жутко дорогим) вещичкам от Тиффани побрякушки прямолинейные, массивные.

Рома отправился в очень русский, слегка мещанский магазин и приобрел крупное золотое кольцо с огромным изумрудом (бриллиант,

конечно, смотрелся бы эффектнее, да денег не хватило). И в тот же вечер вручил его своей пассии.

Елена Евгеньевна рассмотрела на свету камень, стрельнула вострым глазом на пробу, растрогалась:

– Спасибо, милый!

Кокетливо захлопала глазками, покровительственно улыбнулась (Рома успел подумать, что очередной ботокс ей вкололи неудачно):

– Набедокурил? Вину замаливаешь?

– Чист, как слеза младенца, – актер прижал руки к сердцу. Изобразил смущение: – Просто ты мне уже настолько родной стала... Захотелось чем-то тебя порадовать!

Удивительно наивны женщины, даже те, кто сделал карьеру и считает себя властительницами судеб. Тем же вечером раскололась Елена Евгеньевна про новое ток-шоу. Пригласила его на кастинг. Да еще в течение многих часов давала полезнейшие советы – чего от нового ведущего ждут, как себя надо будет вести. И клятвенно пообещала со своей стороны сделать все, чтобы взяли именно его.

Да, жизнь убедительно поворачивала – на белую полосу.

...На следующий день Рома отправился за колечко рассчитываться. Было ему немного не по себе в типично бандитском антураже: наглухо затонированный внедорожник, что встретил у подъезда, мрачные водитель с охранником, повязка на глаза, едва выехали за Кольцевую. Авторский метод – заставить людей говорить о себе – не сработал, сопровождающие всю дорогу молчали.

К счастью, путешествие быстро закончилось. Автомобиль въехал за трехметровый забор, ворота тихо замкнулись, и повязка с глаз была снята. Хотя бы, успел заметить Роман, не полная глушь. Домик находится в обитаемом поселке – на улицах фонари, окна в соседнем коттедже светятся.

А когда его ввели в дом – и вовсе камень с души упал. Вилла оказалась подпольным казино! Роскошным, с дорогой мебелью и очень – просто чрезвычайно! – серьезными посетителями. Естественно, что ему – постороннему! – дорогу туда знать не нужно.

Не теряется наш народ. Официальные игорные дома запретили – открыли секретные. Те же столы, дилеры, фишки, даже шоу-программа. Только обязательного процента от выигрышей нет, и никаких налогов платить не надо.

...Татьяна Павловна оказалась на месте. Тепло улыбнулась, проводила его в комнату, которая отведена была под гримерку.

Рома свою роль отбарабанил – любо-дорого посмотреть. Ему даже хлопали (или показалось?) громче, чем хриплоголосому шансонье. Впрочем, если уж совсем объективно, посетители виллы мало обращали внимания на то, что происходит на сцене. За игорными столами весь концерт не прекращалась большая игра – ставки от пятисот долларов, у Ромчика от подобного размаха даже дух захватило.

Когда свет на сцене погас, его подозвал к себе крупногабаритный дядька в идеально сидящем костюме. Покровительственно потрепал по плечу, похвалил:

– Нормально отработал, пацан. Премия тебе!

И фишку в тысячу долларов швырнул.

Рома вежливо поблагодарил, с интересом рассмотрел подарок. Фишка выглядела солидно, по всем признакам не из сувенирного магазина, а сделана на заказ. Серьезно тут все у них!

Подошла Татьяна Павловна, шепнула на ухо:

– Обналичить, к сожалению, не получится. Шеф рассердится. Проиграйте быстренько, и вас домой отвезут.

Но Роман и не собирался ради несчастной тысячи отказываться от шикарной возможности – сыграть в подпольном казино. Он скучал по игре и даже специально выяснял, на каких условиях можно попасть в нелегальное заведение? Многие актеры (маститее, нежели он) и прочие люди из шоу-бизнеса в них бывали, неплохо было бы и самому в разговоре, небрежненько, подобным опытом щегольнуть. Но когда Черепанов узнал, что минимально надо фишек купить на десять тысяч баксов сразу, при входе – идею отставил. Проще уж в Белоруссию слетать, там поиграть за гроши можно.

А тут – само в руки идет!

Одна беда – с тысячей не разгуляешься. В покер – его любимую игру – ставка пятьсот долларов только за вход. Поменять карту – еще пятьсот, вот тысячи и нет. Если комбинация на руках будет, даже поставить нечего.

Рома с кислым лицом направился в сторону рулетки. Не любил он бессмысленное, вне всякой системы кручение шарика. Но здесь хотя бы ста долларами за розыгрыш можно было ограничиться.

Татьяна Павловна продолжала верной наседкой топтаться рядом и прошелестела:

– Не советую.

И добавила еле слышно:

– Выпадает всегда тот номер, на котором ставок нет.

Ну да, Рома слышал: в подпольных казино обманывают по-черному. Специальную программу устанавливают, чтобы шарик шлепался не по воле крупье, а на заведомо пустое число. Причем запускают программу, когда ставки уже больше не принимаются, то есть в последний момент на голую клетку фишку не бросишь.

– А что делать? – уныло поинтересовался актер.

– Рискните в покер, – пожала плечами женщина. – Если будет игра, тысячу я вам одолжу.

– Хотите меня в трясину затянуть? – улыбнулся он.

– Да избави боже! – всплеснула руками женщина.

В глазах ее отразилась искренняя обида, и Роме даже странно стало, что столь трепетное создание работает в окружении бандитов и очень даже неплохо со специфической публикой контактирует.

А Татьяна Павловна поджала губы:

– Играйте, где хотите! Я как лучше хотела. Просто знаю, что против дилера шансы есть, а на рулетке – никаких.

В конце концов, можно ведь как поступить. Войти в игру. А поставить – только если у него не убиенная комбинация будет. Коли выпадет пара двоек или даже дам-королей, рисковать он не станет.

– Ну, ладно! – нерешительно пробормотал он. – Давайте попробуем.

Татьяна Павловна улыбнулась:

– Если финансовый вопрос для вас стоит остро, я могу в долю войти. Вместе посмотрим карты и примем решение. Проиграем – значит, не повезло. Нам обоим. – И браво добавила: – Меня тысяча не разорит.

Хотя по виду не скажешь. Пусть одета Татьяна Павловна дорого, модно, но все равно было у Ромы ощущение, что считает женщина каждую копейку. Кредитов, что ли, набрала? Или молодой любовник деньги вытягивает?

Мог бы при желании начать расспрашивать, и выложила бы все, как на духу, в своих способностях молодой актер не сомневался. Но

только здесь и сейчас, в дразнящей, нервной и такой любимой атмосфере игры совсем не до чужих жизней ему было. Не выслушивать, не кивать, не подбадривать хотелось, но отжаться – пусть на жалкие минуты! – бесконтрольному, безбашенному азарту.

– Deal! – улыбнулся он ей и протянул руку.

– Deal, – ответствовала она (что удивительно, с шикарным произношением). По лицу ее промелькнула тень, но Рома – обычно столь внимательный к дамам – ничего не заметил. Он уже спешил к покерному столу.

Средних лет дилер приветливо улыбнулся Роману, игриво поприветствовал его спутницу:

– Гуляешь, Танюшка? Присаживайтесь.

– Я постою, – помотала головой она. – Тут вопрос одной минуты. У нас с молодым человеком – единственная ставка. На двоих.

– Тяжело нынче живется интеллигентным людям, – подколот дилер. И подмигнул: – Попробую уж вас утешить. Чем смогу.

И утешил – прямо со сдачи у них получился стрит!

Рома хотел сразу ставить – Татьяна Павловна остановила:

– Давай прикупим. Вдруг придет? На шести картах выплата вдвое больше.

– А вы соображаете, – похвалил Ромчик.

– Коньяк! – пропел нежненький голосок у них за спиной.

– Хороший. Бесплатно, – тихонько просветила его Татьяна Павловна.

Роман выпил бокал залпом. Спутница взглянула укоризненно. Строго велела официантке:

– Закусить принеси.

Дилер бросил им карту. И снова удача! Было у них семь, восемь, девять, десять, валет – а пришла дама!

– Поздравляю, – не расстроился крупье.

Протянул выигрыш – восемь тысяч долларов. Длинный, на шести картах, стрит оплачивался не один к четырем, как обычный, а один к восьми.

Татьяна Павловна аккуратно отделила свою половину денег и решительно поднялась:

– Я пас.

А Рома – как он потом проклинал это победное, восхитительно пьяное мгновение! – просто не смог себя заставить. После первой же сдачи позорно сбежать, будто он нищий, несмышленный щенок.

Поставил снова. И опять повезло – две пары.

Он отметил выигрыш еще одним коньяком. Вот что значит хороший напиток – никакого опьянения, только приятное, пузырящееся, искристое тепло.

А дальше...

Татьяна Павловна куда-то исчезла. Рома ставил, выигрывал, проигрывал, увеличивал ставку. К тому моменту, когда деньги кончились, он был уже абсолютно пьян. И обрадовался, словно ребенок, когда к нему подошел любезный дядечка и предложил сыграть в долг. Деньги – немедленно, только, будьте добры, подпишите вот здесь.

«Свои верну – и сразу все, домой!» – вертелось в голове.

Но спьяну перепутал фишки. Поставил вместо пятисот – пятидесятичную, такого же цвета. Рискнул сыграть с парой валетов – продул. Взялся отыгрываться, и почти получилось. В какой-то момент даже оказался в плюсе, но обидно ведь после столь феерической игры возвращаться домой с жалкой (по меркам заведения) суммой в пять тысяч долларов. Стал играть снова. Дальше – туман.

...Очнулся утром, в своей квартире. Спал одетый, голова нещадно трещала. А на тумбочке, аккуратно расправленная, лежала ксерокопия расписки: что он, Роман Игоревич Черепанов, должен некоему Вахтангу Гивиевичу Абашидзе двести тысяч долларов.

* * *

Полгода назад

Поручение Сашкиной мамы – обхаживать девицу с красными волосами – Стиву нравилось чрезвычайно.

– Удивительная у тебя mother! – восхищался американец. – Не то что моя. Максимум, что попросит – газон покосить.

Сашка тоже считал: уж куда лучше, чем мыть посуду или пылесосить, по маминой просьбе девчонку развлекать.

Одно было обидно: красноволосая Хелен явно положила глаз на Стива. Действительно, зачем ей свой-родной, скромно одетый, российский подросток? Куда круче закадрить американца. Как же! Доллары, Голливуд, домик с лужайкой!

Причем лукавила девочка, ох как лукавила! Еще вчера, когда первый раз к ней подошли, предстала пред ними во всей красе: короткая юбка, сапоги на каблуках-копыточках, папироска, пива купить потребовала. Уж точно не из тех, у кого даже поцелуй только по огромной любви можно выпросить. Но едва поняла, какого сорта ребята к ней подошли, тут же начала представление разыгрывать. Типа, она тоже высокодуховная. «Над пропастью во ржи», подумать только, со Стивом взялись обсуждать! Вопросы, хлопая глазками, задавала такие, что закачаешься! «Стив, помоги мне, пожалуйста, разобраться: чем американские республиканцы принципиально отличаются от демократов?» А друг его забугорный, наивный человек, уши развесил! И сам соловьем разливается, Сашке и слова вставить не дает.

...Едва расстались с девицей (проводили, будто культурные, ее до подъезда), Александр цинично хмыкнул:

– Просто смешно! С горяченькими штучками о политике говорить.

– На первом свидании положено, – пожал плечами Стив.

– Да ну! С такими, как эта Хелен, третьего дринка не ждут.

Американец сурово взглянул на него:

– Я даже не думал о сексе. К тому же твоя мама просила: девушке *помочь!* К нормальной жизни вернуться.

– По-моему, поздно ей уже помогать. Даже в реанимации не спасут, – авторитетно заключил Сашка.

Однако американец упрямо добавил:

– Хелен... Альйона только хочет казаться такой. А на самом деле у нее очень ранимая, трепетная душа... Давай завтра опять с ней встретимся!

– Нет уж, я пас, – решительно отказался Александр. – Красотка не в моем вкусе. Если хочешь, воркуй с ней сам.

А вечером отчитался матери:

– Прогуляли мы твою Алену.

– И как она вам? – мамин голос дрогнул.

– Жуть. Шала... – Сашка опасливо покосился на родительницу, заменил ругательство эфемизмом: – ...то есть полное отсутствие моральных устоев. – Добавил презрительно: – Но Стиву понравилась. Ты же знаешь этих американцев: хлебом не корми, дай кого-нибудь спасти. Завтра снова хочет с ней душещипательные разговоры вести.

– Ты с ним пойдешь?

– Да что я, больной?

– Саша! – сдвинула брови маман. – Я не могу, конечно, тебя заставить. Но Стива одного отпускать нельзя! Мы ведь с тобой обсуждали: он – наш гость, и мы несем за него полную ответственность! Как твой друг поедет один – в чужом городе, на метро? Ты же знаешь: к иностранцам в Москве вечно цепляются.

– Ну и езжай с ним сама, – буркнул сын.

Мама окинула его внимательным взглядом:

– Тебе обидно, что Алена на Стива запала?

– Да плевать мне, на кого она запала! – фыркнул подросток. И отыграл: – Просто ничего не могу с собой поделать. Твое воспитание сказывается: девочка должна быть хорошо воспитанной, не курить, юбочки носить хотя бы до колена.

– Она совсем недавно и была именно такой, – задумчиво произнесла маман. И мягко добавила: – Саша, пожалуйста. Я не прошу тебя Алену понять, подружиться с ней. Но раз Стив берется ей помочь, я ему очень благодарна. А ты, пожалуйста, не отпускай его одного.

– А что я с этого буду иметь? Кроме партии в блэк-джек?

– Я тебе всегда помогаю – безо всяких условий, – довольно холодно отозвалась родительница.

– А я, если завтра со Стивом пойду, не буду мыть посуду. Минимум неделю.

Маме, видно, очень хотелось красивой сказки, в хеппи-энде которой красноволосая Алена превращается в чинную американскую миссис.

– Хорошо, – вздохнула она. – Раз ты такой корыстный, посуду я помою сама.

Что ж – сделка есть сделка. И назавтра они с американцем снова подкараулили Алену у подъезда.

Сашка ждал очередной мегакороткой юбки, однако сегодня девушка была в джинсах. И без индейской раскраски обошлась

(бледное лицо смотрелось странно в сочетании с оранжевыми волосами).

Увидела ребят – неприкрыто обрадовалась. Смущенно пролепетала:

– Хай!

Как подменили ее сегодня. Не курила, про пиво больше не заикалась. И смотрела – артистка! – на Стива совсем робко.

Сашка улучил момент, когда девушка не слышала, толкнул американца в бок:

– Тебе в приюте для плохих девчонок надо работать! Психологом!

Его самого красноволосая Аленка очень настораживала. Слишком уж быстро сбросила она свою прежнюю вульгарную маску. Но пятна-то у леопарда не закрасишь. Ох, не встретить бы сейчас в темном вечернем парке каких-нибудь ее сомнительных дружков!

...И как в воду глядел.

Навстречу им из ранних весенних сумерек выдвинулась компания. Трое парней, по возрасту уже не школьников, не слишком трезвых, прошли было мимо (у Сашки сразу отлегло от сердца). Но вдруг один из них обернулся, молвил удивленно:

– Ленка! Ты, что ли?

– Привет, – холодно бросила Алена.

И ускорила шаг. Саша со Стивом поспешили за ней.

Но не тут-то было.

– Оборзела цыпа! – изумленно констатировал один из парней.

– Стоять! – велел второй.

Третий же – самый старший – в два прыжка догнал, грубо схватил девушку за руку, велел:

– А ну, скажи вежливо! «Добрый вечер, Анатолий Андреевич!»

– Слушай, Толик. Шел бы ты! – сузила глаза Аленка.

Сашка быстро оценил диспозицию. Вечер, совершенно пустой парк, даже собачников не видать. И трое типичных завсегдатаев «качалок». Потягивает от парней вроде бы только пивом, но глаза нехорошие, пустые, зрачки расширены. Похоже, еще «травкой» отлакировали. Если дело дойдет до драки, им со Стивом придется тяжело.

Он поспешно произнес:

– Мужики, нет проблем. Алена с вами поздоровается. Аленка, ну?

– Да, what’s the problem? – подхватил Стив.

Лучше бы американец молчал.

– Ни хрена себе! – выдохнул самый чахленький из парней. – Ленка америкоса сняла!

Толик же выдержал паузу (глаза злющие, желваки бегают) и коротко велел Александру со Стивом:

– Все, малыши, гуляйте! Девочка с нами пойдет.

Но Аленка – артистка! – кинула на Стива с Сашкой столь отчаянный взгляд, что даже скептически настроенный Александр преисполнился сочувствия. Хотя и понимал: красноволосая, абсолютно очевидно, еще *недавно* охотно уходила с этими парнями. Иначе бы те не обращались к ней столь по-свойски.

– Мужики, – примирительно обратился он к парням, – чего вы завелись? Мы ни на что не претендуем. Пусть Алена сама решает, с кем ей идти.

Толик взглянул на него презрительно. Пригвоздил:

– А нас ее мнение не е...т.

И решительно дернул девушку за руку. Та истерически завизжала.

Сашка думал, что политкорректный Стив приложит все силы, чтобы избежать драки, однако американец не колебался ни секунды: врезал Толику в челюсть. Увы, до Рэмбо ему оказалось далеко – главарь не упал, только отступил, сплюнул кровь...

Сашка (а что оставалось делать?) от друга не отстал: шарахнул второму парню в солнечное сплетение. Аленка тоже попыталась кинуться на третьего. Но не успела.

Тот, самый щупленький, ловко отскочил назад. А уже через долю секунды что-то выхватил из кармана, бросился к американцу, и Стиву в нос ударило плотным, зловонным облаком. Газовый баллончик!

Американец согнулся пополам. Сашка увернулся от оклемавшегося Толяна, закрывая левой рукой рот и нос, бросился на хлюпика, выбил из его рук черно-красный цилиндр.

– Стив! – кинулась к американцу девушка.

Обернулась к Сашке, отчаянно выкрикнула:

– Он задыхается!

Александр бросил быстрый взгляд на друга. Американец реально не мог вдохнуть, глаза налились кровью, выкатились из орбит. Ноги у него подогнулись.

– I have an asthma^[7], – прохрипел он.

И упал.

А на Сашку уже надвигался полностью отдышавшийся Толик.

– Прекратите! – надрывалась Алена.

– Он американец, дебилы! – попытался увещать парней Александр. – Нужно врача!

– Сейчас будет вам врач, – мрачно изрек главарь.

Сашка попытался уклониться, но не смог.

Толик обрушил на его голову страшный удар. Перед глазами все завертелось, и школьник провалился в черную пропасть.

* * *

Наши дни

Первое время после отпуска в Италии и увольнения из «Молодежных вестей» Полуянов был чрезвычайно мил. Прежде-то вел себя, как Людовик Четырнадцатый. Государство – это он, а Наде милостиво оставлял все заботы о собственном благополучии и процветании. Но тут вдруг стал – не то что, конечно, в квартире убирать, но жизнью Митрофановой, преданного своего вассала, интересоваться. По вечерам, когда она приходила с работы, выключал (пусть со вздохом) телевизор: «Давай, Надюшка, просто поболтаем». Раздобыл контрамарки и сводил подругу в Ленком, однажды (просто так!) подарил цветы.

Неужели чувствует себя виноватым, что остался без работы, семью содержать не может? Но, во-первых, Дима и сейчас на шее не сидел, предложение, что все продукты она будет пока на свои деньги покупать, благородно отверг: «Пусть минимальные, но сбережения у меня имеются!» А во-вторых, Митрофанова не сомневалась: Полуянов сам не сможет долго тунеядствовать, соскучится. И снова ринется в работу. Хоть в какую.

...Или журналист просто ценить ее больше начал? После того, как своими глазами увидел: подруга его – не довесок какой-то, еще вызывает интерес у молодых, симпатичных артистов?!

Во всяком случае, когда Дима полез, в ее отсутствие, в ящик с документами и обнаружил в нем серебряную старинную книжицу – подарок артиста Черепанова, учинил он Митрофановой натуральный допрос: откуда вещь?

Надя запирается не стала, с вызовом вскинула подбородок:

– Это мне Рома подарил.

– Ты с ним встречаешься, что ли? – сузил глаза Полуянов.

– Нет, – пожала плечами она. – Это еще в Италии было.

– Ох, легко же вам, красным девицам, голову задурить, – фыркнул журналист. – Неужели не понимаешь? У Ромочки таких, как ты, поклонниц – две стопки, и еще коробка.

– Понимаю, – спокойно отозвалась Митрофанова. – Но все равно приятно.

– Русский характер, – продолжал издеваться Димка. – Ее бьют, а она в глаза преданно смотрит.

– Рома разве меня бьет? – простодушно улыбнулась Надя.

И не удержалась от упрека:

– А вкус у него хороший. И подарок красивый сделал. Не то что ты! На день рождения мне пароварку вручил!

– А что пароварка? Полезная в хозяйстве вещь, – искренне удивился Полуянов.

Но все ж выводы сделал. На следующий день протянул ей бархатную коробочку:

– Так уж и быть. Вот тебе в дополнение к пароварке!

Надя достала симпатичные сережки, просияла, кинулась к другу сердечному на шею...

...Как Надя и предполагала, Димина неостребованность длилась недолго. Он написал – за гонорар – несколько статей в гляцевые журналы. Пристроил в один из них свой «гвоздь» про аварию в городе К***. Материал имел успех, и Полуянову предложили пойти в штат. Осторожный журналист не стал сразу относить новым работодателям трудовую – пошел пока на контракт. «Чтобы, если не понравится, сразу сбежать».

И, как раньше, начал сутками пропадать на работе.

Галантность Димина тоже быстро пошла на убыль. Цветов больше не покупал, по вечерам плюхался к телевизору. И в консерваторию, когда Надя позвала, идти отказался: «Не люблю.

Кого-нибудь из своих дам библиотечных возьми». Однажды она про наследника заикнулась – опять отшил: «Надька, ну куда нам детей? И без того времени ни на что не хватает».

– Но дальше еще сложнее будет! – попыталась поспорить Митрофанова.

Однако Димка был тверд:

– Нет, солнышко. Я пока не созрел.

Ну да. А когда он созреет, ей рожать будет уже поздно.

Все-таки нет у них с Полуяновым перспектив. Разве пара блестящий журналист скромной библиотекарше? Надо ей кого-нибудь по себе искать. Домашнего, уютного. С кем можно ходить в консерваторию, вместе лепить пельмени по выходным, говорить о книгах... Даже начала к читателям присматриваться – вот он, ее контингент. И однажды сходила в библиотечный буфет выпить чаю с немолодым, но чрезвычайно галантным доктором философии.

Увы, их историко-архивная – куда хуже деревни, все на виду. Полчаса вместе в буфете посидели, и на Митрофанову сразу град вопросов: «Ты чего? С журналистом своим поссорила?»

Не только коллеги заметили – читатели тоже. Одна шустрая кандидатка наук тут же начала требовать у Нади номер Димкиного мобильного:

– У меня для него тема интересная есть.

А Ирина Андреевна (ее мнение для Митрофановой как раз было важным) упрекнула:

– Зря ты мечешься! Вы с Димой, я считаю, прекрасная пара.

– Слишком разные мы, – вздохнула Надежда. – Тяжело с ним.

– А почему ты только о себе думаешь? – неожиданно упрекнула читательница. – Да, тяжело, семейные отношения вообще строить непросто. Но Дима без тебя вообще пропадет! Что бы Лев Николаевич Толстой делал без своей Софьи Андреевны?

– Ну, вы скажете! – рассмеялась Митрофанова.

Полуянов без нее как-нибудь обойдется. В другом было дело. Пусть доктор философии образован, остроумен, глубоко порядочен и серьезен – чувствовала себя с ним Надя, будто нудный урок отбивала. И с облегчением вздохнула, когда их свидание в библиотечном буфете завершилось. А с Димкой, даже когда тот на нее ноль внимания, в телевизор уставился, она действительно ощущала себя единым целым.

«Собака на сене этот Полуянов, – сердито думала девушка. – И жениться не хочет, и к другим меня не отпускает».

Настроение совсем паршивое, погоде под стать – наступил октябрь, зарядили дожди. К тому же помощница заболела, а народу в зале полно – у ученых всегда глубокой осенью самая научная активность. Новые книги из хранилища прими, старые – сбрось, директор требует, чтобы ко Дню согласия и примирения в зале экспозиция была новая. А как ее готовить? Надя до сих пор толком не поняла, что это за праздник такой.

Тут, будто назло, с вахты позвонили:

– К вам посетитель без читательского билета, спуститесь.

Пришлось бежать. Читатели на мраморных ступеньках развели слякоть, Митрофанова поскользнулась, едва не упала и готова была гостя – кто бы он ни был! – разорвать в клочья. Но едва увидела – лицо, само собою, расплылось в глупой улыбке.

Возле вахтерши с огромным букетом белых роз стоял Роман Черепанов.

Бросился к ней, вручил цветы, произнес:

– Прости, Надя, что от работы отрываю. Но ты сама виновата – телефон свой мне не дала!

«Можно подумать, ты просил!»

Вахтерша не сводила с нее любопытного взгляда, а стайка студенток, только что из гардероба, и вовсе в соляные столпы обратились. Митрофанова расслышала: «Черепанов! Точно говорю, тот самый!»

А ей и приятно, и неудобно ужасно. И зал пустым оставлять нельзя, читатели взбесятся.

Черепанов же – в отличие от нее – всеобщим вниманием неприкрыто наслаждался. Рекламно улыбнулся восхищенным студенткам, смиренно обратился к вахтерше:

– Вы не позволите мне пройти?

– На полчаса, я потом его провожу, – подхватила Надя.

– Вечно у тебя, Надежда, какие-то форс-мажоры, – поджала губы женщина.

На ее кислом лице читалось откровенное недоумение: откуда у простушки Митрофановой поклонники – один другого краше?

От возбужденных студенток отделилась самая шустрая, подбежала к Черепанову:

– Простите, пожалуйста. Автограф можно?

Роман с удовольствием расписался на тетрадном листке, а из столовой как раз директор вышел вместе с заместительницей. Морали читать не стал, но взгляд в сторону Митрофановой метнул самый неодобрительный.

– Зачем ты пришел? – выпалила Надя, когда наконец миновали кордон.

Букет жег руки, а любопытные взгляды коллег просто испепеляли. Обычно из залов своих не показываются, а тут будто нарочно все повыскакивали на центральную лестницу!

Роман смиренно прижал руки к груди:

– Надюшка, прости, пожалуйста. Хочешь, я вечером приду? Ты во сколько работу заканчиваешь?

Еще круче! Сегодня за ней Полуянов обещался заехать. Давно решили: съездить вместе в гипермаркет, набрать продуктов.

– Да ладно, давай сейчас поговорим, – пробормотала Митрофанова.

Неудобно: человек ведь нашел ее, цветы принес, сквозь кордоны прорвался. А она его выгонит. К тому же – шепнул на ухо червячок сомнения – Рома вечером может и не прийти. Не принцесса она, чтоб за ней прекрасные принцы в очередь выстраивались!

– Сейчас, подожди. – Надя решительно двинулась к девочкам из зала Русской истории (те старательно притворялись, будто стоят на лестнице только для того, чтобы в окошко поглядеть). Попросила: – Посидите в моем зале полчаса?

Коллеги заулыбались:

– Можем вообще тебя домой отпустить! С таким красавчиком!

– У нас исключительно деловой разговор, – нахмурилась в ответ Митрофанова.

А Рома – когда спустились вместе в буфет – усмехнулся:

– Нет у меня к тебе, Надюшка, никакого дела! Просто скучно стало, тоскливо, дождь этот, лица у всех кислющие. Вот и решил найти тебя. Одно из самых моих приятных воспоминаний. Улыбку твою увидеть, вспомнить, как мы теплым летним вечером сидели на террасе, пили капучино, смотрели на озеро Комо...

– Спасибо, – покраснела она. Добавила: – Я очень переживала... когда у тебя в Италии проблемы возникли.

– Да ладно! – отмахнулся Роман. – Разве это проблемы? К тому же у меня счастливый характер. Когда трудности – такая злость разбирает. Хочется не руки опустить, а, наоборот, всем показать: рано меня еще со счетов сбрасывать. Не поверишь, но история полицейская мне на пользу пошла. С сериалом не получилось, вообще приглашать в кино стали меньше – я бизнес стал развивать. У меня же турагентство свое, уже давно. Маленькое. Называется «Фуэте». Все пророчили – прогорит. А я – назло! – не только на плаву держусь, но даже расширяться задумал. Буквально на днях в новый офис переезжаю, из Текстильщиков – в высотку на Котельнической.

– Да ты что! – обрадовалась Надя. – А каким направлением ты занимаешься?

– Ну, что ты! По *направлениям* работать – вчерашний день, – слегка снисходительно улыбнулся Роман. – Я развиваю принципиально новую тему. Называется «Театральный туризм». Слежу за мировыми премьерными, контрактами, которые примы заключили, их расписанием. Выкупаю заранее билеты и отправляю народ: в «Метрополитен», Ковент-Гарден, австрийскую оперу, Ла Скала.

– Неужели люди ездят? – изумилась Надя.

– Еще как! – заверил Роман. – Богатых да продвинутых в стране много.

– Но разве они не могут сами на театральных сайтах билеты выкупить?

– Только на то, что не модно. На итальянский балет или английскую оперу, – объяснил Роман. – А чтобы на аншлаговый спектакль попасть, нужно ровно в ноль часов, в первый день бронирования, уже в Интернете сидеть. Пятнадцать минут проходит – билетов нет.

– Рома! Ты – удивительный человек! – искренне произнесла Надя. – Хотела бы я тоже придумать что-нибудь такое...

– Может быть, *библиотечный туризм*? – с ходу сымпровизировал артист.

– Это как?

– Ну, для таких, как мы с тобой. Кто любит книги нюхать. Тур по Европе – с обязательным посещением всех известных библиотек.

– У нас читатели – в основном госслужащие, – вздохнула Надя. – В Турцию выбираются раз в три года, какие европейские туры!

– Ладно, – великодушно пообещал артист. – Я тебе обязательно придумаю что-нибудь еще. А если захочешь сама в театральный тур съездить, заходи на мой сайт, там все анонсы премьер. От стоимости сразу отнимай тридцать процентов. – Тепло улыбнулся, заверил: – Тебя я уж точно отправлю по себестоимости.

– Спасибо, – вновь зарделась Надя.

Поболтали еще про дрянную погоду, собак, киношные нравы, провокационную постановку «Руслана и Людмилы» в столичном Большом театре. Когда пирожки были съедены и кофе выпит, Рома – словно бы между делом – поинтересовался:

– Ты все еще с журналистом своим?

– Да, – потупилась Надя.

– Передай ему спасибо.

– За что?

– Что не гнобил меня в «Молодежных вестях» своих. После итальянской истории. Я, честно говоря, опасался.

– Димка так мелко не плавает, – заверила Надя.

Но Черепанова обмануть непросто. Внимательно взглянул на нее, добавил:

– А самое большое спасибо – тебе. Что замолвила за меня словечко... Ты, Надя, даже сама себе отчета не отдаешь в том, какая ты замечательная! Прямо жаль, что ты не бухгалтер!

– Почему?

– Я бы тебя в свою фирму работать позвал. Слушай... а хочешь как-нибудь сопровождающей поехать? С группой, допустим, в тот же Ла Скала? Сама поездка, спектакль – бесплатно, и пятьсот евро – гонорар.

– Да ну, Рома, – смутилась Надя. – Какой из меня сопровождающий? Я и итальянского не знаю, только английский немного.

– А язык тут не важен. Главное – здравый смысл, а его у тебя в избытке, – возразил артист. – Подумай, короче, ладно? А я тебе позвоню. Я был бы счастлив вместе с тобой работать!

И поднялся:

– Не буду тебя больше отвлекать. Только телефон мне оставь, лады?

Конечно, Надя дала ему номер!

А вечером, дома, когда Полуянов, как всегда, сбежал к телевизору, сходила на сайт Роминой фирмы (визитку он ей оставил). Действительно, маняще: красивые города, хорошие отели, блистательные спектакли... С завистью подумала: «Вот бывает же, как у Чехова! Когда все в человеке прекрасно. И лицо, и одежда, и бизнес легко дается! Захотел в кино сниматься – попал, начал свое дело – преуспевает...»

Может, действительно ей принять Ромино предложение? Пойти к нему на работу?

А что придется – *возможно!* – за тепленькое местечко в постели рассчитаться... может, и ничего? С таким-то красавчиком?!

* * *

Кое в чем Рома Черепанов не врал. Он действительно не из тех, кто опускает руки. Хотя сначала ему казалось, что в положение он попал совершенно отчаянное.

Едва успел тем проклятым утром бутылку пива откупорить, как ему позвонили. Мужской голос с легчайшим восточным акцентом вежливо поинтересовался, «когда дорогому человеку угодно будет рассчитаться».

– У меня нет таких денег, – хрипло выдохнул Роман.

– Как нет, не бывает так, чтобы не было, – жизнерадостно отозвался собеседник, – друзья есть, квартира есть, значит, и доллары есть!

– У тебя самого много друзей, кто такую сумму в долг даст? – огрызнулся Черепанов.

– Зачем тогда играл? – посетовал мужчина.

И пообещал:

– Ровно неделю, нет, даже две – из уважения к твоим талантам – не трогаем тебя. Потом беспокоиться будем, меры принимать. В городишко, откуда ты родом, гонца отправим, с твоими родителями говорить, сестру твою молодую обижать.

Обложили, короче. По полной программе. Рома вспомнил сладкоголосую Татьяну Павловну, ее материнские интонации, и аж горло перехватило от гнева. Элегантно, гады, работают!

И какой можно предпринять контрудар? Сдать подпольное казино властям? Так не зря же его туда с завязанными глазами везли, он даже не представлял, на каком шоссе заведение располагалось.

Написать в полицию заявление, что этот Вахтанг у него деньги вымогает? Но подпись-то на расписке – его, не поддельная. Даже если получится доказать, что его вынудили, все равно от долга не удастся избавиться. Мужик вежливый не зря про его родной городок упомянул. Намек прозрачен: как ни крутись, достанем все равно.

Пожалуй, все же придется платить. Но как? Набрать кредитов и потом бегать не от восточных людей, а от коллекторов? Да еще, в довершение к отсутствию «шенгена», попасть в стоп-лист на российской границе? Нет, не выход. Продать квартиру, подарок продюсерши? Совсем катастрофа. Мало того, что снова придется мыкаться по съемным, – Елена Евгеньевна в порошок сотрет. Можно сразу забыть не только про новое ток-шоу, но и про телевидение в принципе.

Может, взять, как посоветовал проклятый джигит, в долг? У той же любовницы? Но дамы (а их породу Рома уж изучил прекрасно!) терпеть не могут несчастеньких. То есть какая-нибудь училка из Нижневартовска или воспитательница детского сада из Пензы могут поверить в сказочку. Про внезапно заболевшую, допустим, сестру, которой срочно требуется операция за границей. Однако женщины, у которых реальные деньги есть, далеко не столь наивны. Даже если согласятся помочь, как минимум потребуют предъявлять сестру, все подтверждающие документы и счета из западных клиник.

Привлечь к игре какую-нибудь из многочисленных наивных поклонниц? Подделать медицинскую карту? Нет, слишком сложно.

Но *направление* — Рома облегченно покончил с пивом – кажется, выбрано верное. Нужна *красивая, эффектная история*. Но женщин надо не о помощи просить. Наоборот: предлагать им партнерство, участие. Сулить грядущие блага и огромные прибыли. И от желающих начать совместный бизнес с красавцем-актером тогда не будет отбоя.

Черепанов не стал откладывать неприятный разговор на потом – немедленно перезвонил своему кредитору. Пришлось поторговаться и

поспорить, но в итоге договорились: Роман немедленно платит аванс. Двадцать тысяч долларов (все сбережения, что у него имелись). Но остальную сумму возвращает не в ближайшие дни, а в течение двух месяцев.

Актер понимал: придумать и надуть *мыльный пузырь* раньше у него никак не получится.

* * *

Надина мама работала медсестрой, отец их бросил и алиментов не платил, поэтому жили они всегда скромно. Но пусть не ездили на моря, не имели машины и не украшали дом хрусталем и коврами, Надюшку никогда не дразнили в школе, что одета хуже других. Тут уж мама старалась, покупала ей без излишеств, но все, что положено. Джинсы, хорошие кроссовки, изящное платье на выпускной вечер. Мама всегда повторяла: «Когда денег мало, самое важное – правильно расставить приоритеты». И учила дочь, что куда выгоднее (да и для здоровья полезней!) не полуфабрикатный фарш покупать, а кусок свежего мяса на косточке:

– Да, вроде кажется: дорого. Но готовятся из него минимум три блюда. Отбивные. Суп. А вынимаешь из бульона кость, мелешь мясо – получаются макароны по-флотски.

То же самое и с одеждой: если у тебя есть один хороший костюм, из него можно скомбинировать до десяти различных вариантов – от спортивного до вечернего.

Но самым главным маминым постулатом являлось: постоянно, каждый месяц, как бы тяжело ни было, нужно откладывать на черный день. Минимум – десять процентов от всех доходов, а лучше больше. И не тупо относить деньги в сберкассу, а ими грамотно управлять.

Надя, тогда девчонка, очень слабо понимала, что значит – *управлять деньгами*. Однако мама – скромная медсестра! – блестяще обошла все препоны и рогатки, что ставило перед ней рушащееся в восьмидесятых-девяностых годах государство. В то время как у всех их знакомых накопления на сберкнижках обращались в пыль, мама, наплевав на восемьдесят восьмую статью (незаконные валютные махинации), бесстрашно скупала доллары.

В итоге Наде досталось пусть небольшое, но наследство. А главное, она накрепко усвоила мамин завет: капитал нужно постоянно приумножать.

– И еще, доченька, ни в коем случае ни с кем своими сбережениями не делись. Ни с подругами, ни, главное, с мужем. Муж – что? Сегодня он есть, завтра выйдет весь. А у тебя хотя бы деньги останутся.

Немного, Надя считала, непорядочно: скрывать от любимого человека свои доходы. Впрочем, Полуянов никогда и не претендовал на ее зарплату, даже не знал, сколько она получает. В их микроячейке как-то само все устроилось. Димка платил за квартиру, финансировал бытовую технику, с каждой зарплатой выдавал ей на продукты. Да еще, когда бывал в настроении, подкидывал подруге то на туфельки, то на кофточку. Поэтому относить десять процентов зарплаты в банк – стабильно, из месяца в месяц – Митрофановой труда не составляло.

И сейчас на ее счету – за многие-то годы! – скопилось пятьдесят тысяч долларов.

Не бог весть что, но не начать ли с их помощью собственный бизнес?!

Рома Черепанов действительно интересное дело делает!

...Когда встретились с красавцем-актером снова, уже не в библиотеке, а в элегантном кафе, он принес учредительные документы и все объяснил. Пока что его турагентство являлось индивидуальным предприятием и уставного капитала не имело. Но сейчас, когда дело пошло, да столь успешно, артист задумал преобразоваться в акционерное общество.

– Представляешь, Надюшка, ты могла бы не просто заниматься интересной работой, получать достойную зарплату. Но еще прибыль иметь ежегодно. За прошлый месяц, например, чистый доход у меня – тридцать процентов. Иногда бывает похуже, врать не буду. Но минимум сорок процентов годовых акционеры получать будут, это я гарантирую. Не считая зарплаты, конечно.

– Мавроди больше обещает, – усмехнулась она.

– Но не даст ничего, – нахмурился Роман. – Мавроди – авантюрист. Он свою прибыль из воздуха обещает достать. А наше дело – полностью реальное. Вот, смотри! – Рома извлек из кожаного портфеля портативный компьютер. – Самое простое. Берем любой сайт,

где продаются билеты в Большой театр. Выбираем топовое представление. «Корсар», например. В роли Конрада – Цискаридзе, он уже объявил, что завершает карьеру, поэтому народ идет валом. Ну, и пара у него достойная – Светлана Захарова. Первый ряд бельэтажа, середина. Видишь, сколько стоит?

– Восемнадцать тысяч рублей? – не поверила своим глазам Надя. – И люди идут?!

– Еще как! Видишь, плашечка у них: спешите, остались последние два! А я соседние места покупал по госцене. По три тысячи. – Роман извлек из портмоне и продемонстрировал ей солидные, с логотипом Большого, билеты. – Всего-то нужно было: спохватиться за три месяца и ровно в полночь на сайт театра выйти. Сразу после того, как продажа открылась. Они ведь обязаны – по закону! – какой-то процент в открытый доступ пускать. И наша задача – дешевые билеты поймать. А с зарубежными театрами, уверяю тебя, разница в ценах еще круче. Хочешь посмотреть на примере, допустим, Ковент-Гардена?

– Да нет, я уже поняла, – покачала головой Надя.

Восхищенно взглянула на Романа. До чего приятно, когда бизнес люди делают не на нефти, не на кроссовках китайских, но на том, что ей близко, – на искусстве!

Полуянов, правда, спекулянтов театральными билетами называл пренебрежительно – «жучки», но только Рома ни капельки не походил на угрюмых, с бегаящими глазками дядек, которые осаждают народ на подходе к Большому. Да, конечно, артист тоже *наживается* — на тяге людей к прекрасному. Но если не он – так другие к выгодной кормушке пристроятся!

...Рома, впрочем, не давил:

– Надя, ты же понимаешь: тебе вовсе не обязательно вкладывать деньги в мою фирму. Я тебя с удовольствием просто на зарплату возьму. Через неделю в Ла Скала «Травиата», хочешь группу свозить?.. Да, и насчет «Корсара» в Большом. Ты думаешь, наверное: вот подлый человек, подразнил и билеты обратно спрятал. Ничего подобного. Продавать я их не планирую. Хочу тебя позвать. Пойдешь?

Вообще фантастика! Надя Большой обожала, но бывала там крайне редко, и то – на какой-нибудь не слишком популярной «Дочери Фараона», во втором ряду четвертого яруса. А тут – «Корсар»! Из ложи

бельэтажа! Даже бог с ними, с Цискаридзе и Захаровой. Главное, что рядом с ней будет сидеть нереально красивый, остроумный и внимательный Роман!

* * *

– Дима, я завтра в театр иду, – предупредила Надя.

– Ага. – Полуянов, потягивая пиво, азартно лупил по клавиатуре.

– Спектакль длинный, буду поздно.

– Ладно. Попался, гад! – Это уже – какому-то чудищу из компьютерной игры.

Даже не спросил: что за театр, с кем?

Надя, конечно, сбежала с работы после обеда. Сходила в парикмахерскую, сделала маникюр. Уже около шести снова заскочила в библиотеку, переодеться в нарядное платье и встать на каблуки, не сидеть же ей было в салоне при полном параде!

– Вау! – оценила помощница, когда Митрофанова в полной боевой готовности и раскраске вышла из подсобки.

А Ирина Андреевна, ее почти что приятельница, даже не удержалась – прибежала из читального зала, восхищенно оглядела Надежду, потребовала:

– Ты куда это собралась? Такая нереально красивая?

– В Большой. На «Корсара». – Хотя Надя и не стремилась, ответ получился чуть небрежным, томным.

– Какой молодец у тебя Дима! – искренне обрадовалась читательница.

– А она не с Димой идет! – тут же доложила помощница. – Она ему только что звонила и говорила, чтобы себе на ужин овощное рагу грел.

– Займись, пожалуйста, книгами, – ледяным тоном велела болтливой девице Надежда.

Но поздно: Ирина Андреевна, сама одинокая, обожала участвовать в чужой личной жизни и пристала просто с ножом к горлу:

– Надя, ну с кем ты идешь? Пожалуйста, скажи! Я тебя Димочке не выдам, клянусь!

Что, в конце концов, такого?

– С актером Ромой Черепановым, – улыбнулась Митрофанова. – Мы с ним в Италии познакомились.

– Да ты что! – в глазах женщины светился искренний интерес. – У вас с ним...

– Нет, нет, не амур, – поспешно отозвалась Надя. И не удержалась, добавила: – Мы с ним, возможно, работать будем вместе. В туристическом бизнесе. Все, Ирина Андреевна. Побегу. Совсем опаздываю!

И умчалась.

...А ночью, после блистательного спектакля, долго не могла заснуть. Перед глазами проносились пиратский корабль Конрада, золочено-красный, бешено аплодирующий зал, дамы в открытых платьях, а чаще всего – Ромино лицо. Одухотворенное, тонкое. Он поил ее шампанским, кормил икрой. Довез домой на такси. И до чего ей было с ним хорошо!

Полуянов же (точно как в поговорке про мужа, который узнает последним) даже не спросил, куда ходила и с кем. Сонно пробормотал:

– Нормальный спектакль?

И повернулся на другой бок.

Зато на следующий вечер вернулся с работы – куда до него осенним тучам.

Ужинать не сел. Внимательно взглянул на Митрофанову, процедил хмуро:

– Так с кем ты вчера в театр ходила?

Версия про коллегу с работы заготовлена была загодя, но слишком уж у Полуянова обвиняющий вид. Похоже, узнал. Интересно, от кого?!

И Надя сочла за благо не путаться во лжи, а то еще хуже получится. Пожала плечами:

– С Ромой Черепановым, *нашим*, – произнесла с нажимом, – знакомым по Италии.

– А с какой это стати он приглашает тебя в театр?! – ошетинился Димка.

Митрофанова начала злиться – что еще за приступы домостроя! Сердито бросила в ответ:

– Ты что, ревнивый муж?

– Муж не муж, а я с посторонними девочками по театрам не хожу! – отрезал журналист.

– Ты вообще по театрам не ходишь. Что ж мне теперь – тоже, как ты, перед телевизором погрязнуть?! Извини, не хочу!

– У тебя что, подружек нет?

– Есть. Но что плохого – пойти с Романом? Я же не домой к нему поехала! И вообще: как ты узнал? Следишь за мной?!

– Больно надо! – задрал подбородок Полуянов. – Тебя Инесса, театральный критик из «Молодежных вестей», видела. Вчера же премьера была, она по долгу службы в Большой ходила. Вот и позвонила мне. Просила узнать, во сколько тебе местечки в первом ряду бельэтажа обошлись.

– Дорого, – отрезала Надя. – Не то что ты: меня в Ленком по контрамарке водил.

– Ох, легко вам, девчонкам, голову задурить! – покачал головой Полуянов. – Ладно, все. Проехали. Что там у тебя на ужин?

– Отбивные. В холодильнике бери и сам разогревай, – буркнула Митрофанова.

– Да чего ты злишься? Я тебя, что ли, благодарить должен за то, что ты с посторонними мужиками по театрам расхаживаешь?

М-да. Пусть утверждал всегда Полуянов, что демократ, и ревность – деструктивное чувство, а тоже его зацепило. Что ж будет, когда он узнает, что Надя хочет из библиотеки уйти и начать вместе с Ромой работать?

* * *

Рома никогда не был настолько занят. Становление бизнеса, что хотите! Он иногда даже сам верил, что появилась однажды на свет крошечная фирма «Фуэте». Никто не верил в нее, а компания, благодаря неусыпным стараниям его, учредителя и директора, начала развиваться, крепнуть, приобретать авторитет. И вот теперь они – по-настоящему! – переезжают в собственный офис на Котельнической набережной и открывают представительства в европейских странах.

Москва, хотя кажется большой, слухами полнится мгновенно. Он чуть под стол не упал, когда позвонила ему одна из мимолетно знакомых актрисул, капризным голоском потребовала: *«устроить для нее с папочкой поездку в Венскую оперу»*.

Вот это работает сарафанное радио! Может, ему собрать денег, рассчитаться с долгом, а потом действительно зарегистрировать на свое имя компанию «Фуэте»?!

Хотя послушал требования актриски («чтобы отель был с видом на дворец Габсбургов, в номере – джакузи, билеты в ложу и за все – не дороже трех тысяч евро») и посочувствовал тем, кто *по-настоящему* в турбизнесе пашет. От капризных клиентов с ума сойдешь! Подобная работа решительно не для него.

Ромчиков агент, когда узнал про новое занятие актера, тоже удивился:

– Ты чего, Черепанов? Бюргером решил стать? Что-то не верится. Впрочем, бог с тобой. Забавляйся в свободное время. А сейчас – пакуй чемоданчик. Завтра ты в Смоленск едешь.

– Зачем еще? – удивился Роман.

– Гордись! Я тебе в полнометражном кино эпизод раздобыл. У Стефановича. Четыре съемочных дня!

– А платят сколько?

– Ты что, дурной? – взвился агент. – Какая разница, сколько! Тебя впервые зовут – понимаешь, впервые – не в мыло хозяйственное, а в настоящее кино! На большом экране!

Швырнул сценарий, велел:

– Чтобы к вечеру роль от зубов отскакивала. Приеду, проверю.

Роман вздохнул. Сегодня и завтра он должен был вести в Большой театр очередных жертв. А послезавтра Надюшка Митрофанова просила вместе с нею, с утра, в банк поехать. Видите ли, боится одна пятьдесят тысяч долларов снимать.

Неохотно открыл сценарий. Маркером выделены его реплики, от силы на три странички. И даже имени у героя нет, написано: «*секретарь мафиозного босса*».

– Не буду я в таком сниматься, – брезгливо захлопнул сценарий Роман.

– Ты что? – Агент взглянул даже жалостливо. – Совсем зазвездил? Актеры сериальные за нормальное кино друг другу глотки грызут, а ты отказываешься?!

– У меня планы на эти дни. Если б ты хотя бы за неделю предупредил. А тут вдруг – сорвись и езжай!

– За неделю, за месяц – подобные роли *звездам* предлагают, которые не тебе чета, – назидательно произнес агент. – Радоваться надо, что актер заболел и тебе шанс выпал. Используй его, а не рот криви. Деньги в жизни – не главное.

«Если б ты знал, идиот!» – яростно подумал Черепанов.

Вежливый джигит ему раз в три дня звонил, участливо интересовался, как дела. А вчера в почтовый ящик бросили фотографию. На ней – мать с сестрой, в своих платьицах скромненьких, болтают на лавочке перед домом. Серьезно настроены его кредиторы.

Да, что-то затянулась в его жизни черная полоса!

И дамочки – потенциальные инвесторы – расставались с деньгами не так охотно, как Роману хотелось. Пока всего удалось развести на пять тысяч «зеленых» знакомую студенточку (она на машину себе копила, но с радостью согласилась вместо «жигуленка» сейчас – через год приобрести себе, минимум, «Опель»).

Но на подходе – ох, Рома очень надеялся! – были «клиенты» посерьезнее. Богатая вдовушка, одна из его поклонниц, обещала вложить сорок тысяч. Восторженная библиотечка Надюшка – полтинник. Дочурка богатых родителей (эта проходила по статье «молодые, да свеженькие») собиралась сегодня нести к оценщику бриллиантовое кольцо, папин подарок на совершеннолетие. И всех надо было обхаживать, ублажать, баловать цветами, топить в комплиментах. Какие уж тут съемки в серьезных фильмах?!

* * *

Любовь – страшная вещь. Особенно когда у тебя всю жизнь ее не было, с малолетства привыкла бороться, отвоевывать, выгрызать.

Муж у телевизионного продюсера Елены Евгеньевны Постниковой погиб молодым (туда и дорога пьяному чудовищу), дочка получилась неудачной. Порхала девочка (как, считала, положено всем молодым) и допорхалась – отбивала теперь срок за наркотики. Вытаскивать ее мать не стала: не уважала тех, кто собственными руками жизнь свою губит.

Забылась, как положено людям сильным, в работе. Начинала на телевидении последней спицей в колесе, младшим редактором. А теперь – уважаемый человек, продюсер. По меткому заявлению шефа, «автор всего жесткого на нашем телевидении».

Ее программы постоянно кляли – на кухнях, в газетах и кулуарах. Вчиняли ей иски за унижение человеческого достоинства и клевету. Бывало, что в последнюю минуту снимали с эфира. Но – их смотрели. Обсуждали и ждали.

«Женщина без сердца» – называли ее. Прозвище приклеилось после документального фильма о женских исправительных учреждениях. Нравы, царящие там, Елена Евгеньевна осветила выпукло, ярко. И себя щадить не стала. Когда фильм прошел в прайм-тайм на центральном канале, вся страна узнала, что одна из заключенных, запуганная молодая девушка в сатиновой косынке, – ее собственная дочь.

Постоянный стресс продюсер снимала не водкой, не наркотиками (хватит, насмотрелась на убогих!). Ходила в спортзал да изредка – в ночные клубы с мужским стриптизом. Любовалась на молодые, мускулистые тела. Но ни разу не решилась *мальчика* банально снять. Слишком отчетливо видела она им цену и брезговала покупать их дешевую, насквозь фальшивую любовь.

Рому Черепанова Елена тоже долго к себе не приближала. Не сомневалась: смазливый актерчик – такой же, как все. Недалекий и жадный альфонс.

Познакомились они в спортивном клубе. Мальчик помог ей установить на тренажере правильный вес, Елена Евгеньевна сухо поблагодарила и отвернулась. В следующий раз пересеклись на клубной стоянке. Шел снег с дождем, она задним ходом выезжала с парковки и не успела увернуться от его потертого «Ниссана».

Вышла из машины, презрительно взглянула на крошечную вмятинку, поинтересовалась:

– Ждем ГАИ? Или десять тысяч возьмешь? (Хотя стоило повреждение, на ее взгляд, не больше двух.)

– Ни то, ни другое, – широко улыбнулся мальчик. И попросил: – Сдайте чуть вперед, я все-таки припаркуюсь. – Добавил, со смешными, отеческими нотками в голосе: – Вы только дальше аккуратнее езжайте, дорога сегодня скользкая.

– Хозяин – барин, – пожала плечами она.

Уехала. Но когда через пару дней Роман снова кинулся помогать ей настроить тренажер в спортивном зале, скупно улыбнулась и запоздало поблагодарила. А мальчик просиял, расхрабрился:

– Позвольте кофейком вас угостить? – Добавил лукаво: – А то ведь я могу заявление написать, что вы с места ДТП скрылись.

– Остряк! – буркнула она.

Но выпить кофе согласилась. И пойти с ним на другой день в кафе – тоже.

Парень (удивительно!) оказался стойким. В ресторанах всегда оплачивал счета сам со смешной, молодецкой удалью. Когда она вручила ему на Двадцать третье февраля кожаное портмоне под «Фенди», страшно смутился и на Восьмое марта отдался самым настоящим шарфиком от «Гермес». Неприкрыто страдал, если она вдруг заводила разговор о книге, которую он не читал, фильме, который не смотрел, и на следующем свидании обязательно возвращался к теме:

– Прочитал я «Палую листву» Маркеса, как вы советовали, и ничего жизнеутверждающего не увидел. Мрачное, депрессивное чтиво.

– Вся жизнь, Рома, такая, – усмехалась она.

...И с каждым разом все больше и больше прикипала сердцем к обаятельному, ласковому, услужливому мальчику.

Когда оформила на него оставшуюся от бабки квартиру в Замоскворечье, очень боялась: тут-то и проявит Рома Черепанов свое истинное лицо. Однако ничего не изменилось. Актер по-прежнему служил ей верно и преданно. Ни разу не отказался от свидания. Ничем не обидел, не огорчил. Продолжал с каждого небольшого своего заработка дарить ей подарки. И даже когда – эх, молодость, глупость! – попался в Италии за рулем пьяным и заплатил огромный штраф, ни словом ей не заикнулся, что надо бы помочь.

Мир кино, телевидения – одна большая деревня. До Елены Евгеньевны постоянно доходили истории: актеры напивались, буянили, разбивали семьи, устраивали в ночных клубах отвратительные оргии. Но никогда участником подобных историй не становился Рома.

И она уже начала всерьез подумывать: а не отблагодарить ли его за верную службу действительно по-царски? Не сделать ли ведущим в своем новом ток-шоу? Пусть не звезда паренек, никаких особых актерских талантов или харизмы, зато личико обаятельное, речь грамотная. Импровизировать, искрить, как Владимир Молчанов или Эвелина Хромченко, перед камерой, конечно, не сможет, но это и не обязательно. Будет говорить, что ему хорошие редактора напишут.

Коллеги, конечно, изойдут ядом, но разве она уже не на том уровне, чтобы плевать на мнение окружающих? Программа новая – полностью ее детище. Днюет и ночует на работе: разрабатывает концепцию, выбирает темы, формирует штат.

...Елена Евгеньевна взглянула мельком на огромный экран, который беззвучно вещал в кабинете: опять она засиделась, уже одиннадцатичасовые новости начались. Нужно сворачивать лавочку, закрывать кабинет (секретарша давно ушла), да и спешить домой. К себе. (К Роману ездила только свеженькой, выспавшейся, после визита к косметологу.)

Когда в дверь осторожно постучали, продюсер скривилась. Но цыкать на женщину, которая робко вступила в ее владения, не стала. Она твердо придерживалась принципа: кричать на людей следует лишь тогда, когда есть за что. А то отошлешь человека, которого видишь впервые, а он, оказывается, тебе тему убойную хотел предложить. И теперь, от обиды, на другой канал ее отнесет.

– С чем пришли? Только конспективно, – сухо обратилась она к посетительнице.

– У меня для вас чрезвычайно интересная информация, – отозвалась та. – Все подтверждающие документы есть.

Елена Евгеньевна внимательно оглядела гостью. Глаз у нее наметан, сразу определила, что та – образована, психическими отклонениями не страдает. Что ж, вдруг действительно «бомба»?

– Я вас внимательно слушаю, – произнесла продюсер.

* * *

Надя так и не осмелилась обсудить свои планы с Димой. Что с ним говорить, если решительно не сомневаешься: журналист не станет

оценивать конкурентоспособность и перспективность театрального проекта. Но приговорит его на корню лишь потому, что партнером по Надиному бизнесу будет ненавистный ему актер Рома Черепанов.

«Оформим все документы, я войду в курс дела – тогда Полуянову и расскажу», – решила Надя.

...На опостылевшую работу в библиотеку она теперь ходила без удовольствия. Перебирать книги казалось смертельно скучным, постные, вечно недовольные лица читателей раздражали смертельно. Вот что за люди! Времени только девять утра, а они уже дисциплинированной очередью перед дверями зала столпились. Почему обязательно им надо читать воспоминания ветхозаветного генерала Ермолова точно с началом рабочего дня?!

Еще и претензии высказывают! Из окна в зале дует, под одним из столов кто-то приклеил жвачку, книги из хранилища доставили не все. А виноват всегда начальник зала.

Даже всегда улыбчивая Ирина Андреевна сегодня явилась бледная, хмурая. Сдержанно, против обычного, поздоровалась, привычный уже small talk^[8] вести не стала. Вроде бы обустроилась за своим столом капитально, надолго, но уже через полчаса вскочила, вернула книги.

– Сбрасываем? – удивилась Митрофанова.

– Да, – кивнула читательница.

И поспешила уйти.

Надя раздраженно отодвинула стопку. Какой был смысл – тщательно выписывать читательские требования, чтобы уже через полчаса возвращать гору талмудов в хранилище?

Нужно, чтобы совсем не начать на людей бросаться, кофейку себе сварить.

Отошла в подсобку, включила чайник. Под коробочкой с печеньем обнаружила яркую газетку. «XXX-пресс», любимое издание помощницы. Сколько раз ей говорила, чтоб не таскала в зал Всемирной истории подобную дрянь?!

Но вдруг увидела на первой полосе фотографию Ромы Черепанова. Анонс статьи оказался интригующим: «Красавец-актер и его овечки».

Конечно же, Надя развернула газету и стала читать:

Очередное «Фуэте» Актера.

Начинающий актер Рома Черепанов продолжает радовать нас экстравагантными выходками. Не успели мы переварить его душераздирающий загул в Италии с участием дорожной полиции и карабинеров (см. номер ** от ** и наш сайт), как Роман оказался участником очередной авантюры. Как сообщили нам информированные источники, актер сейчас носится по всей Москве и уговаривает обеспеченных дам вложить средства в его фирму. Красочно расписывает перспективы. Выбирает для переговоров соответствующий антураж – встречается с горе-инвесторшами исключительно в дорогих ресторанах или в ложах Большого театра.

Однако нам достоверно известно, что пресловутой фирмы «Фуэте», которую Роман Черепанов якобы задумал преобразовать в акционерное общество... просто не существует!

*Актер **никогда** не регистрировал на свое имя никаких компаний и даже индивидуальных предприятий, и все его рассказы, что он уже несколько лет вывозит группы туристов на театральные премьеры по всему миру, – совершеннейший блеф. А затеял он свою авантюру потому, что недавно крупно проигрался в подпольном казино и теперь никак не может рассчитаться с долгами.*

Поэтому, дорогие дамы, будьте бдительны! Не дайте своим деньгам уплыть к мошеннику, который мягко стелет, да жестко кидает. Пусть Рома Черепанов в одиночку исполняет свое фуэте.

* * *

Господа, ну не бывает же, чтобы настолько не везло! Рома Черепанов чувствовал, будто его под дых ударили. Железным кулаком, со всего размаха. Черт бы взял проклятую газетенку!

Дал волю гневу – изорвал бульварное издание в лоскуты. И – будто насмешка! – самым верхним, что бросился в глаза, обрывком оказался кусочек последней страницы. С выходными данными: «тираж – 654 000 экземпляров». Можно даже не надеяться, что все обойдется. Пусть интеллигентная библиотекарша Надя «XXX-пресс» не читает, у нее наверняка найдутся завистливые подружки или коллеги, кто своим долгом сочтет бедную овечку просветить.

Неужели от подлых журналистов совсем нет спасения? Ни шагу без их ведома не сделаешь. А что будет, когда он станет (в этом Рома по-прежнему не сомневался) настоящей, большой звездой?

Черепанов одним махом хватанул рюмку коньяка. Кинулся на звонок телефона – чертыхнулся, выключил у аппарата звук. Определитель номера оповещал: кредитор, воспитанный убийца-джигит. Тоже, видно, статейку прочитал, забеспокоился. А едва мобильник умолк – новый звонок. Вдовушка, которая ему сорок тысяч посулила. Будет сейчас объяснений требовать – но что ей сказать? Прежде чем начинать оправдываться, надо хотя бы линию собственной защиты продумать.

Убеждать своих потенциальных инвесторов, что его оговорили, обещать, что засудит нечистоплотных журналюг? Но – увы! – тетушки его пусть клуши, но теперь уж не принесут ему доверчиво крупные суммы в клювике. Как минимум, прежде потребуют предъявить оригиналы учредительных документов. Или, наконец, додумаются позвонить в реестр туристических компаний, поинтересоваться, что за фирма такая – «Фуэте».

Нет, похоже, бита его карта!

Но что за злой рок? Почему, хотя он еще далеко не Домогаров, не Безруков, «ХХХ-пресс» вцепилась в него своими желтыми, кривыми зубами? И откуда, главное, такая осведомленность?! Трех дней не прошло после того, как он влип в историю на озере Комо – уже появилась статья. И сейчас: он ведь ни одной живой душе не рассказывал о своем проигрыше в казино и про дутую фирму «Фуэте», с помощью которой надеялся дела свои поправить.

Похоже, сдал его кто-то бульварным журналистам. Целенаправленно. Но кто? Дамы со средствами, которые собирались в его туристический бизнес инвестировать? Вряд ли! Каждая из них ведь считала, что единственная и неповторимая, в статейке же речь, что он именно *многих* окучивает. Да и откуда этим тетушкам знать про итальянскую историю?!

Надька Митрофанова, правда, в курсе. Но Черепанов с трудом представлял ее в роли агента бульварной прессы. А тут выходило: она и про инцидент с карабинерами газетке выложила, и сейчас, получается, специально притворялась, что готова деньги вложить, но

на деле – просто информацию собирала. Но и Надьке, точно, неоткуда знать про его проигрыш в казино!

Нет, – актер опрокинул залпом еще одну стопку коньяка, – быть такого не может! Не ошибается он в женщинах, особенно в столь открытых и простодушных, как эта библиотечка.

Может, мелькнула новая мысль, ему Надькин дружок, журналист Полуянов, мстит?! А что – запросто! Приревновал – и уничтожает теперь соперника своими, журналюжскими методами. Еще и чистеньким остается в глазах Надюшки. Пообещал ей благородно, что в «Молодежные вести» про Ромин итальянский загул не напишет. А сам тихонечко слил новость коллегам из бульварной прессы. Сейчас тоже: выведал у подружки, куда она собирается сбережения вложить, и нанес контрудар.

Надька, правда, клялась, Диму она в свои планы не посвящает. Но стоит ли верить слову женщины? К тому же Полуянов запросто мог журналистское расследование провести, он в них дока. Проверить, допустим, сайты, которые просматривала Митрофанова, наткнуться на тот, что Роман для своей фирмы создал. Изучить его, заинтересоваться – что за «Фуэте»? И размотать всю цепочку.

Дьявол, зачем он вообще с этой библиотечкой связался?!

...Экран мобильного замерцал – снова звонят. Черепанов взглянул на определитель: агент. Ну, этому ответить можно.

– Б...ь, Ромчик, ты что, вообще о...ел? – завопила трубка.

– Не ори! – поморщился артист. – Ты мне сам говорил: пусть газеты хоть что пишут. Лишь бы писали.

– За такие вещи журналистам серьезные иски вчиняют. Тысячонок сто за моральный ущерб отсудить можно запросто. Подаем?

– Не надо, – вздохнул Роман.

– Неужели правду написали? – хрюкнул агент.

– Ну... почти, – неохотно признался артист.

– На фиг ты затеял бред такой? – удивился собеседник. – Каким местом думал? С каких доходов планировал дивиденды своим красавицам платить?!

Не объяснять же ему, в какой ситуации оказался! Поэтому Рома решил сам перейти в наступление:

– Ты – чем вопить – лучше помоги. Можешь выяснить, кто про меня в этот «XXX-пресс» инфу сливает?

- Так они и сказали! – присвистнул агент.
- Да ладно, – подольстился Роман, – ты же всех и вся знаешь, на тусе с их главредом чокался, я сам видел.
- А на кой тебе?
- Люблю своих врагов в лицо знать, – недобро усмехнулся актер.

* * *

Первое, что сделала Надя, – внесла телефон Романа в черный список.

Даже не стала звонить в Ростуризм и проверять, правда ли, что фирма «Фуэте» – пустышка. Поверила – с ходу – бульварной газете. Пусть «ХХХ-пресс» – издание стопроцентно желтое, из судебных процессов за клевету не вылезает, но все-таки она уже много лет сама жила с журналистом. И хорошо запомнила слова, которые Дима ей сказал однажды:

– С потолка никогда и никого обвинять не будут. Факты могут не соответствовать действительности – слегка или даже наполовину. Но что-то под любым обвинением все равно всегда есть.

И теперь главное, что ее заботило: чтобы Димочка Полуянов не узнал, что она тоже входит в число пустоголовых обеспеченных дам, кто готов был отдать свои деньги мошеннику Роме Черепанову. Хотя шансов на это ноль целых ноль десятых. Об удачах (и провалах) коллег журналисты узнают первыми.

* * *

Актер не очень-то надеялся, что агент сможет выполнить его просьбу. Однако тот позвонил на следующий же день. Сообщил ернически:

- Какая-то дамочка тебя невзлюбила.
- А конкретней? – оживился Роман.
- Назвалась Евдокией – паспорта у нее, естественно, не спрашивали, – отчитался агент. – А подтверждающие документы

принесла серьезные. Копия протокола о твоём административном аресте. Копия постановления о судебном решении. На итальянском, русский перевод прилагался. Ну, и сейчас: полный контент твоего сайта. Бумага из туристического реестра, что такой компании в нём не значится. Остальное – на словах. Будто лично знакома с какими-то тетками, которые все свои многолетние сбережения тебе отдать собирались. Ты бы, Ром, хоть бизнесменов грабил. А то как-то совсем несолидно!

– Слушай, отвали ты со своими моральями! – отмахнулся актер. – А как она выглядела, эта Евдокия?

– Лет сорок. Блондинка. Полноватая. Одета обычно. По виду – чиновница или бухгалтерша.

– Вообще я не понял... – растерянно произнес Роман.

Цвет волос ладно, но ни одной полноватой блондинки лет сорока среди его знакомых не было. Он вообще мало общался с возрастными, только с *мамочкой*, Еленой Евгеньевной. Но той – к пятидесяти, и полной ее уж никак не назовешь, днюет и ночует в спортивном зале.

– Крепко, видно, ты обидел эту Евдокию, – вздохнул агент. – А бабы – они злопамятные!

Полуянов, что ли, нанял эту тетку, чтобы самому не светиться? Или все же таинственная Евдокия – его личный враг? Однако Рома, хоть убей, не понимал и не помнил, кому из женщин средних лет он мог настолько насолить?!

А главное, что дальше-то делать?!

Кредитор вчера уже приходил. Напомнил в фирменной своей, вежливой манере, что срок оплаты долга истекает через семнадцать дней.

И что за эти жалкие две недели можно придумать?!

* * *

Сестра у Ромки Черепанова получилась в кого – непонятно. Вроде мамка никогда с чужим мужиком не гуляла, в городе их все на виду. Но только они с Кристиной уродились непохожими. Он – чернобровый и синеглазый («Ну, просто Ален Делон!») – умильно вздыхали тетушки, кто постарше). В школе – король. Пусть не отличник (зачем зря мозги

напрягать?), зато в спектаклях блистал, стометровку бегал быстрее всех, девчонкам головы кружил. Сестрица же – серенькая во всех смыслах. Глазки блеклые, волосы – как прошлогодняя солома, тихая, робкая. Настоящая мышь, скучная, неинтересная. Даже *защищать* — по праву старшего брата – ее не от кого было.

Впрочем, Ромка, когда зацепился за Москву, благородно предложил Кристинке перебраться к нему: «В супермаркет, в кассирши устроишься – уже веселей, чем в городишке нашем киснуть».

Думал: просияет и немедленно согласится, однако сестра вяло пообещала, что подумает. И думала уже третий год. Видно, куда больше ей нравилось в родимом доме перед телевизором время коротать, чем бороться за выживание в столице.

Нет – так нет. Роман о сестре не скучал нисколечко.

Но когда мать, во втором часу ночи, позвонила ему и прокричала заполошно: «Кристинку похитили!» – у него сердце перехватило. С трудом выдохнул, прохрипел:

– Кто похитил? Когда?

– Вечером! Сегодня! – прорыдала мать. – Она в магазин вышла, за хлебом, и все не идет. Я думала: пусть гуляет, погода хорошая. А ко мне соседка забегает. Кристину, говорит, вашу в машину запихали. Какие-то мужики. Номера дагестанские. Я уже и к участковому бегала, а он заявление не принял. Девица, мол, взрослая, может, у них согласие обоюдное. Если, сказал, через три дня не появится, только тогда искать станут. Отец валерьянку пьет, я вся на нервах. Что делать-то, Ромочка?!

– Ты, мам... – он лихорадочно соображал, – ты не волнуйся только. – Добавил безнадежно: – Может, у Кристинки правда завелся кто-то? Горячий восточный парень?

– Да откуда ж ему взяться! – вновь зарыдала мать. – Она ж дома все время сидит!

Рома сам понимал: неоткуда. К тому же, пока с городишком родным говорил, в трубке пикнуло. Еще один звонок пробивается. Взглянул на определитель – кредитор.

– Подожди, мам, я тебе перезвоню сейчас, – пробормотал Черепанов.

Ладони вспотели, сердце колотилось, как бешеное. Он не сомневался, *кто* похитил его сестру.

Джигит был краток:

– Кристина твоя у нас побудет. Пока деньги не соберешь.

– Слушай, ты! – вспыхнул Роман. – Я от тебя что, бегаю? Обманываю?! Договорились ведь, как нормальные люди. У меня есть еще больше двух недель, чтобы с тобой рассчитаться!

– Недели-то есть, – меланхолично произнес кредитор. – Да деньги тебе взять негде.

– Будут деньги! Обещаю!

– Ты б лучше не обещал, а квартиру на продажу выставял, – посоветовал восточный человек. – Дело-то небыстрое. Пока покупателя найдешь, пока сделку оформишь...

– Я свое слово держу!

– Держи. Тогда и сестрица твоя плакать не будет.

– Если с ее головы хоть волос упадет, я... я тебя...

– Не горячись, дорогой, – спокойно отозвался собеседник. – Плохо себя чувствовать будешь.

...У Романа и вправду случилось что-то вроде сердечного приступа. Мотор трепыхается, воздуха не хватает. Еле добрал до кухни, открыл аптечку. Сердечных капель не держал – пришлось обойтись анальгином. Вроде полегчало. Физически. Но на душе – полный мрак!

Дьявол, что теперь-то?

Может, заявление написать на гадов? Похищение человека, не шутки! Но понимал: только хуже сделаешь. И себе, и безответной Кристинке.

Прав джигит. Нет другого выхода, кроме как расставаться с уютным гнездышком в Замоскворечье. Сколько лет псу под хвост! Кто бы знал, чего стоило из года в год терпеливо обхаживать пожилую, вредную, морщинистую бабу. Ох, до чего жаль!

Но, прежде чем сделать роковой шаг, Рома решил испытать последнее средство.

Позвонил своей покровительнице Елене Евгеньевне и попросил о срочной встрече.

* * *

Даже жаль было его, щенка.

Тем более парень не выкручивался, не лгал. Честно повiniлся: и про проигрыш свой позорный, и как пытался – в меру скромных умений – финансовое положение поправить. Еще и похвастался, смешной мальчик:

– Если бы не статейка, я б деньги эти собрал!

– Да, Рома, – вздохнула продюсер. – Ты еще глупее, чем мне казалось!

Смотрит на нее глазами побитой собаки:

– Ленусик... ну, я не соображал просто... Казалось: идея хорошая. Но ты не думай, кидать я никого не собирался. Мне же временно, только сейчас перекрутиться! А так ты знаешь: я зарабатываю нормально. В рекламе бы снялся, на мыло какое-нибудь подписался стосерийное. Рассчитался бы постепенно. Со всеми.

– Сомневаюсь, – холодно усмехнулась она. Деловито произнесла: – Что от меня-то хочешь? Чтобы я тебе денег одолжила?

Метнул на нее вострый взгляд, вздохнул:

– Все равно не дашь!

– Не дам, – пожала плечами продюсер.

Ромчик не сдавался. Заговорил отчаянно:

– Может... может, есть еще какой-нибудь способ? Допустим, квартиру, ну, не продавать, а заложить как-то, под нее кредит взять?

– Бери. Но придется проценты платить. Серьезные. Если выплату просрочишь – потеряешь жилплощадь все равно.

Елена Евгеньевна отошла к окну. Произнесла задумчиво:

– Бабка моя здесь с 1947 года жила. Война едва кончилась, а ей удалось отдельную квартиру выбить, как ценному специалисту. Знаешь, сколько было радости?

– Леночка, солнышко! Ну, не терзай ты меня! Сам понимаю: кругом виноват.

– Виноват – плати по счетам, – очень сухо произнесла она. – Квартира – на твоё имя. Выставляй на продажу.

– Лена, милая, – не сдавался он, – ну давай попробуем! Давай мы вместе квартиру сохранить попытаемся! Помоги мне рассчитаться. А

деньги – деньги я тебе отдам! Хочешь, расписку напишу? Под проценты. Оформим у нотариуса!

– Нет, Рома, – покачала она головой. – Я уже сделала тебе подарок – однажды. Больше не хочу.

И отступила – лицо актера исказилось такой злобой, что показалось: сейчас ударит.

Впрочем, нет. Взял себя в руки.

Она представила его – молодого, сильного, обнаженного. Как кувыркается в постели с юной, свеженькой курочкой. А потом лениво нежатся оба на шелковых простынях, и он с отвращением, мимолетно вспоминает ее пусть тренированное, но старое, изношенное тело.

Зря она завела себе эту синеглазую, насквозь лживую игрушку!

– Ты – история, Ромчик, – вырвалось у женщины.

Он опешил:

– Что?

– Так в Америке говорят, – усмехнулась она. – Когда кого-то увольняют с волчьим билетом.

Актер мужественно принял удар, спокойно ответил:

– Я не сомневался: ты меня не простишь.

– Разве?

– Я ничего у тебя не прошу. Просто не хотел за спиной твоей действовать. Считаю, должен объяснить, почему вынужден твою квартиру продать. И знаешь... Если бы речь шла о *твоей* сестре, ты поступила бы точно так же.

– Ты так думаешь? – усмехнулась Елена Евгеньевна.

Мальчик, возможно, не знал, но ей предлагали – когда единственный ее близкий человек, дочь, попала под следствие – откупиться, дело замять. Да, сомневалась и плакала. Но – отказалась.

А уж выводить из-под удара юного любовника и тем более его сестру она не сомневалась вовсе. Нужно о себе заботиться, не о других.

– Я не могу одолжить тебе денег, но... – медленно произнесла Елена Евгеньевна.

Ромчик взглянул с такой отчаянной надеждой, что даже смешно стало.

– ...Но могу подсказать один способ их получить. Денег много и сразу.

– Говори.

– Способ – совершенно незаконный. И очень рискованный.

– Плевать, – отчаянно выкрикнул он. – Я на все готов.

... Жаль ей было отдавать его на заклятие.

Но, во-первых, – заслужил.

А во-вторых, имелся у Елены Евгеньевны собственный интерес.

Когда она оформляла на непутевого молодого любовника договор дарения, юрист подсказал подписать дополнительное соглашение. В соответствии с ним Роман Черепанов имел, конечно, право распоряжаться квартирой по своему усмотрению. Однако, в случае его смерти, признания недееспособным или осуждения по уголовной статье, заграбастать жилье себе его провинциальные родственники не могли. Произойди подобная ситуация, квартира снова возвращалась к ней.

* * *

Простой народ отдыхает в августе, элита же, сливки всегда ездят на отдых в октябре. Переждешь унылые дожди в купе с первым снегом под тропическим солнцем – и жить легче стало. Возвращаешься в Москву – в городе уже и настроение не унылое, а праздничное. Повсюду елки сияют, Новым годом запахло.

В семье Гречишниковых давно – с тех пор, как отец стал большим человеком – повелось выезжать в промозглом октябре на Бали. Снимали всегда особняк, обязательно с двумя отдельными входами. Когда два поколения вместе сосуществуют – решение очень правильное. На родительской половине все чинно, по режиму, еда на крахмальных скатерках, отбой в десять вечера. На Юркиной части – еще до недавних времен – царил веселый хаос. Приезжал с друзьями, устраивали вечеринки, снимали девчонок – на Бали охотниц на золотую молодежь полно.

Но год назад Юрика, сына богатейшего предпринимателя Гречишникова, угораздило жениться. Девчонка-то ему попалась нормальная, очень секси, но так как была она из семьи всего-то профессора, по доходам – не им чета, конечно, поспешила закрепиться в богатом окружении понадежнее. И почти сразу забеременела.

Крошку сына – всего два месяца парню – Юрик, конечно, любил. Не терялся, если вдруг приходилось подгузник сменить, солдатиком после кормежки потаскать. Но прежней жизни, беззаботной и яркой, пришел конец. Пусть и няни имелись, и ребенок оказался спокойным, ночами особо не вопил. Только вечеринку в доме, где грудной малыш, не устроишь, да и женушка (как все тетки после того, как родят) стала вредной, плаксивой, чрезмерно домовитой. Даже когда оставляли отпрыска с няней, отправляясь в прибрежный ресторанчик, постоянно звонила домой, узнать, как «ее солнышко». И вино не пила, чтобы грудное молоко не испортить.

Понятно, что это – временные трудности, но перспектива провести целый месяц примерным семьянином слегка пугала.

И Юрик откровенно обрадовался, когда выяснилось: на шестнадцатое октября у их камерного оркестра назначен концерт в Москве, в посольстве Испании. Причем пробивал его отец, поэтому отказаться решительно невозможно.

– Может, я вообще тогда на Бали не поеду? – заикнулся родителю. – А вы за моими присмотрите?

Но Гречишников-старший отрезал:

– Обойдешься! Жену на край света сплавил, а сам – развлекаться? Есть прямой самолет. Слетаешь в Москву на один день – и назад.

Ну, хоть так! Уже развлечение: рома попить, киношку спокойно посмотреть, посмущать улыбочивых стюардессок, пока летишь в бизнес-классе.

В Москве особой культурной программы, правда, не замутишь. С утра репетиция, вечером концерт. А после этого нужно еще с автором его диссертации, Ириной Андреевной, увидеться. Та – едва узнала, что он на один день в столицу прилетает, – вцепилась в Юрика клещами:

– Отлично! Даже не надейся от меня отвязаться. Я подъеду прямо в посольство, тебе вопросы оппонентов передам. И по тексту немного погоняю, не обижайся. А то мало того, что ты на защиту явишься довольный, со свежим загаром. Не хватало, чтобы еще в собственной научной работе путаться стал!

Юрик скривился: ох, уж эта отцовская идея, чтобы был в семье хотя бы один кандидат наук! Ну какой из него ученый?!

Впрочем, дама, которая взялась писать за него диссертацию, ему нравилась: пусть и профессорша, но не чокнутая. Остроумная,

обаятельная. И внешне еще очень даже аппетитная.

Когда встретились после концерта, Юрик даже предпринял попытку затащить ее домой. Мол, там удобнее будет о научных материях поговорить, под хороший коньячок. Но Ирина Андреевна улыбнулась:

– Плохая примета, господин аспирант. Вот защитишься – тогда приглашай на банкет!

Что ж! День у него сегодня выдался долгим. Вся ночь накануне прошла в самолете, потом репетиция, концерт, двухчасовая пытка учеными терминами... А завтра в девять утра ему уже опять надо в аэропорту быть. Возвращаться на Бали, к жене и сыну.

Добрался до дома на такси, сбегал в душ и в постель рухнул. Думал – уснет мгновенно, но непредсказуем человеческий организм. Руки-ноги аж дрожат от усталости, в голове туман плавает, а вырубиться никак не выходит. Мысли мчатся, как неуправляемые мустанги: то очередной вопрос от оппонента всплывет, то мелькнет перед внутренним взором соблазнительная, пухленькая фигурка профессорши, то воспоминание об обидной фальшивой ноте, которую взял сегодня на концерте (и о гневном взгляде, что на него дирижер бросил).

К двум часам ночи решил: без толку в кровати валяться, головную боль наживать. Но включить бра не успел – в тихом ночном доме отчетливо раздался звон разбиваемого стекла.

Юрик пружинисто выскочил из постели, бросился к окну: никого не видно. Вот баран он! Отец-то всегда дом на сигнализацию и ночью ставил, на всякий случай. Безалаберный сын его примеру последовал лишь однажды и утром, конечно, забыл отключить. Пришлось потом объясняться с вооруженным нарядом полиции, который явился почти мгновенно. С тех пор мозг не забивал. Считал: поселок у них хорошо охраняемый, забор вокруг дома трехметровый, кто рискнет сунуться?

Но, поди ж ты, осмелились!

И шаги – сторожкие, еле слышные – уже по лестнице шелестят. Осведомленные, похоже, воры. Знают, что сейф, где все наличные, украшения, скрипка работы Страдивари – на втором этаже.

Юрик лихорадочно заметался по комнате. Оружия здесь никакого не имелось, не идти же на грабителей с настольной (пусть бронзовой, массивной) лампой в руке?!

Звонить в полицию? Но в пустом доме каждый шорох слышен, и дверь в свою спальню он не закрыл. Услышит вор (воры?), как защелкнется, или голос его до них донесется – кто знает, как среагируют? Вряд ли они сами в дорогой особняк полезли без оружия!

Нужно, решил, тихо – очень тихо! – выбраться на улицу. И звонить уже оттуда. Там хотя бы опасности нет, что окажешься – если останешься в своей спальне – в западне.

Молодой человек напряг слух. Из гостиной донеслось еле слышное металлическое звяканье. Вор, похоже, с сейфом возится.

Юрик сунул в карман телефон. В одних носках двинулся прочь из комнаты. По пути заглянул в библиотеку. Он, конечно, очень сомневался, что предусмотрительный отец оставит свою «беретту» в шкафу, как иногда бывало, когда Гречишников-старший возвращался с охоты.

Но ему повезло – оружие было на месте.

Юрик трясущимися руками схватил ружье. Нет, нападать он ни в коем случае не будет (да и стрелять молодой человек не умел), но хотя бы чуть-чуть на душе стало спокойнее.

Полной темноты в доме не было: луне как-то удалось пробиться сквозь плотные октябрьские тучи. Гречишников сделал глубокий вдох – и проскочил мимо открытой двери. Но не учел, что от его движения по комнате метнулась отчетливая в лунном свете тень. И тут же загрохотали шаги.

Чтобы не оказаться к противнику спиной, молодой человек обернулся, и душа ушла в пятки.

Его нагонял мужчина, лицо перекошено, то ли от злости, то ли от страха. А в руке его блестел антикварный, инкрустированный изумрудами охотничий нож (из отцовского же сейфа).

– Стой! – истерически выкрикнул самозванец.

И замахнулся.

* * *

В полнолуние Диме Полуянову всегда не спалось. До трех ночи он крутился, а в шесть утра уже подскочил, будто пружиной подбросило.

Рядом мирно сопела Надюшка, старый пес Родион, стороживший вход в спальню, приподнял лениво башку и снова уснул.

Журналист – сентиментальным становился с годами, заботливым – подоткнул Надюхе одеяло. Та, не просыпаясь, благодарно улыбнулась, притянула его к себе. Дима уже и пригрелся, и две тысячи слонов насчитал, но так и не дождался блаженного, предзасыпательного тумана. Ну и глупо валяться! График работы у него, по счастью, ненормированный. Помчаться сейчас в редакцию, сделать все дела, а уже к обеду станешь свободным человеком. Можно будет Надюху из библиотеки выкрасть, сводить куда-нибудь. А то в последнее время она сама стала как печальный октябрьский дождь.

Встал, накинул халат.

– Ты куда, Дим? – сонно пробормотала Надюха.

– На работу. Ты не вставай, еще рано!

Но она уже, не открывая пока глаз, села на постели. Дисциплинированно пробормотала:

– Я тебе завтрак приготовлю!

Удивительный человек!

Дима сегодня – из-за бессонницы, что ли, – был настроен лирически.

Повалил Надюшку обратно в постель, поцеловал жарко, пробормотал:

– И думать не смей вставать! У тебя сегодня – королевский день.

– Чего? – захлопала глазами она.

– Я сейчас сам принесу тебе кофе. После работы съездим в магазин, сапожки тебе купим на зиму. А вечером пойдем в ресторан.

– С чего это ты вдруг такой добрый? – взглянула на него подозрительно.

– Потому что, Надюшка, дождь. И противный месяц октябрь на дворе. А когда погода не балует, хотя бы люди должны быть добрее друг к другу, – философски изрек Полуянов.

Надька, кажется, не поверила в добрые намерения. Но спорить не стала, весело улыбнулась:

– Ты думаешь, я стану возражать?

* * *

Обычно Надя не смотрела по утрам телевизор. Не до него, когда вечно опаздываешь. Но сегодня, спасибо Полуянову, ранней пташке, времени у нее полно. Включила. Ток-шоу, плохонькие музыкальные клипы и старенький сериал не заинтересовали. Пришлось остановиться на криминальных новостях. Зевая, выслушала про очередную махинацию подле обменника. Но дальше пошло интересней.

– Попытка вооруженного ограбления особняка нефтяного магната Гречишникова на Рублевке, – сообщил диктор.

Ну-ка, ну-ка!

Домик очень неплох... а щуплый парень, который отворачивается от камер – он, что ли, и есть магнат?

Надя прислушалась:

– *Гречишников вместе с семьей сейчас отдыхает на Бали, и грабитель, видно, на это и рассчитывал. Однако в доме совершенно случайно оказался сын предпринимателя Юрий.*

Молодого человека заслонил от журналистов представительный мужчина в костюме, веско заявил:

– *С заявлением мы выступим позднее, но пока я могу сообщить лишь то, что это самооборона чистой воды. Грабитель оказался вооружен, он первым нанес удар. Моему подзащитному ничего не оставалось, кроме как защищаться.*

Надя ухмыльнулась: хорошо, когда у тебя есть дорогой адвокат. Поднесла ко рту вилку с аппетитным блинчиком.

Снова дали общий план особняка, диктор возбужденно произнес:

– Личность грабителя, покушавшегося на имущество Гречишникова и погибшего от руки его сына, уже установлена. Им оказался...

Пауза. Во весь экран дали фотографию.

– Молодой актер Роман Черепанов, – объявил диктор.

Надя ахнула.

Блинчик шлепнулся обратно в тарелку.

* * *

Тему «жизнь и смерть молодого актера» его новый начальник, главный редактор «глянца», принял на ура. И уже к вечеру того же дня Полуянов успел узнать многое о безвременно погибшем Роме Черепанове.

Не было от него покоя и дома.

Митрофанова встретила его заплаканная, уголки губ страдальчески опущены.

– Ой, как ты убиваешься, – съязвил Полуянов. – Прямо будто близкий человек ушел!

– Дурак! – крикнула Надежда, дала ему в плечо кулачком – довольно больно – и ушла в спальню рыдать.

Дима сделал себе чаю. Потом подумал и налил еще одну чашку – Надежде. Взял вазочку с конфетами и побрел к ней. Девушка ничком лежала на кровати, лицом уткнулась в подушку, волосы разметались. Журналист буркнул:

– Прости. Это я от ревности.

Девушка только всхлипнула. Тогда Полуянов продолжил:

– А может, я просто пытаюсь скрыть свои истинные чувства. На самом деле жалко мужика. Не заслуживал он этого!

– Вот именно! – страдальческим тоном протянула Надя и, закрыв лицо одной рукой, перевернулась на спину.

– Я чаю тебе принес. И конфеток. – И тем же тоном добавил о Черепанове: – Такое впечатление, что Роме фатально не везло. Сначала эта история на озере Комо. Потом его дурацкая затея с фирмой «Фуэте» тоже бесславно провалилась, да очень быстро. Теперь вот смерть нелепая. Или, может, он кому-то сильно насолил? И его целенаправленно изводили? И вот – извели!

Девушка оторвала руку от лица и переспросила:

– И у тебя такое чувство?

– Да тут не надо быть Шерлоком Холмсом.

Дима протянул Наде носовой платок. Она отклонила его и приподнялась.

– Кому же он насолил? Кому понадобилось его изводить?

– Одно могу сказать – не мне.

Надежда встала и направилась в ванную. На ходу бросила:

– А я на тебя и не думала. Ты на такое не способен. – А потом, когда уже выходила из двери – он едва расслышал – сказала, словно в

сторону: – И ты меня не настолько любишь.

Дима решил не цепляться к словам – ему и впрямь не могло прийти в голову мстить кому угодно за кого угодно, даже за Надежду.

Да и если бы он вдруг взялся, нашел бы способ попроще. Надавал бы по мордасам – и все дела. А тут уж очень затейливо. Сначала скандал в Италии, потом афера с турагентством, теперь вот убийство – в чьем-то особняке, при попытке ограбления. На кого, на кого, а уж на воруягу Роман точно не был похож. Что он там забыл, на чужой вилле-то?

Может, в самом деле это чья-то затейливая изощренная месть? В духе графа Монте-Кристо. Но кому мог насолить Роман Черепанов? Не чиновник, не депутат, не генерал, не тюремщик, не прокурор? Просто артист?

А может... Не случайно ведь роман про Эдмона Дантеса обычно очень любят девчонки? Может, потому, что граф близок их сердчишкам? Дамы ведь похитрее, чем мы. И мстят они за свои обиды иначе, чем парни: витиевато, затейливо, как раз в духе ученика аббата Фариа.

В этот момент в спальню вернулась Надежда. Она успела сделать со своим лицом что-то такое, что от былых слез остался лишь румянец да слегка покрасневшие глаза.

– Слушай, Надька, – спросил Дмитрий, – а ты роман «Граф Монте-Кристо» любишь?

– Ты же знаешь, что люблю.

– Нет ощущения, что твоего Рому... – Девушка сделала протестующий жест. – Хорошо, не придирайся к словам: *нашего* Рому замочили вследствие тщательно разработанного заговора?

– Мне тоже кажется, все это не случайно.

– Кому же он мог так насолить? – Дима раздумчиво потер виски. – Какому-нибудь мужу ревнивому? Или, наоборот, жене? И вообще: мне только кажется, что здесь замешана женщина?

Надя просияла:

– Значит, и тебе?..

* * *

Разработку убийства Романа журналист решил начать с Интернета. Когда-то, на заре туманной юности, он от помощи компьютера в своей репортерской работе принципиально отказывался, даже статьи писал от руки. Но теперь не мог уже не признать великой пользы Всемирной паутины. Всецело доверять ей, конечно, нельзя, каждую строчку, там появившуюся, по четыре раза перепроверять надо. Но в качестве безбрежного хранилища информации Интернет весьма подходил. Особенно теперь, когда пришла мода саморазоблачаться: писать на самого себя доносы в бесчисленных социальных сетях.

Журналист почему-то был уверен, что в соцсетях следов смазливому артиста обнаружится множество. Так и вышло – да только не сильно в итоге его расследование продвинуло.

Полуянов просидел в Сети весь следующий день. Ушла на работу, а затем вернулась Надя, он выходил на кухню, наливал себе кофе и делал бутерброды – и снова принимал к экрану. Упорно искал в Сети Черепанова, а главное, его связи: всех, кто мог бы артиста извести (если, конечно, его и впрямь извели и убийство было не случайным). Но для начала требовалось хотя бы найти близких ему при жизни людей. Всем ведь известно, что история ненависти всегда начинается с любви. И тот, кто был родным и ненаглядным, превращался в главного ненавистника.

Поиск требовал терпения и сил. А ведь приходилось еще и отвлекаться! То последние футбольные новости посмотришь, то забавный ролик, то в собственный «Всемирный журнал» (который Полуянов наконец-то завел) сделаешь запись, на *комменты френдов* ответишь. А с самим Черепановым оказалось все совсем не просто. Поисковики упорно показывали ссылки, живописующие три последних происшествия с Романом: скандал на озере Комо, разоблачение фирмы «Фуэте» и гибель в особняке Гречишниковых.

Дима просмотрел всю информацию о хозяйке итальянского пансиона Луизе Ланселотти, в девичестве Симоновой, и о семье Гречишниковых. На их личных аккаунтах побывал, однако никаких ниточек, связывающих с убитым, не обнаружил. Никаких совместных фото, никакой переписки, никакого бытования в электронных друзьях.

Как раз пришла с работы Надя, возилась в кухне – готовила судака по-польски. Дима вышел туда, спросил:

– Ты с покойным была знакома больше, чем я. И ближе, чем я...

– Хватит меня уже шпынять этим!

– Извини. Извини. Я просто хотел спросить: может, ты слышала когда-то от Романа о семье Гречишниковых? Знаешь о том, какие ниточки их могут связывать?

Держа на отлете руки в рыбе, Надя протянула:

– Гречишниковы, Гречишниковы... Тот, кто его убил? Раньше? Не припомню сразу. Но может быть. Хорошо, я подумаю.

И Дима опять ушел к себе, нырнул в волны Инета. Теперь он стал штудировать фильм– и сценографию актера. И выяснилось, что не так уж много Черепанов снимался и на подмостках блистал. Мельпомена с Талией^[9] призывали его всего раза четыре – на неглавные роли в антрепризах. Десятая муза тоже не часто требовала от него священной жертвы. Фильмография насчитывала десять работ в сериалах: шесть эпизодов, остальные – роли второго плана.

Полуянов не поленился, просмотрел списки тех, кто работали над каждым фильмом. Все ж таки журналист в кино не совсем чужой. Пару лет назад волею судеб даже снимался в сериале – и в итоге стал свидетелем убийства в киногруппе в литерном поезде Питер – Москва.^[10] Вдруг в мире кино у него самого найдется знакомый, который с Черепановым пересекался?

И тут Диме наконец повезло. Черепанов, оказывается, сыграл роль в снятом шесть лет назад мини-сериале «Агент ВЧК». Кино Полуянов, разумеется, не видел, но вот в списке «Роли исполняют» нашлась еще одна знакомая фамилия: Эльмира Царева. Именно с ней, немолодой звездой советского кино, журналист путешествовал в том самом смертельном поезде, идущем из Северной столицы в столицу формальную. «Интересно, были у Царевой с Черепановым тогда общие сцены? Пересекались ли они на площадке? Можно, конечно, фильм посмотреть: скачать из Сети, или прямо онлайн. Но четыре серии по сорок четыре минуты каждая – это, извините, почти три часа. Даже если быструю перемотку включить, все равно кучу времени убьешь. Не легче ли напрямую самой Царевой позвонить?»

Дима открыл свой личный файл «Люди», которым чрезвычайно дорожил и оттого дублировал его и на флешке, и на диске, и в телефоне, да и в распечатанном виде имел. Это был кондуит почти из тысячи телефонных номеров – в том числе домашних, мобильных и

секретных – самых нужных, известных и полезных людей в стране. Никто из тех, с кем Дима когда-либо встречался по работе и по жизни, не избежали попадания в его личную паутину – от охранников до премьеров, от статистов до исполнителей главных ролей. Присутствовала в списке и Царева.

Дима знал, что из кино и театра актриса ушла. Посвятила свою жизнь дочери, которая сильно болела. «Но вроде бы некрологов про Эльмиру Мироновну пока не было, – с профессиональным цинизмом подумал журналист. – Да и дочка, наверное, тоже не покинула сей лучший из миров – иначе мои коллеги, шакалы с телевидения, уже не преминули бы слезоточивый фильм о звезде сварганить. С закадровым текстом замогильным голосом: «Мало кто знает, что всю свою жизнь великая актриса посвятила тому, чтобы ухаживать за прикованной к больничной койке дочерью!» А мы ведь, кажется, с Царевой расстались друзьями – насколько это возможно после ночи, проведенной в компании с убийцей и двумя трупами».

Полуянов набрал номер мобильного актрисы из своего знаменитого поминальника.

– Эльмира Мироновна?

– Кто это? – прозвучал царственный голос, нисколько не утративший великолепно мхатовской поставленности.

– Мы с вами снимались в одной ленте, – молвил Полуянов. Слегка интриговал, допускал с актрисой долю игры. – Правда, актер я непрофессиональный, но ваша работа – о! Она произвела на меня тогда глубочайшее впечатление. – Дима практически не лукавил, Царева играла на загляденье. Он, наконец, представился: – Я Дмитрий Полуянов, корреспондент «Молодежных вестей».

На самом деле самый острый момент наступал в разговоре именно сейчас – если собеседница помнит его добром, то признает. Нет – отправит прямо с порога, и ведь не уговоришь.

– Ах, Ди-и-имочка, – расплылась старая актриса. Сразу отлегло. – Как приятно вас слышать! Ну, куда же вы пропали?

– Не хотел вас тревожить. Вы ведь совершили, я слышал, очень решительный шаг: ушли из театра, перестали сниматься, чтобы посвятить себя дочери. – Репортер немедленно перевел разговор на тему, наиболее близкую любой актрисе – о самой себе.

– О да! – немедленно воскликнула пожилая дама и завела минут на пятнадцать монолог о том, сколь самоотверженно она спасала свою девочку и как хорошо, тьфу-тьфу-тьфу, та чувствует себя сейчас.

– Вам, наверное, было тяжело полностью отказаться от ролей в кино и в театре, – подал еще одну реплику Дима, подводя Эльмиру Мироновну к нужной ему теме.

– Вы себе не представляете, какие я предложения получала, мимо чего прошла!

Далее последовало перечисление едва ли не всех крупных ролей мирового репертуара, от Гертруды до миссис Сэвидж – странно, подумал ядовито Полуянов, что в сем контексте не прозвучали имена Джульетты и Катерины.

– А вы слышали, – перебил звезду сцены виртуоз пера, – что погиб ваш коллега, Роман Черепанов?

– О да! Какое ужасное событие!

– Да, выражаю вам свое соболезнование.

Дама хмыкнула.

– А я-то думаю, гадаю вот уже битых полчаса: с какой это стати я вдруг понадобилась прессе? И вот выясняется. Ах вы, Димочка, ах, лисенок!

– Я уже старый лис, Эльмира Мироновна, – улыбнулся Дима.

– Что уж тогда говорить обо мне!

– Вы, кажется, снимались вместе с Черепановым? – вернул разговор в нужное русло спецкор.

– Было дело.

– Ну, и что он за человек? – задал ключевой вопрос журналист.

– Чудный! Чудный! Совершенно воспитанный, прелестно образованный. Покойный Прокопенко очень хвалил его. Помню, взаимодействовать с ним в кадре мне доставило большое наслаждение.

«Ну, еще бы, – зловредно подумал Дима, – старой перечнице с юным дамским угодником!» Однако вслух, разумеется, сказал другое:

– А я слышал, в последнее время у него были неприятности?

– Что вы говорите? У него? У Ромы? Подумать только!

Старуха или впрямь ничего не знала, или делала вид. Если так, то выудить что-либо из нее представлялось проблематичным.

– Какие-то проблемы со слабым полом? – бросил еще один шар наугад журналист.

– Да? – вроде бы удивилась дама. – А что такое?

– Вы знаете, – нажал Дима, – я не хочу о ситуации вокруг Черепанова писать прямо сейчас. И я не собираюсь вас нигде цитировать! Да я уже и не газетчик вовсе. Я просто хочу разобраться! Меня попросили об этом. Один мой, м-м, близкий человек был в то же время родственником покойного, – слегка приврал Полуянов. – Я, право, толком ничего не знаю, но, поговаривают, кто-то влиятельный на Черепанова в последнее время ополчился. Какая-то важная дама. Поэтому его, дескать, и убили.

– Да что вы?! Да нет, Дима! Не может быть! Вы знаете, как говорят: ах, злые языки страшнее пистолета. Так и тут. Сплетни, досужие вымыслы, попытки опорочить молодой талант – и, что особенно отвратительно, посмертно, когда он никак не сможет себя защитить. Какая низость!

Репортер понял, что так разговор может ходить по кругу часами и расколоть старуху ему вряд ли удастся, да и не знает она, верно, ничего. Но несмотря на это – что значит талант, он передавался даже через телефонную трубку! – от общения с бывшей актрисой он почувствовал прилив сил: вот она, волшебная сила искусства!

– Хорошо, ладно, – уже с оттенком усталости, безнадежности в голосе проговорил Дима. – А что про Черепанова в ваших кругах сплетничали? Что про него говорили те самые злые языки, о которых вы упомянули? Может быть, до вас все-таки доносились слухи?

– Ах, Дима, с прессой надо держать ухо остро!

– Эльмира Мироновна, вы же меня знаете! Я никогда не стану вредить хорошим людям, тем более – моим друзьям. Ведь вспомните, какая была горячая тема про убийство в северном экспрессе – а я ведь после смерти Прокопенко ни строчки не написал!

– Это правда, – раздумчиво промолвила старая дама. – Ладно, Димочка, только вам. Что называется, и на ушко. Но если вы об этом развоните! Или на меня сошлетесь, мы с вами – смертельные враги на всю жизнь!

– Могила, Эльмибочка Мироновна!

– Говорили, – понизила голос до шепота актриса, впрочем, ее великолепно поставленный шепот даже через телефонную мембрану слышался гораздо лучше, чем иной крик. – Поговаривали, что у нашего Ромы – связь с женщиной много старше его. И она, дескать –

это не я сказала, лишь повторяю чужую сплетню, возможно, навет, но вы меня сами вынудили! – даже содержала вашего героя. Говорят, квартиру ему купила где-то в центре.

– Имя! – вскричал Полуянов. – Скажите имя! Как ее звали!

– Не имею ни малейшего понятия, – промолвила Царева. – Даже не догадываюсь.

– Но кто она? Откуда?

– Представления не имею.

– Сколько ей лет?

– А уж об этом и подавно. Впрочем, я слышала, что она уже давно перешагнула нежный возраст – я думаю, ей за пятьдесят, и еще у меня имеется подозрение, что эта дама связана с телевидением. Впрочем, утверждать не буду, это все мои домыслы.

Дима сделал еще два-три захода, но ничего больше из актрисы вытянуть не сумел. И то – хлеб, да какой!

Он мило попрощался со старушкой, велел передавать пожелание здоровья дочери и повесил трубку.

* * *

Во «Всемирном журнале» странички у Черепанова не имелось, или он шифровался псевдонимом, лицо свое не открывал. Хотя нечего было особенно ожидать, что он в нем гостил. «Всемирный журнал» – развлечение для граждан, ориентированных на *слово*, с ним по роду основной своей деятельности связанных: журналистов, как Дима, копирайтеров, сценаристов, пиарщиков, переводчиков. Короче, питомцев журфаков, филфаков и прочих литинститутов. Роман же был совсем другой – Актер Актерыч по натуре, демонстративная личность (подумал Дима в терминах Юнга или Леонгарда). Такому типу ближе визуальные и эмоциональные способы выражения.

Однако и на «Однокашниках» Черепанова тоже не нашлось. И на сайте «В связи» – тоже. А вот во всемирно известном «Фотоальбоме» Диму ждал успех. Аккаунт актера оказался переполнен фотографиями и друзьями. Шутка ли! Более пятисот карточек! Ровно двести двадцать два *френда*! Дима аж потер руки от удовольствия. Не может быть,

чтобы среди подобного богатства не оказалось ни единой ниточки, ни одной зацепки!

Он плюхнулся в это море разлитое друзей и общения. Проплавал в нем много часов. Надя позвала его ужинать – журналист механически сжевал судака, без выражения сказал: «Спасибо, очень вкусно» и чмокнул Надежду в щеку. Митрофанова уж и не дергала его – знала: если муж чем (особливо работой) увлечется, отрывать его от этого занятия – себе дороже. Творческий человек, что поделаешь! А может, это типичный эгоизм самца. Надя ведь, к примеру, как бы ни была занята, всегда готова на Диму переключиться, если она вдруг ему понадобится. А может, просто штука в том, что она Полуянова больше любит, чем он ее?

Спецкор, меж тем, нисколько даже не заметивший терзаний спутницы жизни, без усталости, до рези в глазах просматривал фотографии *френдов* на страничке актера. И довольно быстро и, к сожалению, со всей определенностью оказалось, что богатство на аккаунте убитого – только видимость. То есть о стиле жизни Черепанова оно свидетельствовало. О его друзьях, интересах, времяпрепровождении. Но о его связях – настоящих, крепких, подлинных – нисколько. О том, с кем он живет, кого он любит и через кого уязвим – тоже ничего понять было нельзя.

Судите сами. В графе *события*, к примеру, значится, довольно многообещающе: первомайские шашлыки с друзьями на озере. Однако на фото, сопровождающем текст, нет ни друзей, ни озера. Одни шашлыки. В самом буквальном смысле – красочное фото, крупным планом натюрморт: румяные куски мяса, колбаски, крылышки на решетке. И – все. Ничьих портретов, никаких пьяных обжиманцев или групповых фото, где все, до чрезвычайности веселые и любящие друг друга, виснут один на другом или прочие глупости вытворяют.

Или, к примеру, в списке любимых мест значится кафе «Хлеб или булка» в Верхнем Спиридоньевском переулке. Актер добросовестно зачекинился там (то есть отметил себя через сайт) больше десяти раз. Но, кроме фотографий интерьеров кафе и пары соблазнительных пирожных, ничего, свидетельствующего о лично его там пребывании, не поместил. Куда как было бы логично (а как для расследования полезно!), чтобы Черепанова там с какой-нибудь пассией ушлый официант на фотик щелкнул. А хозяин аккаунта – р-раз, и фоточку

себе на страничку горделиво поместил: вот, дескать, я с какой прелестной фифой в каких прекрасных местах бываю. Но нет, ничего подобного! Решительно нигде ничего личного. И так во всех прочих любимых местах. Полуянову было чрезвычайно интересно, конечно, для понимания личности покойного, что любил тот места известные, выдававшие в нем скорее провинциала, чем завязтого москвича: Патриаршие и Чистые пруды, ВДНХ и Парк Горького, рестораны «Невольник чести» на Тверском бульваре и «Звездная фуа-гра» на Тверской. Однако его расследование это не продвигало ни йоту.

Дима просмотрел также, не поленился, фотографии всех двухсот двадцати двух *френдов* актера (у них даже один общий друг нашелся – естественно, Надя, Полуянова аж передернуло от смутной ревности). Но ни один друг покойного, опять же, ни женщина, ни мужчина, не мог похвастать фото, где тот выражал бы к нему (или к ней) теплые чувства. Никаких объятий, поцелуйчиков и прочего. Стоят друг от друга на пионерском расстоянии, в лучшем случае – плечом к плечу, даже под (или *за*) ручку Роман никого не держит. И никаких следов более-менее интимной переписки в *комментах* (их Дима практически все, относящиеся к прошедшему году, тоже прочел). Все цивильненько, благопристойненько, стерильненько: «Ты прекрасно выглядишь. – Спасибо на добром слове». И только.

Единственное, что удалось узнать Диме про семью Черепанова, его происхождение и юность, благодаря тому, что тщеславный Актер Актерыч все же выставил в своей галерее штук семь фото – очевидно, отсканированные с первых пленочных «Кодаков». Карта, размещенная прямо на «Фотоальбоме», показала, что детство Романа проходило в областном центре, Малинове, в ста двадцати километрах от столицы. На фотках невысокого качества, чересчур мелких и с пестрым фоном, датированных, судя по одежде, обстановке и прическам, концом девяностых, располагался юный Рома с еще более юной девочкой (вот тут-то он впервые был с кем-то в полуобнимку). Подпись гласила: «Мы с сестрой Кристиной». Еще одна карточка – вся семья в сборе: суровый отец, набычившийся, чуть в сторонке ото всех, слегка независимо от семьи, и трое других, все в теплой кучке – мама, Рома и сестрица.

Да, недаром одна фотография столько же информации содержит в переводе на биты и мегабайты, сколько добрый роман! По одному

отпечатку, где изображена хотя бы пара, можно, считал Полуянов, многое понять: кто как к кому относится, какого достатка семья, какие у кого притязания и проблемы. Вот и тут: судя по ковру на стене, Черепановы не больно-то благополучны и продвинуты (во всяком случае, в конце девяностых были). И папашу (подпись: «отец, Игорь Геннадьевич») жизнь в семейке скорее тяготит, чем радует. И дети тянутся к маме («Любовь Кирилловна»), но ухитряются не соперничать друг с дружкой: Рома как бы великодушно отдает мать своей сестренке – пожалуйста, можете болтать и сплетничать сколько угодно, я большой, и я мужчина. Однако мамаша не просто вместе с сестренкой, она и сыночка тоже прикрывает своим крылом. И Кристина тоже тянется к старшему брату – она, в отличие от него, совсем некрасива, но отсвет любви к нему и маме освещает ее чело. И уж тут понятно: если кого Роман и любит (то есть, увы, уже в прошедшем времени – любил), так это мать и сестру.

Еще пара фото представляли юного Черепанова в толпе одноклассников, но и там он держался наособицу, никто к нему не льнул, да и он ни к кому. Вернее, он, видно, так себя даже в школе поставил, что не больно-то к нему со своими любовями и дружбами хотелось лезть.

«Надо ехать в Малинов», – вдруг подумал журналист. А потом повторил предложение вслух, и оно ему неожиданно понравилось. И впрямь – почему бы не съездить? Кажется, мать и сестра – единственные люди на свете, кому Роман доверял. Наверное, они смогут многое о нем рассказать – если, конечно, к ним подход найти, а Дима это сумеет, чуть не двадцать лет в журналистике.

Идея поездки куда бы то ни было одному, без Надежды, но в то же время вроде и не от редакции, за свой счет, понравилась репортеру. «А потом, – подумал он, – если материал получится, можно будет с новых моих работодателей не только гонорар, но и командировочные содрать. Только надо узнать для начала, там ли до сих пор семья Романа, за пятнадцать лет много воды утекло».

Он свернул интернетовское окно и запустил программу, которая давно уже была куплена на радиорынке и немало журналисту помогала – телефонную книгу не только жителей Москвы, но и Питера, городов-миллионников, а также близлежащих к столице областных центров. Малинов, к счастью, в гроссбухе имелся. Дима

пролетел по строчкам и открыл – Черепановы, адрес: улица Второго Интернационала, дом три, квартира семнадцать, и телефон. Не откладывая дела в долгий ящик, он выискал код города Малинова и набрал номер.

Пока шел вызов, устанавливалось соединение, вдруг вспомнилось, как на первом, что ли, курсе журфака приходил к ним читать лекцию гремевший тогда репортер Лев Колодный. И как он говорил им, желторотикам: все, мол, знают Николая Островского – он преодолел себя и смог стать писателем, будучи прикованным к постели. А вот репортером он работать, при всем к нему уважении, не смог бы. Потому что журналиста кормят ноги, и если он не обойдет десяток порогов и не повстречается с двумя десятками человек, материала ему не собрать.

А ведь если судить по нынешней жизни, Колодный ошибался, подумалось Диме. Сегодня и без ног запросто можно репортером работать. Да и без рук, с нынешним развитием электронных распознавателей речи, – тоже. Была бы голова на плечах. Но что говорить об инвалидах! Полуянов видел немало в редакциях мальчиков-девочек, приклеившихся намертво к стульям и выдававшим на-гора километры скомпилированных из источников в Интернете текстов.

Журналист даже не сомневался, что по его теме уже завтра в десятках газет появится информация, которую и он нарыл, не отходя от монитора: где артист родился, учился и прочее. Только в тех текстах не будет содержаться ответов на главные вопросы: а какой он, Роман Черепанов? Почему его убили? Случайность ли это? Кто за этим может стоять? Почему с артистом в последнее время происходили всевозможные неприятности? И, в конце концов, что за человек он был, что за персонаж: положительный или отрицательный? Точнее, в какой пропорции перемешивалось в нем (ведь стопроцентно хороших или же плохих людей не бывает на свете) добро и зло, свет и тьма?

На все эти вопросы и пытался ответить Полуянов, поэтому и звонил сейчас в город Малинов.

Ответил женский голос. Немолодой, абсолютно подавленный.

– Любовь Кирилловна? – участливо спросил Дима.

– Да, я.

– Это друг вашего Романа звонит, из Москвы, Дима меня зовут. Примите мои самые искренние соболезнования, – с чувством проговорил репортер.

– Спасибо вам, – горестно отозвалась женщина.

– Вы мне не подскажете, когда состоятся похороны? И где? Я обязательно хотел прийти, и товарищи из театра тоже.

– Отец поехал за Романом, – мать даже слегка приободрилась (разумеется, на фоне бесконечного уныния, с каким прозвучал ее голос вначале). Теперь, слава богу, появилась возможность заняться практическими вопросами, пусть даже столь печальными, как похороны сына. О погибшем она говорила, словно бы речь о живом. – Он за Ромой поехал к вам, в Москву. Когда уладит там все формальности, договорится, привезет Ромочку. Хоронить мы его будем здесь. Там, где он в этот мир и пришел. У нас никого в Москве нет, да и у Романа тоже. Негоже ему в чужой земле лежать. А когда похороны точно будут, я вам пока сказать не могу.

– Может, вам какая-то помощь нужна? Или отцу вашему здесь, в столице?

Участливость, которую проявлял журналист, была не просто вежливостью, или данью традиции, или способом подлизаться, втереться в доверие. Он действительно готов был помочь – и помог бы, выкажи собеседница хоть малейшую в том заинтересованность: бегал бы по моргам или знакомых своих многочисленных напугал. А как иначе? Журналист тоже, как и писатель, должен любить своих героев.

Однако мама Черепанова сказала:

– Нет, благодарю вас. Ничего не надо.

– Может, вы деньгах нуждаетесь?

Деньжат у Димы с Надей у самих было негусто, но главное ведь предложить, показать участие, а если вдруг даже скажут: давайте – на такое дело всегда подзанять можно.

– Да что вы! Нет же!

– А как Кристиночка себя чувствует? – спросил Дмитрий о сестре Романа, словно бы уже на правах друга дома.

– Кристина? – Голос женщины закаменел, причем еще пуще, чем когда говорила она о гибели сына. – А вы не знаете?! Ах, да, Рома вам, наверное, не говорил... Он и нам велел никому не говорить... Но сейчас-то уже можно? – В словах ее почувствовался надрыв.

– А что, что случилось? – нетерпеливо перебил Полуянов.

– Кристиночку нашу... беда с ней.

– Что случилось?! – с излишней, пожалуй, горячностью выкрикнул журналист. Тут же опомнился, сбавил тон, произнес мягко: – Вы не думайте, я не из праздного любопытства интересуюсь. Просто Роман мне много рассказывал о сестре. И однажды даже попросил позаботиться о ней, если с ним вдруг что случится...

Речь возымела действие.

– Похитили Кристину, – тихо произнесла мать.

– Когда?!

– Четыре дня как.

– Почему? За что? Как? – Полуянов был почти не в себе.

– Рома мне говорил: это все из-за него. Но она жива-здорова. Он с ней разговаривал по телефону. Он кому-то задолжал и обещал внести выкуп. А теперь уж я не знаю, как все будет.

– Любовь Кирилловна, я выезжаю к вам, – даже без доли сомнения молвил журналист.

Тут уже не в статье дело было. Отчего-то после того, как он провел полсуток вместе с виртуальными отображениями Романа Черепанова и его жизни, покойный актер стал казаться ему близко знакомым, чуть ли не родственником. И его страдающая мама – тоже.

Только положив трубку, Полуянов посмотрел на темень за окном и взглянул на часы. Было уже, оказывается, половина первого ночи. «Ну, и нормально, – сказал он сам себе. – Сейчас быстренько, не откладывая, по пустым дорогам доскачу в Малинов. Часа в четыре буду на месте, заселюсь в гостиницу, подрыхну часика три, а завтра с утра повидаюсь с мамой Черепанова».

Журналист чувствовал себя в своей тарелке: бодрым, деятельным, полным сил и готовым к приключениям.

Он пошел в спальню собирать пожитки.

Надежда прикорнула, не раздеваясь, на неразобранной кровати перед бубнящим телевизором.

Дима наклонился и тихонечко поцеловал ее. От Надьки веяло таким теплом и уютom, что он едва немедленно не отсекся от своей идеи тут же ехать в Малинов, но первое слово, посчитал он, дороже второго (пусть даже данное самому себе). Чтобы отрезать себе всякие возможности к отступлению, Полуянов сказал девушке:

– Я уезжаю.

Теперь, если он откажется от немедленной поездки, будет выглядеть, что женщина его отговорила. Получится, что он на нее променял свою работу, на что Дима, с его непреклонным мужским шовинизмом, никогда, конечно, не согласился бы.

– Куда это? Ночь на дворе!

На вопрос, куда собирается муж без четверти час ночи, может быть только один ответ – честный. Вот Дима и рассказал. Все, как есть, без утайки: сестра, похищение, выкуп.

– Ох ты, господи, – сказала Надя, выслушав. – Я понимаю, ехать надо. Наверное. Но почему сейчас?! Ночь на дворе.

– А когда еще? – легкомысленно развел руками Дима. Слава богу, Надя не начала его ни в чем подозревать. И дуться особенно – тоже. – Пока мы сегодня уляжемся, я завтра проснусь, да по пробкам пилить в Малинов – эдак я только к вечеру доеду. А сейчас – по пустой трассе долечу.

– А если заснешь за рулем?

– У нас дороги такие, что не заснешь! Но ты сделай мне, на всякий случай, в термос кофейку.

– Я не хочу тебя отпускать! – Она обняла Диму за плечи и прижалась.

– Я тоже не хочу ехать, – сказал он почти искренне. – Но надо. Тварь я дрожащая или право имею?

– Я буду скучать по тебе. И волноваться.

– Я тоже. Но все будет хорошо!

А спустя полчаса, когда вещи уже были собраны, термос-кружка наполнена достаточным количеством кофе и Надя делала бутерброды, она вдруг опустила нож, занесенный над беззащитной колбасой:

– Я вспомнила!

– Что?

– Кто такой Гречишников.

– А кто это?

– Ты же сам спрашивал! Человек, убивший Рому. В чей особняк он забрался.

– Ну?

– Знаешь, у меня есть одна читательница, довольно милая дама, зовут Ирой. Лет сорок, может, с хвостиком. Выглядит великолепно.

Очень ухоженная, одета хорошо и дорого, в отличие от обычного нашего контингента. Ученые – люди скромные обычно, да и получают мало.

Диме хотелось Надю поторопить, чтоб та в женском стиле перестала провозглашать прописные истины. Однако чутьем он понимал: перебивать девушку ни в коем случае нельзя, она и впрямь хочет сказать ему нечто важное, и тут главное – не сбить.

– Приходит Ира, Ирина Андреевна в библиотеку часто, – продолжила Митрофанова, – книг берет помногу, но каждый раз – из новой оперы. То по экономике, то по истории, то по психологии. Копает она каждую тему глубоко и долго – месяц, даже два. А потом вдруг на другое переключается.

– Интересно, – поощрил подругу жизни Дима.

– А тут она вдруг музыкой занялась. Брала всякие старинные работы по музыковедению и прочее. А однажды я книжку, которую она сдавала, открыла, и оттуда выпал листочек только с одним словом: «Ненавижу!» И листочек точно был написан рукой Иры – я ее почерк прекрасно знаю, она мне тысячи требований подавала.

– Таинственно, но при чем здесь Рома?

– Рома-то ни при чем, наверное, но ты меня спрашивал про фамилию Гречишников.

– Да, в его особняке Черепанова и убили.

– Так вот, однажды мы с Ирой разговорились, она разоткровенничалась и сказала то, что я и без того подозревала: она на хлеб зарабатывает тем, что пишет для всяких богатых людей или чиновников диссертации.

– Есть такой бизнес, – кивнул Дима. – Проводили исследования: чуть ли не шестьдесят процентов всех диссеров сейчас – сомнительные. Один губернатор одну докторскую, по экономике, защитил в восьмом году, а вторую, по истории, в девятом. Когда он работал, спрашивается?

– Вот-вот! – подхватила Надежда. – И последним Ириным клиентом был, с ее слов, как раз музыкант по фамилии Гречишников. Который Рому убил.

– Интере-есно, – почесал затылок Дима. – Но ничего непонятно.

– И еще, знаешь... – неуверенно произнесла Надя. – Я могу ошибаться, конечно... Но помнишь ту статейку в «XXX-пресс»? Про

Ромину театральную фирму дутую? Я ее нашла у нас, в зале Всемирной истории. На моем столе лежала, хотя я никогда в библиотеку газет не ношу и помощнице запрещаю.

Девушка совсем сникла, умолкла.

– Ну, и? – поторопил Полуянов.

– Ну, и – мне кажется, что газету туда именно Ирина Андреевна принесла. И оставила так, чтобы она мне на глаза попалась.

– А зачем? – Полуянов внимательно взглянул на Надежду.

Та отчаянно покраснела, опустила голову, пролепетала:

– Ну... Ирина Андреевна знала, что я с Ромой в Большой театр ходила. И очень осудила меня за это. Может, хотела статьей этой предостеречь?

Ох, что-то недоговаривала Надька!

Но раскалывать подругу жизни – по крайней мере, здесь и сейчас – Полуянов не стал.

Поцеловал Митрофанову и вышел из уютной квартиры в ночь.

* * *

С половины третьего – трех ночи и до половины пятого утра огромная столица ненадолго замирает. Гаснет большинство окон в многоэтажных домах, авто перестают одно за одним останавливаться перед дежурным гастронмом, на улицах пусто, лишь бредет, сам не знает куда, бомж с сумкой, полной сплюснутых банок. Светофоры мигают бесцельно, по улицам катятся одни бессонные поливалки, осаждают дорожную пыль, да загулявшая компания спешит, поднявши воротники и сунув руки в карманы брюк, рассуждая, где бы разжиться спиртным срочно и недорого. В такие ночи приятно возвращаться домой с работы, когда подписан номер, и завтра можно дрыхнуть до обеда. Или радостно вернуться из командировки, откуда-нибудь из Хабаровска, Лимы или Тегерана, когда тебя ждет на кухонном столе оставленная мамой или женой тарелка с ужином.

Приятно бывает также в этот ласковый, предутренний час Первопрестольную покидать, оставлять ее другим, менее счастливым. Убегать от суеты, тычков и хамства грядущего дня.

Но это короткое время покоя длится в столице так недолго! Уже ближе к пяти утра на улицы вырываются заведенные спозаранку новой энергией и злые с недосыпу водители кредитных «Логанов», «Ниссанов» и «Газелей», берут курс на свои офисы и склады, аэропорты и базы, рассчитывая проскочить, успеть, все исполнить с утра пораньше, пока Белокаменная не задохнулась, не закупорила все свои артерии-вены-капилляры очередной дымной пробкой. А потом темп в столице будет только нарастать. Пробудятся и побегут на работу и по своим делам клерки и школьники, менеджеры по продажам или просто продавцы, риелторы и рекламисты, парикмахеры и программисты, станочники и столяры, учителя и урологи. Толпы будут выплескивать электрички на всех семи вокзалах и пересадочных станциях типа «Выхино» или «Электрозаводской». Людская речка разольется по платформам метро, а вышележащие улицы задохнутся в новом, нервно сигналищем автомобильном стоянии. И при мысли, что всего через три часа столица станет подобной, так хочется сбежать из нее – скорее, скорее, в холодные осенние рощи!

Однако Диму Москва, словно любящая женщина, отпускать не хотела: сперва гаишник тормознул его «Тойоту» на выезде с Северодвинской на Кольцевую. Полисмен долго водил в воздухе своим острым, словно жало, носом: поверить не мог, что такой красивый, стильный парень, на хорошей тачке, в четыре утра – и, вот беда, трезвый! Потом унес Димины документы и завяз в недрах поста на полчаса. Полуянов постановил себе не злиться, открыл спокойненько ноутбук и стал просматривать Сеть, подыскивать себе гостиницу в Малинове. Пара городских отелей даже на интернациональных сайтах бронирования висела, доступная вроде бы для заказа. Но спецкор не стал рисковать, просто выписал адрес той гостиницы, что в самом центре, да вбил его в навигатор. А тут и права его подоспели, вместе с длинноносым капитаном. «Счастливого пути, Дмитрий Сергеевич!» – пожелал он тоном, которым иной обычно произносит: «Чтоб ты сдох!»

Когда Дима добрался по Кольцу до шоссе, ведущего в Малинов, ночь еще не закончилась, но короткая столичная пересменка уже завершалась. Навстречу его «Тойоте» из области надвигалась с каждой минутой густеющая пробка работающего люда. Радуюсь, что не ему придется в ней стоять, спецкор прибавил газу, сделал погромче

утренний джаз и полетел, удаляясь от города. И – чуть не прилетел, упокоившись навеки.

У деревни Оскоминка шоссе делало плавный левый поворот, поэтому видимость на полосе была ограничена, да еще и ночь ведь длилась, слепила встречными фарами. И вдруг – ровно навстречу Диме, лоб в лоб, по его полосе вылетел, слепя фарами и мигая синей своей мигалкой, черный, державный автомобиль. «Ауди» «восьмая» или «семерка» «БМВ», бог весть. Для того чтобы разглядеть встречную машину, а главное – увернуться от нее, Полуянову отводилось полсекунды, не больше. Рефлексы ему помогли, не спали. Дима подал вправо, он потом, когда все кончилось, проанализировал случившееся: даже если бы оба, и он, и встречный мерзавец, начали одновременно тормозить, не успели бы, конец пришел бы и тому, и другому, никакие подушки бы не помогли – лобовое на суммарной скорости под триста, шутка ли!

Когда б он дернул рулем чуть резче, вылетел бы на собственную обочину, закувыркался по кюветам – тоже плохо, хотя тут шанс выжить оставался. А главное, вельможный хлыщ со встречной – сам за рулем сидел, без шофера! – в свою очередь, лишен был пространства для маневра: справа от него густо текли автомобили. Он, конечно, вжался в них, как только мог, но главное в ситуации решил все-таки Полуянов: отрулил, отклонился, так что огромный черный лимузин пролетел буквально в сантиметре от его машины, обдал ревом своего клаксона, ударной волной и даже, как журналисту показалось, жаром, адским пламенем, что ли.

Его визави остановиться даже не подумал. Помчался дальше, по государственным своим делам. А Дима ехать не смог. Тормознул на обочине. Достал из бардачка сигареты. Он не курил уж едва ли не три года, а пачку в автомобиле возил на всякий случай, для попутчиков и попутчиц. И зажигалку к ней. Долго пытался распечатать целлофан и понял, что руки его почему-то тряслись. Заорал, сам не зная на кого, во весь голос: «Суки! Суки!» А потом подумал: а ведь если бы *стряслось*, что могло, и я угодил бы лимузину в лобешник – они бы меня потом наверняка посмертно сделали бы виноватым. Не помогло бы ни то, что журналист, ни то, что трезвый. Знаем мы этих, с мигалками!

Он все-таки закурил, вдохнул резкий отвратительный дым и сразу почувствовал, как закружилась голова, затуманился мозг. Как хорошо!

Он даже не продолжил дымить, выкинул сигарету, сидел и радовался, что, несмотря ни на что, он – живой, что вдалеке медленно светлеет восток и для него приходит новый день.

* * *

К гостинице «Малинов» города Малинова Дима подъехал уже полвосьмого. Стекло двери в решетках были еще заперты, и Полуянов постучал. Ответа не было, и он стал барабанить. Наконец, шаркая шлепанцами, пришла заспанная администраторша, кутаясь в пальто поверх ночнушки. Спросила злобно через дверь:

– Чего надо? Чего ломишься?

– Поселиться у вас хочу. – После того что с ним приключилось, Диме все было трын-трава, он все воспринимал с улыбкой.

– Сколько номер стоит, знаешь?

– Знаю.

– Деньги есть?

– Имеются.

Вахтерша взгляделась сквозь стекло в посетителя, поняла, что человек вроде приличный – видно, командированный, – и отомкнула засовы.

Улегся Дима только в половине девятого. Под окном подвывали троллейбусы, ревели, стартуя со светофора, авто. За стенкой бубнил и бубнил телевизор, две горничные перекрикивались друг с другом, казалось, с этажа на этаж и прямо над головой Полуянова. Но он накрыл ухо подушкой, на мгновение просыпался от ора или шума, но в ту же секунду снова засыпал.

Сон его продолжался недолго. Шум города все-таки разбудил спецора, и, помятый, с больной головой, в половине двенадцатого он потащился в душ.

Затем нашел в гостинице одинокий буфет. Пищеточка, казалось, не изменилась со времен Диминого рождения, с середины семидесятых, включая титан для кипятка, громоздкую кофеварку производства Венгерской Народной Республики и массивную белохалатную продавщицу. В начале девяностых, правда, завезли туда «сникерсы», американские сигареты и пиво в банках.

Из съестного наименее подозрительными выглядела сметана в граненых стаканах и коржики. Их журналист и предпочел, да еще добрый стакан неплохого кофе, после которого адски потянуло закурить. А вот не надо было вчера нарушать завет, баловаться сигареткой. Не погиб ведь – так терпи!

Дима и терпел. Леденцов только купил себе. Лучше бы семечек – только хорош он был бы, с подсолнухами в кулаке, приехал, называется, журналист из столицы!

До места, где проживали Черепановы, журналист решил пройти пешком. Судя по картам Гугла и Яндексa, расстояние было чуть больше километра, нечего привлекать к себе повышенное внимание иномаркой с московскими номерами. Автомобильный парк города Малинова, как Дима успел заметить еще утром, в корне отличался от столичного гораздо большей распространенностью отечественных лимузинов. На «десятках» с «Приорами» тут колесили не стыдливо, как в Белокаменной, а с чувством законной гордости.

Улица быстро спустилась к речке, и все приметы городского жилья скоро кончились, разве что многоэтажки за спиной маячили. Трава выше пояса, немощеный тротуар, хатки по обе стороны. На углу – колонка с водой, действующая, к ней бредет бабка в калошах и с пустыми канистрами. Через улицу – почерневший деревянный барак. На деревянных мостках у речки баба в теплом халате и с венозными ногами без колготок полощет белье. Жизнь здесь, казалось, текла, не меняясь, уже сотни лет: что во времена красных комиссаров, что при Петре, что в опричнину – разве только мобильный Интернет появился (а канализация – нет).

Потом сельская идиллия вдруг кончилась, и вдоль реки возникли три двухэтажных дома – тоже по-своему патриархальных. Во дворах висело белье, и у каждого жителя имелся свой небольшой земельный надел, огражденный проволочным забором, где один выращивал картошку, а другой – гладиолусы.

Нужная квартира находилась на втором этаже.

Дима позвонил, ему открыла женщина лет сорока пяти, выглядевшая на все шестьдесят. Она была стройной и подтянутой, с выправкой учительницы или руководителя среднего звена, однако с всклокоченной седой головой и исплаканными глазами.

– Любовь Кирилловна, я вам звонил вчера из Москвы. Дмитрий Полуянов, друг вашего сына.

– Проходите, Дима. – Голос тоже был хорошо поставлен, не иначе и впрямь – учительница. – Как вы быстро примчались! Вы прямо с дороги? Чаю хотите?

– Чаю хочу, покрепче. Я не прямо с дороги, уже успел поселиться в гостиницу и даже пару часов поспал.

Дима еще позавчера понятия не имел о своей собеседнице и к семье Черепановых (спасибо хлыщу Роману!) заранее относился негативно. Однако теперь он немедленно проникся к Любви Кирилловне доверием. Может, это было профессиональное: как ему нравилось думать, журналист обязан любить своих героев. А может, женщина внушала добрые впечатления одним своим видом, или просто похожа чем-то была на его маму, к сожалению, давно уже покойную.

Женщина усадила Полуянова на табуретке в кухне, налила чай.

– Я помочь приехал. Помочь вам вызволить Кристину. У меня есть друзья среди сотрудников МВД. Расскажите мне еще раз, что происходило, и как можно подробнее.

Но в этот момент дверь квартиры без стука, без звонка распахнулась, и вошла женщина, которую видно было прямо из кухни: дама-гора с большой сумкой через плечо. Она тяжело, с присвистом дышала.

– Я, Кирилловна, сразу к тебе... – Гостья замерла на пороге кухни, осознав, что увидела постороннего. – Это кто еще? – спросила она бесцеремонно.

– Ромин друг. Из Москвы.

– Чего ему тут надо?

Дима привстал и сдержанно поклонился.

– Дмитрий Полуянов. Хочу, по возможности, помочь Любви Кирилловне.

– А сам кто таков? – подозрительно произнесла женщина. Обратилась к Роминой маме: – Ты, Люба, документы у него посмотри!

– Перестань, Клавдия! – вмешалась хозяйка. – Что я, в людях не разбираюсь?

– Ты разбираешься! – усмехнулась дама-гора. – Смотри, чтобы не облапошил он тебя! Как в тот раз, когда две цыганки из собеса

приходили!

– Ладно, Клава, прекратим этот разговор! Неудобно, честное слово.

– Я чего к тебе пришла-то? Письмо мы получили. Из Москвы. На твое имя. Ускоренное. Срочная доставка. Вот, я тебе его вручаю.

Вошедшая дама протянула женщине конверт, с огромным любопытством вглядываясь одновременно своими заплывшими глазками в ее лицо, стараясь ни движения не упустить и все досконально запомнить из возможной реакции.

Реакция, видимо, была ожидаемая, но недостаточно ярко выраженная, потому что на челе гостьи мелькнуло мгновенное разочарование, которое, впрочем, немедленно сменилось предвкушением дальнейших волнительных событий.

– От Ромы! – ахнула Любовь Кирилловна и побледнела. Она всматривалась в конверт. – И почерк его.

На мгновение, видимо, показалось ей, что на самом деле ее сын жив-здоров, о чем ей и сообщает.

– Минутку.

Полуянов забрал из рук хозяйки конверт. Она не сопротивлялась. Он проговорил, ни к кому в отдельности не обращаясь, просто подал реплику в сторону:

– На конверте уже полно всяких посторонних отпечатков, ничего тут сделать нельзя. А вот с письмом надо быть осторожным. Есть у вас перчатки, желательно резиновые? И ножницы?

– Вы думаете вскрыть?

– Есть другие предложения?

Любовь Кирилловна, даром что была в состоянии стресса, понимала все с полуслова. Протиснувшись мимо туши почтальонши, она исчезла в комнате, а спустя полминуты вернулась с ножницами и резиновыми перчатками. Дима, хоть и было это бесполезно, держал письмецо за ребра и чувствовал, что там не бумага, а что-то твердое, плоское. Отложив депешу, надел перчатки, а потом осторожно вскрыл конверт и вытащил из него ди-ви-ди-диск. Женщины, особенно Клавдия, глядели на него во все глаза. Кроме диска, внутри ничего не оказалось.

* * *

Супружеская жизнь – она такая. Вместе бывает тесно, а врозь довольно быстро становится скучно. Первый день после отъезда Димы Надю радовало одиночество, внезапно увеличившаяся в размерах квартира и возможность не следить за собой, спокойненько усесться у телевизора и посмотреть не ту передачу, что выбрал Дима, а ту, что хотелось ей. Пусть пошлую, пусть низкопробную и рассчитанную на глупых деревенских теток (как утверждал Полуянов), но – свою. И пару конфет шоколадных прихватить из вазочки – ничего, от тридцати граммов шоколада авось не потолстеет!

Однако уже на второй день наслаждаться свободой надоело, мозг устал от глупых телевизионных передач и начал требовать более достойной пищи. Да и Диме хотелось помочь. Поэтому Надины мысли невольно начали возвращаться к Роману, столь дурацки, нелепо погибшему (жалко ведь!), и к людям, которые, быть может, замешаны в его смерти.

После того как Надя вспомнила в последний вечер с Полуяновым, что Ирина Коврова, посетительница читального зала, упоминала при ней фамилию Гречишниковых и что именно из ее книги вывалился листочек с надписью: «Ненавижу!», она решила спросить у женщины обо всем напрямик. Возможно, это был не лучший подход. Возможно, будь на месте Надежды дама иного склада – какая-нибудь интриганка! – она бы придумала для того, чтобы выманить правду, какой-нибудь хитрый ход. Однако Митрофанова давно поняла, что строить козни и мутить воду – не ее стезя. Пусть другие ловчат, придуриваются и подкапываются. Она, если за что-то сражается, будет воевать с открытым забралом – пусть такой способ далеко не всегда эффективен, зато он тоже может порой принести результат. Коснешься щекотливой темы в лоб, и сразу сможешь увидеть на лице собеседника волнение, растерянность, трепетание. И понять, соврал он в ответ или сказал чистую правду.

Вот только перед предстоящим разговором Надя трепетала сама. После того как она твердо решила, что спросит Ирину Андреевну о происходящем, пришлось ждать.

Как назло, с утра Коврова в библиотеке не появлялась. А когда она вдруг возникла в читальном зале, Надежда испугалась сама, да так, что из-за бешено стучавшего сердца, колотья в висках и перехватившего дыхания не смогла бы вопрос с подвохом толком задать, не говоря уж о том, чтобы отследить реакцию Ирины.

Девушке пришлось встать и уйти за полки, а там, чуть ли не в буквальном смысле силком, собраться с духом – похлопать самое себя по щекам, встряхнуть за плечи, а потом глубоко подышать по йоговской системе: на шесть счетов вдох, на столько же – задержка дыхания, на шесть счетов выдох.

Успокоившись и придя в относительную норму, Надежда снова выдвинулась в район выдачи, и очень удачно: как раз оказалась один на один с Ириной, никаких свидетелей вокруг, ни со стороны читателей, ни из команды библиотекарей.

Лицо у Ковровой было бледное и нахмуренное, но мало ли почему она могла быть далека от своей лучшей формы? Наде вдруг пришло в голову, что она совсем мало знает об Ирине: есть ли у нее муж и кто он, а если нет, то имеется ли друг? Есть ли дети и если да, то сколько их и какого они возраста? Какой институт она заканчивала и как любит проводить свободное время? Вспоминались разве случайные мелочи, вроде той записки ненависти в книге. Но разве можно на подобных пустяках строить обвинение?

– Добрый день, Ирина Андреевна, – лучезарно, в стиле торговых агентов, поприветствовала читательницу Митрофанова.

– Здравствуйте, Надя, – откликнулась та.

– Как ваши дела?

– Ничего, спасибо.

– Какое ужасное событие, слышали? – произнесла Надежда заранее заготовленную фразу.

– А что такое?

– Как? Вы не знаете? Убили Романа Черепанова.

Лицо Ирины – Надя внимательно следила за реакцией – слегка дернулось и тут же закаменело.

– Да, я в курсе, – проговорила она без выражения.

– Ужасно, правда? Такой молодой, красивый! Помните, я вам рассказывала – я была с ним знакома. Он был таким милым, таким умным. Столько знал всего! Однажды мы с ним даже ходили в театр.

В Большой, вы еще тогда упрекали меня? Говорили, что Дима может обидеться?

Ирина Андреевна поморщилась, словно от неприятных воспоминаний.

– А вы Рому лично знали? – не отставала Митрофанова.

– К счастью, нет, – отрезала Коврова.

– Почему же к счастью? – наивно спросила Надя.

Читательница стала неловко выкручиваться:

– Я имела в виду: если бы я была с ним знакома, меня очень огорчило бы известие о его гибели. А на нет и суда нет, правда? То есть жалко, конечно, что человек ни за что пропал, но это ведь не мое дело, правда?

Женщина довольно нервно провела кончиком языка по своим губам, и Надежда заметила себе: читательнице есть что скрывать.

– Но вы, по-моему, Ирина Андреевна, лично знали как раз того человека, который Романа убил? – Митрофанова продолжала, играя в простушку, задавать неловкие для Ковровой вопросы.

Лицо женщины передернулось во второй раз.

– Что вы имеете в виду? – переспросила она, явно выигрывая время.

– Вы мне сами говорили, – на голубом глазу пояснила Надежда, – что общались с Юрой Гречишниковым, сыном олигарха. А это ведь он застрелил Романа! Тоже ужас, правда? Каково ему?!

– Да, неприятная история, – согласилась Коврова. Разговор совершенно точно не доставлял ей ни малейшего удовольствия. А Надя, замечая это, стала испытывать даже определенное удовольствие, сродни садистскому. «Может, во мне великая следовательница умирает?» – мимолетно подумала она и продолжила давить подозреваемой на больную мозоль.

– В газетах пишут, младший Гречишников убил Романа случайно, приняв его за грабителя. А вы как думаете? Это была случайность? Или спланированная акция?

– Кем спланированная? – вдруг взяла тоном выше Ирина Андреевна, и лексика тоже изменилась, сделалась более присталой не доктору наук, а торговке. – Как это – спланированная? Один дурак вдруг зачем-то полез в особняк к другому среди ночи. Думал ограбить по-тихому. А тот вдруг оказался дома, схватил ружье да выстрелил.

Кто тут что мог спланировать?! Ах, Надя, я вас умоляю, не повторяйте бабьих сплетен!

– А откуда вы знаете, что младший Гречишников оказался дома неожиданно?

– Да потому что я знакома с ним! И знала про его планы! И то, что он должен был отдыхать с семьей на Бали, но вдруг приехал в Москву буквально на пару дней, на одно выступление, концерт в посольстве.

Кто его знает, почему сердилась Коврова: то ли из-за чрезмерного любопытства Нади и ее неловких вопросов, то ли и впрямь была замешана в эту историю?

«Сейчас узнаем», – подумала Митрофанова и сказала:

– Я вот вам одну вещь хочу показать.

Она взяла со своего стола лежавшую до поры лицом книзу ксерокопию записки из книги, читанной некогда ее теперешней собеседницей. Там было одно слово Ириным почерком: «Ненавижу!»

Надежда протянула бумагу поверх конторки Ковровой.

– Что это? – отпрянула Ирина.

– Это из вашей книги. Той, что вы читали. Энгель, «Очерки по истории музыки». Почерк, по-моему, ваш – нет?

Коврова взяла бумажку в руки. Лицо ее покраснело.

– Положим, мой. А может, и нет. И что все это значит?

– А я это у вас хотела спросить! – с почти октябрятскими невинностью и задором спросила Надя.

– Мне нечего вам сказать, – почти сердито отвечала Ирина. – Давайте не будем тратить время – мое и ваше. Вот мои требования. Будьте любезны заказать.

Отходя от конторки, госпожа Коврова очевидно пребывала не в духе. «Ну, и что это доказывает?» – подумала Надя.

* * *

В то же самое время в городе Малинове Дима разговаривал с мамой погибшего Романа и забредшей на огонек необъятной почтальоншей.

– У вас есть ди-ви-ди-проигрыватель? – спросил спецкор.

Почтальонша сориентировалась первая:

– Есть у нее! Ромка, покойник, и купил.

На глазах матери актера тут же выступили слезы.

– Спасибо, – сдержанным тоном ответил Полужанов Клавдии.

Встал, подхватил необъятную женщину за локоток, молвил: – Благодарю вас за помощь и не смею больше задерживать.

Ох, не хотелось ей уходить, но Дима выбора не оставил, услужливо проводил к выходу.

А когда вернулся в комнату, увидел, что Любовь Кирилловна снова плачет. Потому что телевизор уже был включен, на экране – бледнело лицо Романа. И обращался он к своей матери.

* * *

– Дорогая мама! Дорогая моя Кристиночка! Прости меня, сестренка! Прости меня, милая! Я надеюсь, что у тебя все будет хорошо и скоро ты окажешься дома. Мама, Кристиночка! Если вы смотрите этот ролик, значит, меня уже нет... (мама снова захлюпала) или я под арестом. Или нахожусь в бессознательном состоянии. Во всяком случае, значит, я не смог уничтожить диск с письмом, и его отправили вам. Это мой последний шанс оправдаться, и поэтому я бы очень хотел, чтобы вы знали правду.

Рома помолчал. Видно было, что актер собирается с мыслями.

– Началось все с того, что я потерял крупную сумму денег, – признался в камеру он. – Потерял по собственной глупости. Я... я... творческому человеку иногда нужно полностью выключиться из реальности, расслабиться, и я не удержался. Проиграл деньги в казино. Да, мама, я был виноват, но я сделал все, что мог, только бы решить проблему. Но друзей, кто бы мне помог, не нашлось, а бизнес, который я затеял, чтобы поправить свои дела, потерпел крах.

Рома в стиле трагического героя, признающего поражение, склонил голову.

– Бедный мой мальчик, – горестно молвила Любовь Кирилловна.

Дима, конечно, знал, что бизнес Романа являлся чистой воды аферой, но объяснять матери, разумеется, не стал.

– Честно скажу: я просто не знал, что предпринять, – продолжал исповедоваться артист. – После того, как мои кредиторы похитили

Крестину, я чувствовал себя доведенным до отчаяния. И когда мне предложили решить все мои проблемы единым махом, я согласился. Мама, я никогда не пошел бы на преступление ради себя. Но чтобы спасти Крестину, я готов был на все. Знай: я пошел, как говорится, на дело, потому что просто не видел иного выхода. С волками жить – по-волчьи выть.

Артист выдержал паузу, помолчал.

– Однако, если вы смотрите эту запись, значит, что-то пошло не так, как планировалось. Что-то не задалось. Я решил: если все будет нормально, я уничтожу этот диск с записью, как только вернусь с дела. Будем надеяться, что так оно и вышло, и мои слова здесь – просто страховка, для чего, не знаю. Но если со мной что-то случится, я хочу, чтобы вы понимали мои мотивы. И знали правду. Так вот, хочу сказать вам: я пошел на ограбление особняка Гречишниковых просто потому, что страшно нуждался в деньгах. А вдохновила меня на это преступление моя любовница. Зовут ее, – актер выдержал паузу, как если бы произносил имя всем известного человека, – Елена Евгеньевна Постникова. Она – продюсер на телевидении, если кто не знает. Большой человек.

Дима, впрочем, если и слышал эту фамилию, то вскользь, краешком – слишком далеко крутилась его собственная жизнь от этих сфер.

Черепанов печально усмехнулся. Добавил:

– И еще: я любил Елену. Наверное, люблю и сейчас.

На глаза Романа навернулась слеза, и он быстро, по-мужски, стряхнул ее согнутым пальцем.

Его мать, здесь и сейчас, по эту сторону экрана, плакала навзрыд. А Полуянов уже набирал в поисковой строке смартфона: «Елена Постникова», и через минуту Всемирная паутина уже выдала фотографию: властная, холеная, ухоженная женщина, на вид лет тридцати семи (значит, решил журналист, всех пятидесяти). Описание ее достижений тоже имелось, но их Дима приберег на потом. Сейчас главным было дослушать, что произошло между ней и Романом по версии последнего.

– Я не знаю, почему вдруг Елена дала мне эту наводку. Не знаю, зачем ей это было нужно. Она ведь совсем не похожа на человека, близкого к мафии или какой-либо преступной организации. Может, она

хотела меня спасти – а может, утопить. Кто его знает! Может, пожалела меня. А может, хотела таким образом сберечь свою квартиру, которую она подарила мне и которую я хотел продать, чтобы выкупить мою Кристиночку. Или у нее были какие-то счета с семьей Гречишниковых, которым она моими руками хотела за что-то отомстить. Представления не имею! Так или иначе, она рассказала мне про дом бизнесмена, где он находится и чем в нем можно поживиться. Елена заверила меня, что точно знает: охранной сигнализации в особняке нет. И подробно объяснила мне, где именно хранятся драгоценности, деньги, скрипка работы Страдивари – ей владел сын олигарха, молодой музыкант. Не знаю, как я буду потом реализовывать Страдивари, – вымученно улыбнулся актер, – но, думаю, что достаточно будет вместо пяти миллионов долларов выставить ее на продажу за сумму, в пять раз меньшую, и дело в шляпе. Ограбление – совсем не мое амплуа, но иного выхода я не вижу. Итак, сегодня вечером я попробую себя в другом качестве – вора. Роль Мекки-ножа в моем творческом багаже уже есть, – через силу усмехнулся Роман, – будет и роль домушника. Хотя сейчас все происходит не шутя. Игра идет всерьез. И, ради бога, я вас умоляю, не надо оваций.

Не удержался под конец от эффектной фразы актер! Запись замерла стоп-кадром. Любовь Кирилловна уткнулась лицом в свои руки и заревела совсем же отчаянно. Дима не стал ее утешать. Он поднялся на ноги, подошел к окну и перелистал в своем телефоне справочную информацию о Елене Постниковой, которая за чем-то (если верить покойному актеру) стала наводчицей квартирной кражи.

Дата рождения, как водится среди женщин, занятых творчеством, у продюсерши не значилась. Однако, если оперировать другими фактами ее биографии, возраст легко было установить: и впрямь, за пятьдесят. «В 1983 году закончила театроведческий факультет ГИТИСа (ныне РАТИ). В том же году поступила на работу на Центральное телевидение, в Главную редакцию для детей и молодежи». Далее приводился впечатляющий список телепроектов, в которых принимала участие Постникова. Там значились и ток-шоу, и сериалы, и громкие документальные ленты. Говорилось, что Елена – лауреат четырех премий ТЭФИ (1998, 2002, 2006 и 2011 годы). О личной жизни упоминалось чрезвычайно скупое: разведена, имеет взрослую дочь.

По меньшей мере странно было, что такой человек вдруг выступает в роли наводчика квартирной кражи. Наверняка за этим что-то стояло. Какая-то подстава, мухлеж, игра. На миг даже странная мысль посетила Полуянова: а вдруг убийство актера – лишь часть *постановочного, телевизионного* шоу, в котором что-то вдруг разладилось, пошло не так?

Но смерть оказалась не киношной – вот она тут, мать погибшего, оплакивает его, убежала в ванную.

«Как бы то ни было, – сам себе сказал Полуянов, – вряд ли Постникова обрадует, если последнее выступление Романа появится в Интернете в открытом доступе. Или пуще того – в эфире канала-конкурента».

* * *

Когда Любовь Кирилловна, умывшись, вернулась из ванной, Полуянов спросил:

– Вы позволите мне сделать копию обращения Романа?

– Зачем? – насторожилась женщина.

– Я вам обещаю: я не буду эту запись нигде использовать. Я не сделаю вам и вашей семье ничего плохого. Я хочу попытаться помочь, помочь Кристине. Вы доверяете мне?

Любовь Кирилловна отвела глаза, но промолвила: «Да».

Как и всюду в поездках, в квартиру Черепановых Дима захватил с собой ноутбук. Через пять минут копия посмертного обращения Романа заняла место среди рабочих файлов журналиста.

Вскоре он распрощался с безутешной матерью. Напоследок сказал:

– Я должен вернуться в Москву, потому что хочу помочь вашей дочке. Смогу ли, нет – не знаю. Но сделаю все, от меня зависящее!

* * *

Технический прогресс дал нынче возможность работать журналисту где угодно. Даже в номере провинциальной гостиницы – были бы под рукой смартфон, модем, ноутбук. Вот и Дима, памятуя, как ехал, не спавши, в Малинов, теперь решил отправиться в Москву, напротив, утром, засветло. А оставшийся в распоряжении малиновский вечер посвятить осмыслению накопленного материала и подготовке будущих встреч.

Телефон продюсерского центра «Первая линия», где заправляла Постникова, Полуянов разыскал в Интернете без труда. Время, правда, близилось к восьми вечера, но телевизионщики, Дима знал, редко когда озабочивались КЗоТом и любили трудиться по ночам. Шанс застать Елену Евгеньевну на рабочем месте был.

Полуянов набрал номер.

– Приемная Постниковой, – отрепетированно доложила секретарша, – чем могу помочь?

– Могу я поговорить с Еленой Евгеньевной? – с места в карьер начал журналист. – Это Дмитрий Полуянов, спецкор «Молодежных вестей». – Название бывшего места работы должно подействовать.

– Боюсь, сейчас она занята, – сразу отсекала его телефонная барышня. – А вы по какому вопросу?

– Вы передайте вашей руководительнице, что у меня есть предсмертная записка артиста Романа Черепанова, в которой он упоминает ее имя. Если я не получу комментария Елены Евгеньевны, я обнародую ее.

Блеф, дважды блеф. Он не собирался предавать гласности последнюю запись Романа. И матери покойного он только что обещал не делать этого. Но ведь Постникова об этом не ведала, правда?

Ловушка сработала. Его соединили. Голос продюсерши – он звучал устало и снисходительно, будто одним тем, что взяла трубку, она оказывала журналисту бог весть какое одолжение.

Дима повторил то же, что говорил секретарше: у него есть последняя запись Романа, там звучит ее, телевизионщицы, имя. Журналисту нужно получить от Елены Евгеньевны комментарий для самого себя общего понимания ситуации – не для печати или обнародования.

– Глупая история, – сердито заявила Постникова. – Мало ли что мог наговорить убитый?! Хорошо, приезжайте в телецентр. Можете

прямо сейчас.

– Я сейчас не в Москве, а дома у Романа в Малинове. Давайте завтра, в двенадцать, – условился Полуянов.

Потом он позвонил Надежде. Та уже была дома. Он сказал, что возвращается завтра домой, она неприкрыто обрадовалась, и Диме была приятна ее радость. Потом подруга рассказала ему о библиотечном разговоре с Ириной Ковровой и припечатала своим резюме:

– Может, она и не хотела, чтобы Романа убили. Но я уверена: не случайно он полез именно к Гречишниковым. Коврова здесь, по моему, замешана.

– А не упоминала ли она при тебе когда-нибудь имя Постниковой, продюсерши с телевидения?

– А кто это? – в женском стиле, вопросом на вопрос, ответила Надя.

– А это, – не без удовольствия пояснил журналист, – престарелая любовница твоего Ромы. Ведь ты же ему взаимностью не ответила, – не удержался, уколол он, – вот ему и приходилось довольствоваться старушкой. Или ты все-таки ему ответила?

– Фу, дурак! – возмутилась девушка. – Разве можно так цинично о покойнике?!

– А мы, журналисты, вообще циничные ребята, – залихватски пояснил Дима и добавил: – Но ты, главное, все-таки вспомни: не слышала ли имя Елены Постниковой? От самого Ромы, от Ковровой, еще от кого-нибудь?

– Хорошо, я подумаю, – холодно ответствовала Надя. Конец разговора из-за Диминой якобы ревности, а точнее, глупой болтовни оказался смазан.

Однако ему недосуг было предаваться самоедству по поводу собственной несдержанности и отношений с Митрофановой. Он уже чувствовал столь знакомый репортеру зуд, когда расследование вырубивало на финишную прямую и оставалось лишь несколько частичек пазла добавить в нужные ячейки, и скоро тот соединится, и сложится цельная картина происшедшего: как, что и, главное, почему случилось.

Состояние было сродни писательскому вдохновению, когда слова льются из ниоткуда и сами собой встают на нужные места. Так и

сейчас: люди и события в его воображении сцеплялись между собой прихотливо, причудливо, повинуюсь движениям подсознания. Почему-то вдруг возникла отчетливая мысль, что Ирина Коврова, семейка Гречишниковых и продюсерша Елена Постникова точно связаны между собой; но как и чем, этого Дима не знал и не понимал. И вообще, бедный Рома почему-то показался ему вдруг мушкой, муравьишкой, который попался в хорошо расставленные, всеобъемлющие сети. Отчего-то вспомнилось, с какого эпизода начались неприятности неудачливого соперника: итальянская экологическая ферма, ее хозяйка Луиза, Ромина пьянка, закончившаяся полицией...

«Интересно бы разузнать, – мелькнула мысль, – а где потом проигрался Роман? Азартные игры нынче в стране запрещены, значит, сам его проигрыш, даже без последующего похищения Кристины, получается – чистый криминал».

Руководствуясь внезапным наитием, Полуянов забил в поисковой строке браузера одну за другой пять фамилий: сначала – Черепанов, Гречишников (его убийца), Постникова (его любовница). А потом еще добавил имя Иры Ковровой и руководительницы эколагеря на озере Комо, Луизы Симоновой-Ланселотти.

Поодиночке ссылок оказалось множество: отдельно и на Черепанова, и на Гречишниковых (особенно в последнее время, в связи с убийством), и на продюсершу Постникову. Однако вместе фамилии, кроме как пары Черепанов – Гречишников, возникшие исключительно из-за убийства, не сходились. А ежели и сходились, были не нужными ему Гречишниковыми или Черепановыми, а другими, однофамильцами.

Дима повторил поиск еще раз, на другом поисковике. Ничего. Затем – в третий раз, на третьем. Опять мимо. И, наконец, руководствуясь неожиданным озарением, записал фамилии действующих лиц латиницей. И вдруг, о чудо, поисковик возвестил: найдено одно совпадение.

На сайте «Фотоальбома», на аккаунте Luisa Lanselotti вдруг нашлись сразу две фамилии: сама итальянская гражданка Lanselotti, а также Irina Kovrova. Впрочем, на фотографии, сделанной, судя по всему, лет двадцать назад – черно-белой, неважного качества, отсканированной и наверняка офотошопленной, – присутствовали три

персоны. В первой без труда угадывалась молодая Луиза, вторая была подписана как Irina. Третьей значилась нигде ранее в полуяновском расследовании не засвеченная Tatiana Shevel'kova. Все три девушки на фото были молоды, прекрасны, веселы и одеты по моде начала девяностых: варенки, пластиковые клипсы, свитера с геометрическими узорами.

«My two best friends^[11]!» – представляла девушек госпожа Ланселотти.

«Это что же получается?» – озадаченно пробормотал Полуянов.

Одна из подружек – Луиза – портит незадачливому актеру Черепанову кровь в Италии.

Вторая – отправляет его на верную гибель в особняк Гречишниковых.

Интересно, была ли в этом спектакле роль у третьей?

Дима всмотрелся в лицо той, которую звали Татьяной. Улыбка – беззаботная, но взгляд – умный и цепкий.

Чем ей – да и всей троице – мог насолить молодой актер Черепанов?!

Почему бы не спросить об этом у одной из участниц трио – Луизы? Зря он, что ли, кадрился к старушке, когда отдыхал на Комо. Да и та, кажется, от Полуянова млела.

Плевать, какой счет ему придется оплачивать за звонок из российского Малинова на берега итальянского озера. Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец. Дима в очередной раз открыл свой поминальник, набрал предусмотрительно записанный при расставании номер синьоры Ланселотти.

Телефон не отвечал. Кто его знает, может, и впрямь занята, или не слышит (и тогда после перезвонит). Или просто не хочет отвечать на неудобные вопросы журналиста (и даже выслушивать их). В любом случае, всю правду о том, что связывает Луизу с гражданками Ковровой и Шевельковой, он вряд ли услышит.

* * *

Таня Шевелькова ушла из казино «Византия» после того, как ей в лицо швырнули бокалом с виски. Хотя Максим, тогдашний приятель, коллега и мимолетный любовник, пытался ее остановить:

– Танька! Чего с ума сходишь? Чего тебе еще надо? Ситуацию ведь урегулировали! Клиент штраф заплатил. Отпуск тебе шеф за моральный ущерб обещал! Царапину в лучшей клинике зашили!

Но остановить подругу не смог.

– Не могу, Макс, я больше, – призналась она. – Все эти рожи видеть. Боюсь: сама очень скоро в кого-нибудь бокалом запущу. А это, сам понимаешь...

Макс понимал. Правила гласили, что сотрудники казино даже в ответ на «суку» должны лишь вежливо улыбаться. Свежи были воспоминания о случае, когда одна из молоденьких дилерш не удержалась, послала разошедшегося клиента на три буквы – мало того, что девушку уволили, еще и в черные списки внесли.

– Но в стране черт-те что творится! У соседки вон по подъезду недавно голодный обморок был, сам видел. А тут хотя бы деньги хорошие платят! – Парень предпринял последнюю попытку убедить подругу.

– Плевать, – гордо отозвалась та. – Диплом есть, английский знаю. Устроюсь куда-нибудь.

– Да кому ты, такая честная, нужна! – вздохнул Макс.

Танька со своей порядочностью была несносной. Клиент ошибется, кинет ей на чай вместо полтинника пятисотдолларовую фишку – всегда возвращает. А однажды Макс еле ее отговорил шум поднимать – из-за того, что у них в казино рулетка «заряжена».

...И как в воду Макс глядел: из инофирмы, куда было устроилась Таня, ее быстро выжили, из коммерческого банка – сбежала сама после того, как шеф потребовал «горячей любви». Пришлось идти училкой в среднюю школу.

Платили там в конце девяностых совершеннейшие копейки, у Макса (он продолжал работать в казино) просто сердце кровью обливалось, когда заглядывал в гости, острым взглядом дилера подмечал: аккуратно заштопанные Танечкины колготки, ее потухший, усталый взгляд.

Много раз уговаривал:

– Возвращайся! У нас сейчас получше стало, если клиенты совсем борзеют, охрана выводит.

– А если *чуть-чуть* борзеют? – улыбалась Таня.

– Слушай, ты барышня кисейная, что ли? Можно подумать, тебе в троллейбусе не хмят или в поликлинике?

Но в казино Таня так и не вернулась. Да и с Максом их пути разошлись.

Таня встретила свою любовь, вышла замуж, родила ребенка, развелась. Продолжала работать в школе.

А Макс отрубил в казино вплоть до июля 2009-го. Когда шли разговоры, что игорные заведения в стране запретят, надеялся: пустая болтовня. Пролоббировать казиношная братия закон, чтобы хотя бы ВИП-казино при дорогих гостиницах оставили. Да, большая часть заведений позакрывается, и молодые дилеры с работы полетят, но ему, опытному, с безупречной репутацией, ничего не грозило. Даже в условиях дефицита рабочих мест с руками оторвут.

Однако не вышло у рулеточной мафии официальные казино сохранить. А игорные зоны, последняя надежда, тоже оказались фикцией. Не бросать же ему Москву, не ехать в единственный оставшийся игорный дом, затерянный где-то в полях под Ростовом?

Когда работа его закончилась, попытался Макс себя где-то еще найти. Но не задалось. Поздно идти в установщики кондиционеров или начинать карьеру автослесаря, когда тебе уже сорок. Потыркался туда, сюда – и вернулся, в конце концов, чтобы трудиться по профилю. Пригласили дилером в подпольное заведение. Да, конечно – риск. Зато зарплата стала даже больше.

Танечка, подруга молодых лет (а связи они не потеряли, продолжали, пусть раз в год, но видеться), правда, попеняла, зря он согласился. «Мало, что работаешь на мафию, еще ни КЗоТа, ни пенсии».

Но Макс лишь усмехался:

– Можно подумать, ты в своей школе много на старость накопишь.

– Но неужели тебе не надоело двадцать лет уже кряду картами по столу шлепать? – не сдавалась Татьяна.

– Каждый зарабатывает, как может, – отбивался Макс. – К тому же у нас теперь прогрессивная оплата. Чем больше клиент проиграл, тем

выше премия. А я, ты помнишь, всегда «разводил» хорошо. Сейчас вообще совершенства достиг. – Подбоченился: – Один воруго у меня за столом недавно сто зеленых штук просадил! Пять из них – мне. А если сам в казино клиента привожу – еще круче. Получаю десять процентов от его проигрыша.

– Рискуешь ты! – вздохнула Таня.

А он мимолетно взглянул в ее лицо *женщины средних лет* (потухшие глаза, четко проступившие носогубные складки), вспомнил молодую, веселую дилершу (какой она была когда-то) и подумал: лучше уже прожигать жизнь, как он, чем киснуть, как она.

...Звонила ему Таня теперь все реже и реже, Макс даже решил – боится с ним, *соучастником криминального бизнеса*, дело иметь.

И когда вдруг предложила ему давняя боевая подруга развести на хорошие бабки богатенького клиента, удивился чрезвычайно.

Только спросил:

– Кто он тебе?

– Я его даже не видела, – призналась Таня.

– Но зачем тогда?

– Попросили, – коротко отозвалась она.

Что ж! Макс по своим каналам выяснил, что кое-какая собственность в единоличном пользовании у парня имеется (это было для казино обязательным условием, чтобы начать *работать* против человека), и отказываться от предложения не стал.

* * *

Дима поставил будильник на шесть. В номере было холодно, за окнами – темно. Совсем осень, когда природное тепло уже ушло, а рукотворное, в батарее, еще не доставлялось. Для того чтобы вылезти из-под одеяла, потребовалось сделать над собой усилие. И еще одно – чтобы загнать себя под душ.

«Зачем мне только все это? – ворчал журналист на самого себя. – Встаю чуть свет, тащусь куда-то. Добро бы ради славы или денег. Или во имя любви. А тут? Свои рубли за гостиницу башляю, и совершенно неизвестно, получится в итоге материал или нет. А даже если текст удастся – кто и когда его напечатает?»

Раньше-то Дима самонадеянно утверждал, что не пишет «в стол» принципиально. Все, что выходило из-под его пера (кроме разве что стихов, что кропал он подростком), обязательно публиковалось. Но предательство главного редактора «Молодежных вестей» несколько поколебало его высокую самооценку. Один его материал не напечатали с ходу по соображениям политическим, вдруг и с новой статьей окажется что-то не так?!

Полуянов сам себе напоминал в тот момент старую рабочую лошадь, которая ходит, как заведенная, по кругу. Вращает, по привычке, жернова, вне зависимости от того, мелют ли эти жернова драгоценную пшеницу или крутятся вхолостую.

Впрочем, контрастный душ, попеременно горячий и ледяной, вернул репортеру жизненный тонус и радостное мировосприятие. Затем последовало бритье – ванную наполняли клубы пара, сквозь него в облупленном зеркале едва проступала физиономия, орудовать лезвием приходилось едва ли не на ощупь. Чтобы бриться в таких условиях, требовались сосредоточенность и твердая рука. Зато мозг сразу проснулся – после утренних процедур из ванной выходил уже совсем другой Дима, в ладу со своим телом, своим делом и своей жизнью, бодрый и готовый к приключениям.

На улице меж тем светало. Люди выходили из подъездов, спешили к остановкам маршруток, прогревали движки своих авто. Вот и наш герой, получалось, трудился нынче, как сказал поэт, со всеми сообща и заодно с правопорядком. Он уселся в свою «Тойоту», нажал на навигаторе блаженное слово «Домой», и когда голос механической девушки возвестил: «Маршрут построен», – порулил к выезду из города Малинова.

Спустя минут двадцать он уже выехал на трассу. Его поразило, какое количество машин с местными номерами спешат по направлению к Москве. Неужели все эти люди каждый день отправляются на заработки в столицу?! Белокаменная, словно гигантская, дышащая, живая машина затягивала в свою орбиту, засасывала в свои движущие части все больше и больше окрестных мотыльков.

На выезде из города Полуянов остановился на заправке. Он еще помнил времена, когда приходилось заправляться ворованным советским горючим из грязных бензовозов на обочине, и потому

почитал современные сетевые колонки едва ли не чудом, чуть ли не самым существенным доказательством нашего расейского продвижения на пути к цивилизации.

В торговом зале пахло кофе и булочками, журчала музычка и принимались кредитные карточки. Настоящий оазис вознесся пышно, горделиво из топи болот. Ничем почти заправка не отличалась от своих собратьев по Европе или Америке, разве что напоказ маячило хмурое рыло охранника да в туалете царил неистребимый посконный запах.

Дима залил полный бак, взял с собой в дорогу горячего кофе, минералки и круассанов. Снова выехал на хайвэй и позвонил Надежде – она как раз собиралась на работу. От того, что они не виделись пару дней (и ночей), он почувствовал по отношению к подруге нежность, и даже подумал с раскаянием: «Пора бы уж нам и пожениться, что это я все девушку мурыжу, она ведь, бедняжка, наверное, ждет». И в трубку сказал ласково:

– Доброе утро, зайнька. Я мчусь к тебе.

– Скорей бы уж! Знаешь, как ночью одной дома страшно?!

– А мне не страшно в гостинице было, но холодно.

Впрочем, лирический момент быстро закончился, едва только заговорили о деле.

– Ты мне не можешь дать телефон твоей Ирины Андреевны Ковровой? – попросил журналист.

– Где я тебе его возьму?! – нахмурилась Митрофанова.

– Узнай. Пожалуйста. И адрес тоже. У вас ведь, когда в библиотеку записываются, наверное, заполняют анкеты или эти, как их, читательские билеты. Она мне очень нужна!

– Что же ты так стараешься прицепить мою Иру к своему делу! – воскликнула Надя.

– Да потому, что я чувствую – она сама к нему прицепилась. А ты разве так не думаешь?

– Возможно. Хорошо, постараюсь узнать ее координаты. Ты ведь, если тебе что понадобится, с живой не слезешь. Только, пожалуйста, обо мне ей ни слова. Не хочу, чтобы ты и меня впутывал.

– Договорились. Звони мне сразу, как узнаешь.

Ближе к столице движение становилось все плотнее и плотнее, пока наконец не уткнулось в одну большую пробку. На карте смартфона все въезды в Белокаменную оказались помечены красным.

Гуще всего этот цвет разливался на Димином пути, и тогда журналист свернул на Большую бетонку, рассчитывая сделать по ней крюк и въехать в город ближе к телецентру, по Осташковскому или Дмитровскому шоссе.

Ехать было скучно, нарочито бодрые утренние шоу, которые звучали по радио, быстро начали раздражать. Дима выключил приемник и задумался. Мысли плавно пробежались от обстоятельств убийства Романа к его прощальному посланию. Перескочили на отношения актера с его пожилой любовницей, а дальше – к загадочной троице девушек. Луиза – Ира – Таня. Как, интересно, они познакомились? Что их связало тогда, двадцать лет назад? Что связывает сейчас?

* * *

1993 год, Ира

Угроздило родителей заиметь квартиру на рынке!

Хотя кто мог, в 1972 году, когда въезжали в долгожданный кооператив, даже представить, как все обернется! Все здесь тогда было по-другому – молодая, типичная московская окраина. Новенькие многоэтажки, детские площадки, только что посаженные деревья, а напротив их дома – секретный НИИ (поговаривали, что работают там над химическим оружием, но деталей никто не знал).

Едва повеяло новыми временами, жизнь в районе стала стремительно меняться. Институт зачах, интеллигентного вида научных сотрудников поувольняли. Зато небольшой рыночек, который располагался возле метро, начал бурно развиваться.

Сначала Ирочке – в ту пору студентке – перемены нравились. В магазинах совсем пусто стало, а у них под боком всегда в изобилии и «сникерсы», и дорогушие йогурты «Данон» для торжественных случаев, и куры – хоть окорочка, хоть целиком. А вечерами вокруг рынка пенсионерки, новоявленные предпринимательницы, кучковались. Продавали с деревянных ящичков (самодельных прилавков) пиво и воблу, очень было удобно, когда родители в отъезде, а у Иры друзья собирались.

Но очень скоро рыночная экономика – в те времена категорически нецивилизованная – начала утомлять. Торговцы развели грязь, в округе расплодились крысы. В домике на детской площадке ночевали бомжи, постоянно случались драки, с Ириной мамы, когда шла от метро, сорвали норковую шапку, а в дежурке даже заявление не приняли: «Вы за сегодняшний день уже десятая!»

На рынок ехал народ со всей Москвы, на платформе метро и близлежащих улицах вечно толкучка. Продавцы быстро поняли, что спрос явно превышает предложение, и жульничали по-черному. Ира (хозяйка не слишком опытная) сколько раз накалывалась: то консервы купит безнадежно просроченные, то мясо, с виду приличное, а разморозишь его – совершеннейшая тухлятина. А уж обвешивали юную хозяйку всегда минимум граммов на двести. Окрестные кумушки – те всегда со своим безменом за покупками ходили или перевешивали товар на единственных на весь рынок контрольных весах, Ира же склочничать стеснялась.

Ей посчастливилось – единственный раз! – побывать в Европе, и студентка носилось теперь с идеей: словно в Париже, найти на родном рынке среди торгашей *своего* бакалейщика, мясника или зеленщика. Чтобы продавец улыбался ей, постоянной покупательнице, знал, что она любит, и отрезал лучшие куски. Ведь у нас теперь тоже рыночная экономика, когда ж поймут торгаши, что нужно не за сиюминутной прибылью гнаться, а на будущее работать?!

Но пока ей широко улыбались лишь джигиты. Клятвенно заверяли, что продают «самый лучший арбуз», а дома оказывалось, что наврала, опять незрелый.

– Он же уверял, что шикарный будет! – искренне расстраивалась девушка.

А отец хохотал:

– Слушай, ну нельзя же быть настолько наивной! Продавцы всегда будут обманывать. Что при социализме, что сейчас. Твое дело – не уши развешивать, а за руку схватить.

– Но в Европе все по-другому! – возмущалась Ира.

– Цивилизованные страны, – назидательно заявлял отец. – Нам до их уровня еще лет сто расти, не меньше.

Однажды Ира, бродя по рынку, обратила внимание на двух продавщиц примерно ее возраста. Те работали в конфетной палатке, но

были – удивительно! – стройны, аки тростинки. Девушка поразила силой воли. Если б ее саму, с детства склонную к полноте, допустили к «Птичьему молоку» или «Юбилейным», мигом бы разъелась до размеров бочонка.

Не удержалась, спросила:

– Как вы удерживаетесь, чтобы постоянно конфеты не жевать?

Одна из продавщиц улыбнулась:

– У нас хозяин жлоб, запрещает товар пробовать.

А вторая серьезно добавила:

– Не больше двухсот граммов в день можно съесть. Но мы свою долю покупателям отдаем. Людям же любопытно, что они покупают, вот и просят отведать.

Ира удивилась:

– Как вы определяете, кто покупатель, а кто просто халявщик?

– Я психологию изучаю, – отозвалась серьезная продавщица. – Понимаю, у кого какие намерения. Хотите, кстати, «Столичные» попробовать? Свеженькие, только что привезли.

«Тоже мне, психолог! Я-то как раз не куплю, у меня в кармане одна мелочь осталась!» – усмехнулась про себя Ира.

И пробовать конфетку благородно отказалась:

– Спасибо, я на диете.

Но через пару дней, когда вновь отправилась на рынок, специально сделала крюк, чтобы купить конфет именно у симпатичных девчонок. Те ее узнали. Та, что веселая, заулыбалась:

– Ага! Пришли к нам! Значит, все-таки работает Луизкина психология!

А серьезная доверительно произнесла:

– Сегодня самые свежие – «Золотой петушок». А «Трюфели» – ни в коем случае не берите.

Дома же, когда Ирочка, из любопытства, взвесила конфеты, обнаружила: не обманули продавщицы ее ни на грамм.

Что ж, получилось у нее, выходит, найти *своих продавцов!*

И теперь за сладостями девушка ходила только к своим знакомым. Если очередь у палатки не толпилась, всегда задерживалась поболтать.

Оказалось, что две продавщицы – бывшие одноклассницы и подружки – из умиравшего нынче городка средней полосы:

– У нас завод оборонный был – встал. Ткацкая фабрика – тоже. Больше половины народа вообще без работы. Ну, мы и решили податься в столицу – за лучшей долей, – рассказала ей веселая (звали ее Татьяной).

А серьезная Луиза вздохнула:

– Я в Москву собиралась в институт. Но у меня братья-школьники, сестра младшая в садике, а отец с горя запил. Есть дома нечего. Счастье, что сюда на работу устроиться удалось.

Впрочем, счастье было сомнительное. Ира однажды видела, как на девушек хозяин орет – неприятного вида восточный человек с золотыми перстнями. А потом узнала, в каких условиях молодые продавщицы живут, и вообще пришла в ужас.

...Ира совсем недавно провернула большое дело. Закончила автошколу, быстро – всего со второй попытки! – получила права. И выклянчила у отца доверенность на машину – десятилетний цвета детской неожиданности «жигуленок».

Хранился семейный автомобиль в гаражном кооперативе, машину даже днем во дворе нельзя было оставить – или магнитолу вытащат, или колеса снимут, или, на худой конец, щетки.

От гаража до дома идти надо было мимо рынка. Но если за охраняемыми воротами стоянки девушке казалось безопасно (все вокруг водители, свои!), то путь вдоль торговых точек, пустеющих к ночи, сопрягался со множеством опасностей. Подозрительные личности подходили, клянчили (а то и требовали) денег. Или (даже хуже) – наличные предлагали: «Красавица, пойдем со мной! Пятьсот рублей дам!»

Ира каждый раз шла по гаражам в надежде: вдруг нормальный попутчик, из числа мужчин-соседей, попадется, сопроводит до дома. А как-то встретила на территории обеих знакомых продавщиц, удивилась:

– Вы что тут делаете?

Девушки смутились:

– Так... гуляем.

– Да ладно! – удивилась Ирочка. – Не пустят вас в гаражах гулять, у нас вход строго по пропускам.

– А ты болтать не будешь? – настороженно спросила Луиза.

– Кому?

– Вообще никому, а то выгонят... Живем мы здесь.

– Как? – опешила Ира.

– В виде как бы автотранспорта, – хмыкнула Таня.

Иришка захлопала глазами:

– Но тут ведь холодно! И крысы!

– У нас обогреватель, – объяснила Луиза. – А на крыс мы капканы ставим.

Впрочем, Ира все равно не представляла – неужели можно жить в продуваемом всеми ветрами (между задней стенкой и крышей ощутимая щель), построенном из металлических листов гаражном боксе? Поэтому спросила:

– А можно к вам в гости заглянуть?

– Хозяин не велел никого водить, – нахмурилась Луиза.

– Да ладно, – беспечно хмыкнула Таня, – откуда он узнает? Соседок дома нет!

И продемонстрировали девочки четыре древние койки в помещении три на шесть. Посредине – сколоченный из грубых досок стол. И даже элементы уюта – свисавшая с потолка лампочка оправлена в самодельный абажур, над постелями – плакаты с Юрой Шатуновым и группой «Мираж».

– А где вы одежду храните? – поинтересовалась ошеломленная Ира.

– В чемоданах. Под кроватями.

– А умываетесь как?

– На улице, из термоса. А воду в электрочайнике кипятим.

– Мрак! – приговорила Ира. – Чего вы хотя бы комнату не снимете?

– Жалко. Ползарплаты уйдет, – вздохнула Луиза.

А Ира (весь день сегодня вздыхала, что стипендии ей опять ни на что не хватило и туфли мама ей купила не итальянские, а сомнительной фирмы «Salamand-Ur») малодушно подумала: «Какое счастье, что я хотя бы в своей квартире живу! И мне не надо торговать конфетами!»

В стране, конечно, творилось непонятно что, но они, студенты, жили не так уж плохо. Сохранились еще в Москве бюджетные кафе, сигареты стоили недорого, можно было купить билеты в хорошие театры. В институте всюю торжествовала демократия – отменили

комсомол, ввели свободное посещение лекций и библиотечный (то есть бездельный) день. А у Ирочки еще личное счастье – родители отбыли в командировку, на целый месяц! И пусть компании, что собирались в пустой квартире, часто пировали впроголодь, все равно было легко, беззаботно, весело!

Впрочем, студентка шумные вечеринки устраивала не чаще, чем раз в неделю – а то соседи съедят. Но за полночь сама засиживалась частенько. Ночью и читается лучше, и по телику столько всего интересного! А первую пару, спасибо свободному посещению, всегда можно прогулять.

Вот и тогда – засиделась над детективом Чейза часов до трех. И вдруг почувствовала: гарью тянет. Отбросила книжицу, сбегала на кухню, выглянула в окно – нет, здесь все в норме. Открыла дверь в подъезд. Дымом там, к счастью, пахло не сильнее, чем в квартире, зато на лестничной площадке толпились соседи. А за окном полыхало зарево.

– Что горит? – встревожилась Ирина.

– Да гаражи твои, кажись, – не без злорадства сообщил дядечка из квартиры напротив.

– Ой! – пискнула студентка.

Машина у них с папой, конечно, застрахована, но оценили ее страховщики в несерьезную сумму, да и ту инфляция почти скушала. Кошмар будет, если вернуться родители к пепелищу вместо семейного автомобиля. Да и ей на чем тогда ездить?!

Спасать имущество надо!

Ира метнулась в квартиру за ключами от авто и, как была в трениках, выбежала на улицу.

Стоял апрель, лужи подернулись ледяной коркой, но, когда бежишь отчаянный кросс, даже в футболке на морозце не холодно.

Никакого оцепления вокруг гаражей не было, хотя пожарные уже прибыли. Но их автомобиль КПП миновал – а дальше проехать не мог. Мужчины, матерясь, пытались откатить легковушки, что припаркованы были внутри гаражей и загорали крупногабаритному транспорту проезд. (Пускать посторонних на территорию запрещалось, но сторожа на правила плевали. Делали маленький бизнес – ставили за небольшую денежку тачки вдоль закрытых гаражных дверей.)

Полыхало, с ужасом осознала девушка, – как раз в стороне ее гаража. А ведь рядом с ним – Ира только сейчас вспомнила, ужаснулась – располагался бокс, где жили ее знакомые продавщицы!

– Там люди! – бросилась Ира к пожарным.

– Нет там уже никого, – отмахнулся один из огнеборцев. – Успели выбежать. А ты...

Но Ира не дослушала. Проскочила мимо пожарной машины, заспешила дальше, к своему боксу.

Пожарный заорал вслед:

– Куда лезешь? Сгоришь!!

Но девушка ловко проскользнула мимо мужчины. Плевать, что может пострадать сама – лишь бы спасти «жигуленка»-любимца.

Домчалась до своего бокса, трясущимися руками отомкнула замок. Только бы старенький автомобильчик не подвел – тот, давно заметила Ирочка, был капризулей. В сильные, допустим, морозы или накануне Нового года, когда столица вставала в пробках, не заводился принципиально. Но сейчас, видно, жить хотелось – двигатель взревел с полоборота. Только ехать-то ей куда? Дорога со стороны главного входа перегорожена пожарной машиной. А если в противоположном направлении, к запасному выезду направиться – придется миновать очаг пожара. Вдруг там бензин, какие-нибудь газовые баллоны? И взорвется все точно в момент, когда она будет проезжать?!

«Может, остаться? Пожарные-то здесь, сейчас потушат? А если не успеют? Вон они как копаются, до сих пор машины не откатали!»

Ира сцепила зубы. С пробуксовочкой, с дымком из-под колес, выбралась из гаража. Поддала газу – и ринулась в дым. Управляла автомобилем почти вслепую. Без мыслей и без чувств. И к реальности вернулась, только когда пламя осталось позади, а она, проскочив сквозь открытые, к счастью, запасные ворота, оказалась за территорией гаражей.

Ира, против новой моды, всколыхнувшей страну, не была воцерковленной. Но сейчас перекрестилась, обратилась благодарно к всесильному Всевышнему:

– Спасибо тебе!

И в этот момент за ее спиной грохнул взрыв. Она в ужасе увидела, как взлетают на воздух обломки металла, какие-то доски, даже, ей

показалось, машинные колеса. А через секунду услышала восхищенный женский голос:

– Ну, ты даешь!

У машины, кутаясь в клетчатое одеялко, стояла хохотушка Татьяна из конфетной палатки.

Ее серьезная подруга, с облупленным чемоданчиком в руках, топталась рядом.

– Ф-фу! – выдохнула Ира. Честно призналась: – Вот я перетрусилась...

– Да уж, ты дурная, – согласилась Татьяна. – Ради какой-то железки так рисковать!

– А я ее понимаю. Я бы тоже поехала, – не согласилась Луиза.

Ира выбралась из автомобиля. Ноги у нее подгибались, руки тряслись, никаких бесед, даже с симпатичными продавщицами, вести не хотелось. Добраться бы побыстрее до квартиры, забиться под теплое одеяло. Дорога, ведущая к асфальту со стороны запасного выезда, совсем плохая, но осторожненько, на первой передаче, проехать можно.

Уже хотела сесть обратно в машину, да вдруг взгляд выхватил одеяло на Таниных плечах, чемодан в руках Луизы. Девчонки-то, похоже, без крова остались!

– Вам ведь жить теперь негде! – ахнула она.

– Негде, – согласилась Таня. – С нашего гаража все и началось. Проводку замкнуло.

– Слава богу, что сами целы, – наставительно произнесла Ира.

Девушки переглянулись.

– Да, слава богу, – уныло согласилась Луиза.

А Таня грустно добавила:

– Но Ахмеду – хозяину нашему – лучше не попадаться. С нас же еще будет денег требовать.

– За что?

– Как – за что? Скажет, сами виноваты, гараж спалили.

– Пошлите вы его!

– Попробуем, – неуверенно согласилась Луиза.

– Вам есть где переночевать? – поинтересовалась воспитанная московская девочка Ира.

– Конечно! – ухмыльнулась Татьяна. – Уже забронирован люкс, в «Савое».

Ирочке сразу стало стыдно. Ей очень хотелось, конечно, после пережитого остаться одной, в тиши и безопасности отдельной квартиры. Но разве могла она допустить, чтоб эти две ни в чем не виноватые девчонки остались холодной апрельской ночью на улице?

И она скомандовала:

– Прыгайте в машину. Поедем ко мне!

Отказываться Таня с Луизой не стали.

* * *

Делать добро оказалось несложно. К тому же несчастные девчонки так радовались! Теплому душу, горячему чаю, многочисленным (давно ею не ношенным) свитеркам и брючкам, что вывалила перед ними Ирина.

Ответственная Луиза все повторяла:

– Ира, ты не переживай. Мы завтра уйдем и за одежду тебе заплатим.

А Таня осторожно опустилась в кресло, провела рукой по мягкому подлокотнику, вздохнула:

– Хорошо... Как дома!

Сколь же мало нужно человеку для счастья! Ире и самой было радостно за отогревшихся, умытых девчонок. Она твердо произнесла:

– Не рвитесь вы никуда! Родители в отъезде, я спокойно могу вас поселить в их комнате. Отдохнете, найдете спокойно новую работу, жилье.

– Ты не москвичка, что ли? – удивленно произнесла Таня.

– Почему? – опешила хозяйка.

– Ну, помогаешь нам. Совершенно посторонним людям.

– А москвичи не звери, – обиделась за земляков Ирина.

Взглянула на часы, ойкнула:

– Блин, уже восемь! А у меня сегодня первая пара – коллоквиум. Вот, девчонки, шкаф, на средней полке постельное белье. Располагайтесь, отдыхайте. Холодильник пустой, но я часов в пять вернусь, еды принесу.

– Слушай, неужели ты не боишься? – покачала головой Луиза. – У тебя ж в квартире и телевизор дорогой, и вообще!

– Опять двадцать пять! – фыркнула Ира. – Я, конечно, не психолог, как ты, но людей тоже вижу. Нечего вас бояться. Все, не дергайте меня, а то опоздаю!

Быстренько приняла душ и убежала.

Пока отсутствовала дома, правда, волновалась. Нет, не о том, что продавщицы квартиру обнесут – у девчонок на лбу написано, что честные. Другое беспокоило. Не зря же москвичи родственников из провинции боятся. Есть за теми грех: явятся в столицу вроде как проездом, а потом болтаются в твоей квартире долгими неделями. Едят хозяйские продукты, принимают по два часа ванну. И домой не отбывают, сколько ни намекай. Вдруг продавщицы конфет тоже воспользуются ее гостеприимным приглашением, поселятся бесплатно на ее жилплощади, и потом не выставишь их?

Но девочки – как минимум – умели быть благодарными.

Когда Ира вернулась домой, квартиру свою (изрядно, с отъездом родителей, запущенную) не узнала. Свежевымытые окна искрились, паркет блестел, хрусталь в горке сверкал, светильники, оттертые от пыли, весело сияли. А ее гости, обессиленные, домывали пол в коридоре.

– Девчонки! Зачем? – ахнула Ирина.

– А, все равно делать нечего было! – браво откликнулась Таня.

Луиза же добавила:

– Мы ведь должны были как-то тебя отблагодарить.

Да уж, не сравнить с дальними родственниками из Сызрани, которые однажды нагрянули в их квартиру! Тем навести порядок хотя бы за собой даже в голову не приходило. И под ногами путались постоянно. Продавщицы же, наоборот, пока Ира переодевалась, засобирались. Хозяйка поймала их в коридоре, произнесла удивленно:

– Вы куда?

– Пойдем, пройдемся, погода хорошая, – отозвалась Таня.

А Луиза уважительно добавила:

– Ты же сейчас, наверно, заниматься будешь, что нам тебе мешать!

– Бросьте! – отмахнулась Ира. – Во-первых, вы голодные, сейчас будем есть. А во-вторых, мне сегодня только английский надо сделать,

это недолго.

И побежала на кухню – резать колбасу, ставить воду для макарон. А девушки – вот неисправимые! – о чем-то пошептались в коридоре и деньги ей суют:

– Возьми, пожалуйста. Наша доля за еду.

– Слушайте, ну, вы совсем сумасшедшие! – возмутилась Ирина. – Как же вы на рынке работали, с вашими благородными принципами?!

– Как-то справлялись! – улыбнулась Луиза.

– Ага. Постоянные недостатки, – весело призналась Татьяна.

– Нет, дамы, – Ира сунула в рот колбасную попку, со знанием дела помотала головой: – Я сразу поняла: торгаши из вас никакие. Вам какую-то другую работу надо искать. Более утонченную.

– Ага, самую тонкую – в фотомодели! – хихикнула Таня.

– Кому мы нужны! – вздохнула Луиза. – Образования нет, прописки нет...

– Что-нибудь придумаем, – пообещала Ирина.

Хотя ума не могла приложить: к чему приспособить ее новых знакомых? Делать бизнес, как бросились все вокруг, они не смогут, не те характеры. Только на рынке наемными работницами стоять и жить в очередном гараже. Устроить их квартиры убирать или детей нянчить? Но кто в нынешние тяжелые времена может позволить себе экономку или няню?.. Может, в дворники или куда-нибудь на завод? Ладно, время подумать еще есть. Родители нескоро вернутся, а пока пусть девчонки у нее за жилье и еду готовят и убирают. Опять же, пуговиц полно надо пришить, постельное белье постирать-перегладить.

– Вязать вы умеете? – деловито поинтересовалась Ирина.

– Да, – с готовностью кивнула Луиза.

– Отлично! Поможете мне с шарфом разобраться. А то я взялась, и все вяжу, никак остановиться не могу. Не помню, как ряд заканчивать...

– Конечно, сделаем! – закивали девушки. И продолжили свою любимую песню: – Мы вообще не знаем, как тебя отблагодарить!

– Все, расслабьтесь. Телевизор посмотрите. А я к станку, – вздохнула Ира. – Английский учить. Завтра контрольная.

– Может, тебе помочь? – предложила Таня.

– Чем ты мне можешь помочь? – удивилась хозяйка.

Та не смутилась:

– Могу текст перевести. Или топик составить.

– Так я уже далеко не по школьной программе учусь, – усмехнулась Ирина.

– А Танька у нас в английском спец! – просветила Луиза. – Чирикает лучше, чем по-русски!

Ира еле заметно пожала плечами. Понятно, что девочки рвутся в бой, но вряд ли провинциальная продавщица сможет справиться с узкоспециальным вузовским текстом. Впрочем, даже интересно.

И она протянула гостю отпечатанную на слепой машинке страничку:

– Вот. Нужно перевести на русский. Естественно, не подстрочником, а высоколитературным языком.

Таня быстро пробежалась взглядом по тексту. Деловито произнесла:

– Дай, пожалуйста, словарь. Желательно Мюллера.

– Держи! – Ира протянула ей тяжеленный том. Ухмыльнулась: – К завтрашнему утру справишься? Тут каждое слово, по-моему, надо искать.

Однако Таня выполнила задание – получаса не прошло.

Ирина вчиталась в аккуратно написанные от руки строчки, пораженно взглянула на абсолютно с виду не интеллектуальную (типичная продавщица!) Татьяну:

– А ты соображаешь! Где научилась?!

– Сама. Сначала по Бонку, потом стала книги читать.

– Весь городок наш поставила на уши, – с улыбкой добавила Луиза. – Кто в Москву, Питер едет, обязательно какого-нибудь «Робина Гуда» или «Оливера Твиста» ей тащит.

– А однажды «Курочку Рябу» привезли в переводе на английский. Я тоже изучила, не пропадать же добру! – весело произнесла Таня.

– Так чего же ты поехала на рынок работать, а не в иняз поступать?! – возмутилась Ирина.

– У меня мама болеет, деньги нужны, – вздохнула девушка. – Какой уж тут институт!

– Да и не поступишь у вас в Москве без блата, – подытожила Луиза.

– Ерунду говорите, самую настоящую провинциальную ерунду! – вспылила Ирина. – В МГИМО или в иняз, конечно, никто не возьмет,

но кто тебе мешал в педагогический пойти?! Клянусь, с твоим уровнем языка ты туда попадешь вообще без проблем! Даже на подготовительные курсы ходить не надо!

– Ну, а дальше что? Как я со стипендии буду себя кормить, да еще матери помогать? – ошетибилась Таня.

– Заработаешь!

– Где? Валютной проституткой?!

– Слушай, ну, вы в глуши своей совсем от жизни отстали! – с удовольствием приговорила Ира. – Да если знаешь английский, в Москве все дороги открыты! Переводчики сейчас нарасхват, и работают они не с девяти до шести, а как им удобно!

– Мне однажды предлагали, – грустно улыбнулась Таня, – детектив перевести. Десять долларов посулили – за двести сорок страниц. Разве это деньги?

– Не деньги, грабеж, – согласилась Ира. – Но я – так и быть! – предложу тебе совсем другое...

...Немного жаль ей было делиться с почти незнакомыми девчонками своей кормушкой, однако Ирина уже вошла во вкус выступать благотворительницей, делать людей счастливыми. И немедленно позвонила своему, как называла его, «антрепренеру».

Тот ведал прокатом в столице зарубежных кинолент.

Кино в те времена почти не смотрели, но все ж таки не все кинотеатры успели переделать в мебельные и автосалоны. Отечественные фильмы на большом экране почти не шли – одни бесконечные «Жемчужины кунг-фу» и «Терминаторы». Централизованно дублировать фильмы тогда еще не начали, при каждом кинозале располагалась будочка с микрофоном, и переводчик от сеанса к сеансу начитывал текст.

– Нет, я не смогу! – перепугалась Таня, когда Ирина объяснила ей задачу. – Я со слуха не очень воспринимаю!

– Глупая! – усмехнулась студентка. – Во-первых, у тебя будет страховка. Листы с русским текстом. Они, правда, часто перепутанные, с пропусками, но хотя бы сюжетная канва у тебя есть. А во-вторых, вопрос привычки. Я уже по лицам героев вижу, о чем они говорят. Импровизирую, хохмлю. Народу так даже больше нравится. И, знаешь, сколько платят?

Ира выдержала драматическую паузу.

– За неделю можно на телевизор заработать. На импортный.

– Быть не может, – севшим от волнения голосом отозвалась Таня.

– Работа, правда, тяжелая, – не стала скрывать Ира. – В будке душно, голос садится уже к третьему сеансу. А если взялась работать, будь добра, всю неделю, пока фильм идет, паши. Я не чаще пары раз в год берусь. Горло не выдерживает, и институт совсем уж внаглую прогуливать нельзя. Но вы-то можете вдвоем работать! Ты, Танюха, начинаешь, Луиза наблюдает, запоминает. А когда выучит текст, будете спокойненько друг друга подменять!

– Но чтобы на работу взяли, наверно, прописка нужна? – уныло поинтересовалась Луиза.

– Да какая прописка, я тебя умоляю! Сейчас другие времена. Даже фамилии не спросят, и деньги безо всяких налогов, в конверте. В твердой американской валюте.

Ира вздохнула:

– Мы, правда, договорились между собой: никого посторонних в бизнес не пускать, тем более киношки умирают, работы все меньше и меньше. Но что поделаешь, если у вас форс-мажор.

– Просто не знаю... – начала Таня.

– ...как меня отблагодарить, не продолжай! – весело закончила Ира. И добавила: – А если хорошо проявишь себя, антрепренер тебя потом на кинофестивали будет брать. Их-то никто не отменял! Там, правда, посложней, никакого русского текста не дают. Но платят – десять долларов за сеанс. Стоит рискнуть и помучиться. Так что дерзай, крутись. Только пообещай мне...

– Все, что угодно, – преданно взглянула на нее Таня.

– В июне подавай документы в институт. Какой-нибудь попроче, но чтобы английский был профилирующим предметом.

– Я думала, ты процент от моей зарплаты попросишь, – честно призналась хохотушка.

– Слушай, я на кунг-фу не хожу, но в глаз дать могу! – возмутилась Ирина.

– Ты просто удивительная! – широко улыбнулась Татьяна. – Спасибо тебе большое!

– Сколько можно!!!

– Не за квартиру, не за еду спасибо, – тихо уточнила девушка. – За то, что жизнь нашу изменила. Конечно, я принимаю твое условие.

– И я! – встряла Луиза. – Найду какой-нибудь психфак – не в МГУ, попроще...

– Вот и умнички! – подбоченилась Ирина. – А то вообще позор! Приехали в Москву, город огромных возможностей, и конфетами на рынке торгуют, где это видано?!

* * *

В пробке самое милое дело не только подумать, но и по телефону поболтать. Вряд ли Полуянов сможет дистанционно выяснить, в чем заключался замысел Иры – Луизы – Тани (если он вообще существовал). Но разобраться в отношениях продюсера Постниковой и Романа попробовать стоило.

Когда Дима подъезжал к Белокаменной, время подходило к одиннадцати – значит, даже самые ленивые из журналистского сословия должны были уже проснуться. А если еще не проснулись, значит, сами виноваты, Полуянов правила делового этикета – не звонить по личным делам до десяти – выдержал.

В смартфоне, где дублировался большой полуяновский кондуит друзей и знакомых, значилось немало имен тех, кто мог бы знать об отношениях продюсерши Постниковой и артиста Романа Черепанова. Журналист сначала позвонил девушке, телевизионному критику из бывшей своей газеты, потом светской репортерше Марго из «Икс-икс-пресс газеты» и Лене Лаптевой из «Комсомолки». И все трое на вопрос, что связывало властительную и важную телевизионную продюсершу и молодого актера, отвечали одинаково, даже с определенной дозой удивления: мол, это все знают, разве ты не слышал? И ответ был ожидаем, тривиален и прост: они вместе спали. А светская репортерша из «Икс-икс-пресс» даже добавила, что, говорят, «старушка Лена Постникова» Роме квартиру прикупила – впрочем, никаких документальных свидетельств этому не нашлось, а не то бы она уже давно написала. Дима спросил Марго, откуда растут ноги тех публикаций в газете, которые разоблачали черепановский скверный моральный облик? По чьей наводке написали сначала о его злключениях в Италии, потом – о махинациях с туристической фирмой? Однако журналистка о возможном заказчике ничего не знала.

Сказала, что вроде бы оба раза в редакцию приходила женщина, факты предоставляла – не подкопаешься, вот и печатали. Но на вопрос, а не была ли той дамой Постникова с телевидения, она категорически ответствовала, что нет: «Ее все прекрасно в лицо знают!»

Но ведь это могла быть женщина, допустим, нанятая продюсершей? «Могла, – ответствовала Марго, – но не была. Елена в Романа влюбилась, аки кошка, никогда бы она не стала своего фаворита закапывать».

Всем своим телефонным собеседницам Дима также задавал вопрос об Ирине Ковровой. И все переспрашивали, а кто это, и отвечали, что никогда подобной фамилии не слыхивали ни в связи с Ромой Черепановым или Еленой Постниковой, ни отдельно от них. Впрочем, это ничего не значило – Ира явно была, в отличие от дамы-продюсера, персоной непубличной.

* * *

Знание того, что некая особа принадлежит другому мужику, обычно действовало на Диму как афродизиак. Проще говоря, на женщину, которая живет с другим, его организм часто реагировал с большим желанием, чем на свободную. Чистой воды атавизм: чем больше, типа, у самки кавалеров, тем она для самца желаннее. Но только не в этот раз.

И ведь всем хороша была, казалось, продюсерша Елена Постникова, если не считать возраста. Да и возраст, признаться, замечен был лишь после внимательного разглядывания. Определялся он по выражению глаз, отнюдь не блистающих, по странно натянутой, глянцевой коже на висках, скулах и кистях рук. Да, не раз и, наверное, не два ложилась дама под нож пластического хирурга, многочисленные «уколы красоты» и лазерные шлифовки вообще в счет не шли. Однако если не присматриваться, женщина являла «верный снимок *du comme il faut*» (как говаривал Александр Сергеевич): лицо слегка загорелое, ровно настолько, на сколько прилично в начале октября; кожа без единой морщинки; аккуратно очерченный рот; спокойный взгляд светло-голубых, чуть выцветших глаз. Идеальный маникюр, стройное – даже излишне! – девичье тело,

без малейшего намека на возрастную грузность. Одежда, без сомнения, модная, из последних коллекций, но не унылый офисный стиль, а легкая, художническая небрежность: вельветовые брючки песочного оттенка, заправленные в ярко-желтые высокие ботинки, пестрая блуза цветов палой листвы. И если бы не отчетливое желание женщины выглядеть хотя бы на тридцать пять, Полуянов, возможно, и посчитал бы, что его визави столько (а не пятьдесят с хвостиком).

– Присаживайтесь, – повелительно бросила хозяйка кабинета. Сама же продолжила просматривать аккуратно переплетенную папку, всем своим видом выказывая, что Полуянов всего лишь один из многочисленных просителей, которым чего-то от нее, да надобно.

«Э-э, шалишь, – подумал журналист про себя, – мне от тебя не надо ничегошеньки, а вот тебе от меня – пожалуй. Может, мы и сторгуемся – а может, и нет». И он спокойно развалился в кресле, опустив на столик перед собой сумку с ноутбуком.

Наконец Постникова написала на последней странице рукописи какую-то резолюцию и обратила свое холодное, холеное лицо к Диме.

– Слушаю вас.

– Могу только повторить, что говорил вам по телефону вчера. Я занимаюсь убийством Романа Черепанова. Мне в руки попало его предсмертное письмо. Там упоминается ваше имя. Вы хотите посмотреть запись?

– Цена вопроса? – Если визави хотела немедленно сбить с толку, смутить или, напротив, обрадовать репортера, то своего не достигла: он и не таких борзых обламывал.

– О деньгах разговор не идет. Во всяком случае, я с вас ни копейки ни в коем случае не возьму.

– Что же вы от меня хотите?

– Комментарий. Несколько слов – не для записи, а только для меня, чтобы я понял ситуацию.

– Что я должна для вас прокомментировать?

– Роман Черепанов говорит, что вы с ним были любовниками. Более того, он утверждает, что вы отправили его в особняк Гречишниковых. Проще говоря, послужили наводчицей. Это правда?

– Вы думаете, в это поверят?

– Убежден, что поверят!

– А что будет, если я вас сейчас просто прогоню? Пошлю на ...? – Женщина, абсолютно не чинясь, без эвфемизмов выговорила слово из трех букв.

– Тогда сегодня же исповедь Черепанова попадет на один из телеканалов, которые конкурируют с вашим. И мне почему-то кажется, что там ее покажут.

– Какова альтернатива? Значит, если я вам просто расскажу, как в действительности было дело, вы оставите меня в покое?

– Не совсем.

– Что ж еще вам надо?

– Я не знаю, в курсе ли вы, но покойный Роман задолжал крупную сумму денег. Тогда его кредиторы похитили младшую сестру Черепанова. Они требуют за нее выкуп – сумму долга. Я хочу, чтобы вы помогли семье.

– Значит, вы все-таки вымогаете у меня деньги, – с нескрываемым удовлетворением и легким презрением протянула Елена.

– Еще раз повторяю: мне лично от вас не нужно ни копейки.

– Покажите запись. Я оценю ее подлинность. И сделаю копию для себя.

Полуянов открыл ноутбук. Хозяйка кабинета протянула ему через стол флешку на брелоке – похоже, золотую и даже с вкраплением бриллиантов. Журналист вставил ее в порт, проверил на вирусы и перенес видеофайл на флешку. Попутно включил воспроизведение и развернул лэптоп лицом к продюсерше.

Постникова смотрела исповедь своего покойного любовника молча, с каменным лицом. Лишь когда голос Романа произносил ее фамилию и говорил о том, что это она отправила его в особняк Гречишниковых, лицо продюсерши слегка дрогнуло, а в конце записи слезинка выкатилась из ее правого глаза, и Дима так и не понял, были ли слезы искренними или одним из элементов ее игры.

– Вы хотите, чтобы я его слова подтвердила или опровергла? – деловито поинтересовалась дама.

Полуянов кивнул.

– Да! – заявила продюсерша. – Да, все было так, как он рассказывает. Я действительно дала Роману, как вы выражаетесь, наводку на особняк, где его убили. Почему я это сделала и какие цели

преследовала – пусть останется за кадром. Я не собираюсь перед вами исповедоваться. Вы удовлетворены?

– Спасибо и на этом. Теперь второе: деньги для семьи Романа.

– А если я отвечу: нет?

– Офис ваших конкурентов, по-моему, находится в этом же здании.

– А у меня к вам, Дмитрий, есть другое предложение. Я знаю, что вас уволили из газеты.

– Я ушел сам.

– Неважно! Я вам предлагаю место в своей компании. Должность такая же, как была у вас в газете – спецкор отдела расследований. И заниматься будете тем же самым: горячие темы, болевые точки. Я дам вам ровно четверть часа в неделю, в прайм-тайм, после вечерних новостей. Зарплата будет в два раза больше, чем была у вас в газете (сколько бы там ни платили – вы мне сами назовете сумму), плюс премии, плюс, как ни крути, всероссийская известность. Я сделаю вас звездой!

– Спасибо, нет, – даже не думая, отказался Полуянов. – Боюсь, что телевидение – это не мой жанр.

Не хватало еще, чтобы эта холодная, лощеная и абсолютно беспринципная дамочка стала его боссом!

– Подумайте! Вот моя карточка. Думаю, когда вы станете моим сотрудником, вопрос публикации этой глупой истории отпадет сам собой. А для эфира я сама снабжу вас действительно горячим материалом.

– Я привык доводить свои расследования до конца.

– Ну, тогда доводите, – великодушно разрешила продюсерша, голос ее звучал почти весело. – Чем вы там грозились? Отдать пленку с записью бедного убитого Ромчика моим конкурентам? Что ж, пускай! Небольшой скандал мне совсем не повредит. Наоборот, весть о том, что я имела любовника много моложе себя, мои круги только взбодрит, да и мне добавит очков. А то, что Роман так глупо распорядился своей жизнью – не моя печаль. Я ведь ему не нанималась ни в мамки, ни в няньки. Так что мне очень жаль, но – нет. Платить я ничего никому не буду.

Дима видел: она блефовала. Он сам блефовал, поэтому обостренно чувствовал ее блеф.

– Однако если сестру Романа похитители убьют, ваша репутация необратимо пострадает, – сказал он. – Уж об этом я позабочусь!

– Но я не могу платить по глупым счетам своего покойного любовника! – возмутилась Елена. – Двести тысяч долларов – огромные деньги!

– Я одного не понимаю, – задумчиво проговорил Дима, – зачем вы отправляли Романа на дачу к Гречишниковым? Вы *хотели*, чтоб его застрелили?

– Нет! – выкрикнула женщина, и это, показалось Диме, стало первым за весь разговор естественным, непритворным выражением чувств. – Вы не понимаете! На даче не должно было никого быть! Он бы украл скрипку – или что там собирался – и решил свои проблемы! То, что в особняке оказался младший Гречишников, да с заряженным ружьем – просто несчастный случай!

– Но почему Черепанов отправился грабить именно Гречишниковых? У вас, что ли, с Гречишниковым старые счеты?

– Нет. Почему именно эта семья и этот дом – я не знаю.

– А кто знает?

Постникова секунду подумала, а потом черкнула пару слов на лежавшем перед ней блоке.

– Спросите у нее. Она в курсе. И это именно она, если уж на то пошло, должна помочь деньгами семейству Романа. Попросите ее, попросите ее подруг. И если вы убедите их раскошелиться, я, так и быть, тоже готова войти в этот пул.

– Какой еще пул?

– Финансовых спасительниц сестры Романа. В конце концов, двести тысяч на одного – это неподъемная, даже для меня, сумма. Те же средства, только распределенные на четверых – уже терпимо. Пятьдесят штук европейских денег вполне можно насобирать!

Женщина протянула Диме листок. На нем значилась фамилия, за последние сутки ставшая хорошо Диме знакомой: «Ирина Коврова», и телефон.

– И еще – вот, – продюсерша протянула журналисту компьютерный диск.

– Что здесь?

– Моя беседа с Ириной Ковровой. Я ее записывала. Тайно. Кстати, обратите внимание на интерьер, в котором происходит разговор.

- А что в нем особенного?
- Он покажется вам знакомым.
- Вот как? Почему же?
- Наша беседа с ней происходила в этих стенах.

И тут Дима догадался.

– И вы тайно записали ее? Как сейчас записываете наш с вами разговор?

Продюсерша усмехнулась.

– Я не привыкла верить на слово. Никому, в том числе и незнакомым, пусть симпатичным, – она заговорщицки подмигнула, – молодым людям. Ступайте себе с богом, а о моем предложении поработать вместе подумайте. Оно действительно до конца недели.

Елена на прощание улыбнулась и даже постаралась выглядеть секси, и это стало для Димы еще одним аргументом в пользу того, что предложение о работе, поступившее от продюсерши, ни в коем случае не следует принимать.

* * *

В жизни вольного журналиста, безо всякого сомнения, имеются весьма приятные моменты. Ну, например: зайти в кафе среди бела дня, выбрать удобный столик, у окна и вблизи электророзетки, чтобы даром лэптоп не сажать. Потом заказать кофейник бодрящего напитка, включить ноутбук, и получается, что ты вроде бы и работаешь – однако в столь комфортных условиях, что любой курортник позавидует.

А тут, как по заказу, позвонила Надя. Сказала:

– Я тебе узнала координаты Иры. Запишешь?

И, несмотря на то что мобильный телефон Ирины у Полуянова уже имелся, преподнесенный телевизионщицей, он горячо подругу жизни поблагодарил. Тем паче что снабдила Надя его самой исчерпывающей информацией о Ковровой: адрес по прописке, домашний и рабочий телефоны, место работы (между прочим, заведовала дама кафедрой в очень уважаемом вузе) и даже электронный адрес.

– А у меня для тебя еще одно задание будет, – весело бросил журналист.

– Ну? – сурово переспросила Митрофанова.

– Ой, как строго! – шутливо испугался собеседник. – Нет, чтобы сказать: «Слушаю, тебя, Димочка, целиком к своим услугам», как положено верной спутнице жизни.

Настроение у спецкора было самым прекрасным: оттого, что рано проснулся и день казался бесконечным, а главное, потому, что работа складывалась, встречи и мысли цеплялись друг к другу как бы сами собой и он опять, казалось, поймал удачу за хвост – впервые после незадавшейся статьи про аварию в городе К***.

– Жене будешь свои поручения выписывать, – буркнула Митрофанова: кажется, она пребывала сильно не в духе.

– А ты и есть моя жена, – даже и удивился Дима. – Какая разница, что невенчанная? Миллионы так живут.

– Ладно, давай свое задание, – слегка смягчилась девушка.

– Ты мне рассказывала, что Ира Коврова самыми разными темами интересовалась, книжки у тебя заказывала. В последний раз – по музыковедению, по истории музыки. А чем она занималась перед этим? А еще раньше? Какие затрагивала темы? Какие сферы научные?

– Тебе за какой период нужно? – Надо отдать подруге должное: если она не выкаблучивалась, цены такой помощнице не было, схватывала все на лету. И даже не спрашивала, зачем Диме информация вдруг потребовалась.

– Сколько успеешь. Чем больше, тем лучше.

– Ладно. С тебя... Что бы такое с тебя попросить?

– Знаю-знаю! Горячий секс!

– Дурак! купишь мне новый аромат от «Кензо» – его все рекламируют.

Появилось искушение еще одну исследовательскую работенку на Митрофанову возложить, но Дима решил пока подождать. Будем напрягаться и напрягать друг друга в порядке очереди. И главным сейчас все-таки был диск, которым его снабдила продюсерша. Лишь бы там оказалась не обманка, а действительно важная информация.

Чтобы послушать разговор Ирины Ковровой и Елены Постниковой, Полуянов достал наушники – негоже, чтобы голоса разносились на все заведение.

Запись оказалась не смонтирована; изображение – черно-белое, снятое с одного ракурса, откуда-то сверху. Видимо, камера находилась в углу, над креслом продюсерши. Она сама на экран не попадала. Дима видел только часть стола продюсерши и кисти ее рук с сильно натянутой кожей – он их узнал. А вот ее собеседница оказалась видна великолепно – скорее всего, кресло для гостей расположили в этом кабинете специально, под камеру.

Ирину Коврову журналист раньше ни разу не видел, разве что на той старой фотографии с подружками из «Альбома», на которой женщина была лет на двадцать моложе. Теперь она слегка округлилась, если не сказать, оплыла, но смотрелась неплохо, под стать своей визави с телевидения: модная, интеллигентная женщина из высших столичных кругов.

В углу кадра значилось время записи: 4 октября 20** года, 21 час 31 минута – за два дня до убийства Романа. Если только дата не была подделкой. Как и вся пленка. «А то знаю я их, умельцев с телевидения», – подумал Дима.

Однако от записи исходил трудноуловимый аромат подлинности, который так непросто сфальсифицировать. Дима на расследованиях собаку съел, поэтому за три версты нюхом чуял возможную липу. Так, как держала себя Ирина, ни одна актриса не сыграет, если это не Мерил Стрип и не Инна Чурикова. А Ира Коврова была неизвестна на актерском поприще.

В наушниках оказались великолепно слышны голоса. Один – знакомый, недавно слышанный – Елены Постниковой. Другой, принадлежавший Ирине, оказался с изюминкой, столь любимой журналистом (да и вообще мужчинами): низковатый, с хрипотцой.

– Я хочу поговорить с вами о вашем любовнике. – В голосе Ирины Андреевны слышались нотки неловкости и обеспокоенности: она, как-никак, пришла в кабинет к незнакомой и важной особе.

Зато Елена на своей территории чувствовала себя как рыба в воде.

– Любовнике? Котором из...? – усмехнулась за кадром она.

– Не морочьте мне голову! Сейчас он у вас один. Роман Черепанов.

– А, Рома... – пренебрежительно взмахнула кистью остававшаяся за кадром продюсерша. – И что же натворил этот сорванец? – Высокомерная ирония так и сочилась из ее фраз.

– Вы в курсе, что он вас обманывает?

– Неужели? – саркастически воскликнула Елена. – Какой ужас! С кем же еще он спит? С вами?

Лицо Ирины на экране лэптопа передернулось.

– Нет, не со мной. И речь пойдет не о физической измене. Вернее, не только о ней одной.

– Как?! – Голос Елены по-прежнему звучал шутовски. – Неужели мальчик напроказил как-то еще? И как же он, интересно знать, набедокурил?

– Я понимаю: ваша ирония – это род защитной маски, поэтому не обижаюсь и прошу вас выслушать меня серьезно. У меня есть дочь. Зовут Аленой. Ей скоро семнадцать, а тогда, год назад, не было даже шестнадцати. Дитя. В самом деле, ребенок. Началось все с нее. Точнее, с того момента, как она познакомилась с Романом...

* * *

Прошлой осенью

Девочку звали, будто в сказке, Аленушкой, и выглядела она точно, как в детских книжках рисуют: тоненькая, глаза – озера темно-синие, взгляд задумчивый, беззащитный. И русая коса тоже имелась, не давала покоя школьным подружкам. Постоянно, класса с третьего, подбивали: остричь, покрасить. Чего маме стоило отговорить! Но смогла. Убедила: крашенные блондинки давно устарели, и теперь в почете все натуральное. «Специально, Аленка, косы наращивают, естественных оттенков цвета добиваются – за немалые деньги».

Мама у девочки – опять же, в духе фольклорных традиций – была заботливой, доброй и рано овдовела. Но тут сказки кончились. Прекрасные принцы – что за взрослой женщиной, что за ее дочкой – в очереди не стояли. А мужчин *типовых* обе, гордячки, не жаловали. Что мама давала атанде разведенным коллегам, что дочка шарахалась от неловких ухаживаний одноклассников. Как положено интеллигентной девочке, ждала своего принца. Умного, начитанного, доброго. И, конечно, взрослого.

Но кому сейчас нужны платонические отношения со школьницей? (А иных отношений девочка из интеллигентной семьи не признавала.)

Аленка, как все дети, иногда взбрыкивала. В художественную школу ходить отказалась, музыке учиться не пожелала. Правильные супчики, которые мамуля оставляла ей в термосе, бывало, выливала в окошко. Но одного родительница – дама образованная! – добиться сумела. Девочка обожала читать и над книжками, дай ей волю, могла сидеть сутками. Проглатывала все, что под руку попадалось – «Бронзовую птицу», «Каникулы Кроша», «Трех мушкетеров». Даже «Справочник участкового врача» и «Словарь иностранных слов» штудировала, если ничего больше под рукой не оказывалось. А в пятом классе случайно попал ей в руки женский роман. Мама не сразу заметила, что литературу дочка читает совсем неподобающую юному возрасту, а когда просекла – было поздно. Девочка на книжные страсти подседа, и сколько ни пыталась мамуля доказать, что чтиво сие – примитивное, одномерное, сделать ничего не сумела. Аленка будто помешалась на романтических историях, изданных в аляповатых обложках. Оставляла на книжных развалах деньги, что выделялись ей на завтраки, состояла читательницей множества библиотек. Обожала, когда мама отправляла ее к соседям, скажем, за солью. Всегда просила позволения подойти к книжному шкафу. И волокла домой очередные тоненькие, напечатанные на плохой бумаге книжонки.

И стихи стала писать. По мнению мамы, ужасные.

Однако сама Аленка считала, что получается у нее неплохо. К тому же одноклассницы подливали масла в огонь, хвалили: «Классно пишешь, все понятно, с Ахматовой не сравнить». Аленушка даже что-то вроде бизнеса основала. Творила для своих подружек поэтические любовные письма. *«В имени твоём, Костя, столько страсти, столько здоровой злости!..»*

Стихи ее шли нарасхват, благодарные клиентки всю отдаривались – конечно же, любимыми дочерью любовными романами.

Дальше – больше.

Аленка, уверенная, что нашла дело всей своей жизни, решила записаться в литературную студию при бывшем Дворце пионеров, ныне – Доме школьного творчества. Располагалась студия в центре Москвы, неподалеку от литературного института, и отбор туда проходил, как у взрослых – требовалось написать сочинение, пройти собеседование.

Приемная комиссия, показалось школьнице, приняла ее творчество довольно тепло. Один желчный дядька, правда, выслушал ее стихотворение и съязвил:

– Страшно далеки мы от народа!

Но дама в ультрамариновом синтетическом костюме бросилась на ее защиту:

– А кому сейчас нужна правда жизни? То ли дело у девочки: море, облака, алые паруса. Молодец, детонька!

Комиссия разулыбалась, и Аленка была почти уверена – в литературную студию ее взяли.

Однако на следующий день выяснилось: творческий конкурс она не прошла.

– Может, и к лучшему, – попыталась утешить мама. – Хлеб поэта – совсем нелегкий.

Но Аленка рыдала, не переставая, и дрогнуло родительское сердце. Мама решила помочь.

Ее слово – доктора наук, завкафедрой престижного вуза – вес имело. По крайней мере, в детской литературной студии.

– Возьмем вашу девочку, – пообещал матери руководитель. – Пусть балуется. – И посоветовал дружески: – Только вы уж приложите все силы, чтоб она дальше не пошла. В литературный институт, например. Не ее это, и слава богу. У поэтов хлеб горек, уж поверьте мне!

Но Аленка училась еще только в девятом, до поступления – больше двух лет. «Успею переубедить», – не сомневалась мать.

Однако столкнуть дочь с выбранной ею стези оказалось совсем нелегко. Девочка пропадала в литературной студии все вечера. Увлеченно конспектировала лекции о Серебряном веке, Шиллере, поэтике Гомера. Пыхтела, придумывала примеры аллюзий и аллитераций. Пробовала себя в прозе и литературной критике. И продолжала писать стихи. Хотя с основным предметом – собственно поэзией – у нее не ладилось. Преподаватель ее не щадил, утешениями не кормил, резал правду-матку:

– Асадовщина твои стишата. В худшем варианте!

Аленка страшно переживала, изо всех сил самосовершенствовалась, но заслужить одобрения строгого критика не могла никак.

Мама долго думала, как поступить. Встать ли на сторону преподавателя? Жестко сказать дочери, чтобы перестала тешить себя иллюзиями и выбирала – пока не поздно! – другую профессию? Или щадить ранимую подростковую душу, скрепя сердце хвалить бездарные вирши?

Выбрала в итоге третий путь. Половинчатый. Сказала дочери:

– Не грусти! Признают сразу только тех поэтов, кто служит режиму. А необычным, талантливым людям приходится пробиваться.

– То есть ты считаешь, я... я талантлива? – просияла Аленка.

– Ты очень искренна, – осторожно произнесла мать. – И строчки твои – от души, это тоже много значит.

– Спасибо! – Дочка бросилась ей на шею, обняла, прижалась.

Не часто дождешься от ершистого, вечно всем недовольного подростка. Не отходить бы от нее, всю жизнь сидеть рядышком... Но разговор нужно было продолжить.

Мама осторожно произнесла:

– Скажи, Аленка, только честно: ты готова ради стихов своих всем на свете пожертвовать?

– Это как? – слегка растерялась девочка.

– Ну, можно, например, смириться со всем, что в стране происходит, и карьеру делать. А можно противопоставлять себя режиму. Например, служить, как Виктор Цой, в котельной. Или в тюрьму отправиться, как Сервантес. Или в изгнание, как Солженицын.

– Я в изгнание не хочу, – насупилась дочь. – И вообще: я пишу лирику, за что меня изгонять?

А мать продолжала гнуть свое:

– Мало у кого получалось прославиться в юности, в пятнадцать лет! А кому удавалось – те плохо кончали, хотя бы Нику Турбину вспомни! Или почитай раннего Пушкина, что он в твои годы творил. Очень тяжеловесно и архаично. Но потом вырос, ума набрался и «Евгения Онегина» выдал. Вот и ты – не зацикливайся на студии своей литературной. Интересуйся всем вокруг, общайся с людьми, путешествуй. Собирай свою коллекцию типических характеров, типических обстоятельств. Чем больше опыта, самого разнообразного, тем лучше будут стихи.

Аленка задумалась. Мама в напряжении ждала ее ответа – реакция подростков, да еще таких, как дочь, ранимых, творческих,

бывает непредсказуема. Однако девочка широко улыбнулась:

– А ты будешь спонсировать мое самообразование? Билеты в театры, поездки по миру?

– Ты знаешь, что все наши деньги лежат в ящике стола, – в тон ей ответила мать. – Бери, сколько нужно. В разумных, конечно, пределах.

Она не сомневалась: на банальные *тряпки* невеликий капитал дочь не спустит. Не разбазарила бы его на очередные пустенькие книжки.

Однако Аленка через пару дней робко спросила:

– Можно я куплю себе абонемент в фитнес-клуб?

Мать едва арию не спела: «Дождусь ли такого счастья?»

Впрочем, когда дочурка озвучила цену, энтузиазм у нее поутих. Она-то надеялась на скромную аэробику, что преподавали по вечерам в чудом сохранившейся, типично «районной» парикмахерской. Но дочь решила начать свое познание мира с изучения жизни элитной.

Рядом с литературной студией, где она занималась, в центре столице Аленушка заметила спортивный клуб только для избранных, на парковке – машины бизнес-класса и выше.

– Можно, я буду туда ходить? – робко попросила дочь.

– Аленка, – осторожно произнесла мама, – это место, скажем так, не совсем нашего уровня.

– Зато знаешь, сколько там интересных людей! – восторженно выдохнула девочка. – Я много раз рядом стояла, наблюдала! Мне бы так хотелось с ними по-настоящему познакомиться...

Мать не видела ничего интересного в многочисленных холеных блондинках, но спорить не стала. Кивнула:

– Хорошо. Покупай. Но имей в виду: в таком случае летом на море мы поехать не сможем.

И мужественно оплатила абонемент, а также недешевую, уместную в элитном местечке, спортивную форму.

Пусть собирает дочка свою «коллекцию нравов». А заодно оздоровится – сколько можно над книжками сидеть!

Но Аленка лукавила. Она собиралась не только за соседками по тренажеру наблюдать.

Одна из стен тренажерного зала была полностью стеклянная и выходила в оживленный переулок. Народ тренировался, будто в аквариуме, у всех на виду. Несколько эксгибиционистская идея: шагает

клиент по беговой дорожке, а на него толпа провинциалов с улицы глазеет, будто на диковинную птицу. Или клерки по пути с бизнес-ланча притормозят и горячо обсуждают, у кого из спортсменок грудь больше или попа эффектней.

У Аленки первое время наблюдать за уличной жизнью не получалось – смущалась, тренировалась глаза долу. Даже поделилась сомнениями с девицами в раздевалке. Те относились к девушке-подростку, да еще из небогатой семьи, очень покровительственно, охотно учили жизни, а тут подняли на смех.

Одна из спортсменок потрясла перед ее носом новеньким обручальным колечком:

– Да что бы ты понимала! Памятник надо поставить тому, кто стеклянную стенку придумал! Меня муженек мой новый как увидел? Снаружи. И обмер. Зашел внутрь, дождался после тренировки. Испанский граф, чтоб ты знала! Со своим особняком! На той неделе в Барселону отбываю.

Другие девицы тоже принялись наперебой хвастаться, кого в тренажерном зале с улицы приметили и на кинопробы позвали, а уж букет из сотни роз «для вот той красавицы в розовом спортивном костюме» на ресепшн оставить – вообще в порядке вещей.

И Аленка поняла, что жар-птица ее – вот она, рядом! Девушка-то сюда шла просто созерцать жизнь, а оказывается – здесь можно и *принца* заполучить!

Постепенно перестала стесняться, тоже теперь с удовольствием носилась по беговой дорожке у всех на виду. И даже стихотворение написала:

Он заметил ее в окне,
А потом – увидел во сне.
Навсегда потерял покой
От улыбки ее шальной...

Впрочем, лично ей с прекрасными принцами долго не везло. Добивались ее или горячие восточные парни, или поэтические юноши. Богатых джигитов девушка отвергала сразу, к бедным студентам робко присматривалась.

Но только не было среди них *единственного* даже близко. Кто сразу же – прямо на ресепшн! – звал продолжить знакомство в пустой квартире. Другие интимно шептали на ушко: «Кокс любишь? У меня есть». Но еще больше среди молодых оказалось откровенных охотников – за дочками из богатых семей. Узнавали, что мама у Аленки – всего лишь преподаватель, живут они на окраине, машины с водителем-охранником у нее нет, и тут же гас в глазах огонек интереса.

Девчонки в спортивном клубе Аленку наставляли:

– Молодняк – все халявчики. Младше сорока отсекай сразу, даже время на них не тратить.

Но она-то вовсе не искала пожилого, богатого покровителя. Аленке нужен был именно молодой, прекрасный принц. Не обязательно богатый. Чем, например, плохо отыскать современного Ломоносова, который явился в Москву из глубинки? Ей очень импонировало разглядеть под нескладными провинциальными одежками драгоценный алмаз, избавить его от периферийного оканья или гэканья, отшлифовать, огранить, вывести в свет и в люди.

Однако даже ее скромненький жизненный опыт подсказывал, что истинный самородок вряд ли будет жадным взглядом окидывать клубную парковку и вопрошать с нетерпением:

– Какая из этих тачил твоя?

Или – уже на первом свидании – рассказывать о своей мечте жить на Арбате в пентхаусе и ходить тренироваться в столь же пафосный клуб.

– Терпи, Аленка! Рыбная ловля – дело долгое, нудное, – наставляли ее более опытные соратницы.

И учили, что писаных красавчиков нужно отгонять сразу, иностранцев обязательно проверять на предмет женатости, тому, что на визитке написано, не верить, в документы на машину обязательно заглянуть: «А то взяли моду: возьмут «Мерседес» напрокат, на один день, и строят из себя олигархов».

Аленка от подобной прозы жизни совсем закручинилась, ослепительные улыбки во время тренировки на улицу бросать перестала.

Но однажды девица с соседнего тренажера дернула ее за штанину:

– Альфонсик на тебя глаз положил!

Аленушка скосила глаза на улицу – и опешила.

В переулке остановился, не сводя с нее глаз, молодой, прекрасно одетый мужчина. Вылитый персонаж ее снов! Ослепительно синие глаза, легкая ирония во взоре, белозубая улыбка.

– Типичный охотник за богатыми детками, – приговорила парня соседка по спортивному снаряду. И передразнила: – Кто твой папа? Как? Он не президент нефтяной компании, не начальник департамента в «Газпроме»? Извини, милая, тогда я пошел.

Аленка злобно взглянула на меркантильную особу, едко бросила:

– А ты не допускаешь, что в мире еще остались нормальные мужчины?

– Брось, в пределах Садового кольца их точно нет, – отмахнулась та.

Однако Аленушка все равно вышла из раздевалки с замиранием сердца. Вдруг случаются чудеса? И молодой человек действительно хотел познакомиться не с *деньгами*, а с ней, самой обычной девчонкой?

Но синеглазого в холле не оказалось. Администраторша же протянула девушке изящный, очевидно сделанный на заказ букет.

Аленка нетерпеливо выдернула визитку и застыла в недоумении. Только имя, фамилия и телефон. *Роман Черепанов*.

Перевернула карточку. На обороте – размашисто выписано:

«Я покорен. Богиня. Я тону. Спасешь?»

В голове, сама собою, вспыхнула рифма:

– Сказал он ей, и хлынул дождь.

И вот чудо: за окном ровно в этот момент сверкнула молния, громыхнул гром, застучали по пыльному асфальту капли!

Аленка улыбнулась, сунула визитку в сумочку. Неужели ей наконец повезло?

...Конечно, она знала правила игры и не стала первой звонить Роману Черепанову. Пусть красавец сам ее добивается!

Зато тем же вечером, отталкиваясь от первой строчки, что посвятил ей красавец, написала стихотворение о любви с первого взгляда. С удовольствием перечла, перепечатала рукописный листок.

...На следующий день в литературной студии как раз была специальность. Аленка, привычно ожидая разноса, протянула стихотворение педагогу. Тот быстро просмотрел, скривился:

– Муха села на варенье. Вот и все стихотворенье.

Пренебрежительно швырнул листочек обратно. Отвернулся от расстроенной девушки, буркнул:

– Первую строчку увидел – обрадовался. Но дальше лихого зачина дело не пошло.

Прочие поэты – ребята зубастые, среди них даже студенты были – конечно, принялись острить:

– Не расстраивайтесь! За год она научилась одну строчку писать, за второй – следующую освоит. Еще пара лет, и будут неплохие четверостишия!

Аленка притворялась, будто ей все равно, но на самом деле ее просто разрывало от ярости.

Этот Рома Черепанов – он, что ли, поэт?

Хотелось разобраться, и на следующий день она наврала маме, что у нее дополнительные занятия в литературной студии, и сразу после школы помчалась в спортивный клуб.

Не зря торопилась – таинственный поклонник ждал ее на ресепшн.

Аленушка (изо всех сил скрывая переполнявшее ее счастье) хмуро взглянула на гостя. А тот широко улыбнулся, молвил:

– Вам понравился мой букет?

– Да. А стихотворение – не очень, – выпалила девушка.

– Почему? – прищурился парень.

– Слишком короткое.

– Зато главное сказано, – усмехнулся он. – Впрочем, если хочешь продолжения, изволь...

Лицо на секунду сделалось отстраненным.

Я покорен. Богиня. Я тону. Спасешь?

Разлито пиво. Полночь. Мрак.

Копытами взрывая ложь,

Несусь в туман. Совсем дурак.

Парочка администраторш, карауливших ресепшн, дружно рассмеялась.

– Что-то нескладно у вас получилось, – осудила Аленка.

– А я поэт самодеятельный, мне простительно, – хмыкнул Рома. – К тому же ты сама виновата. Зачем торопила?

«Вот. Не успели познакомиться – уже претензии начались», – мелькнуло у нее.

И Аленка довольно ворчливо произнесла:

– Вы вообще кто такой?

– Что тебя конкретно интересует? – деловито осведомился он. – Адрес по прописке? Размер зарплаты?

– Ну... где вы работаете хотя бы, – смущенно пробормотала девушка.

Администраторши взглянули на нее снисходительно, да Аленушка и сама понимала, что выглядит сейчас довольно глупо.

Роман в детали вдаваться не стал:

– Я обычный клерк. Как большинство москвичей. – И уставился на нее, слегка прищурился – настоящий Том Круз! – А ты, наверное, актриса? Фотомодель? Пианистка? Певица?

– Даже близко не угадали, – вздохнула Аленка. И будто в омут бросилась, добавила: – Я тоже обычная... школьница. Мама – педагог, папы нет.

– А бабушка? – деловито уточнил Роман.

– И бабушка – не миллионерша, – отрезала девушка.

Ожидала встретить разочарование в его взоре, однако молодой человек отреагировал неожиданно:

– Я счастлив! – Добавил заговорщицки: – Наконец-то мне встретилась не фотомодель, не звезда, а обычная, но очень красивая девушка! Что будем делать? Ланч? Кофе с пирожными? Пятичасовой чай? Прогулка по бульвару? На Мальдивы – прямо сейчас? Выбирай.

А у Аленки в голове – вот оно, творческое мышление! – вихрем пронесся образ: ветхая дача, кажется, в Переделкино. Светлая веранда, старинная лампа с зеленым абажуром, свежие цветы. И они с Ромой, уже совсем старенькие, сидят, рука об руку, на диване.

Все-таки существует она, любовь с первого взгляда!

* * *

Все первое свидание Аленка дергалась. Каждую секунду ждала, что Роман предложит: травки, кокса, поехать на пустую квартиру, пожить вместе на ее жилплощади. Одолжить ему денег, сфотографироваться обнаженной, сняться в кино для взрослых, избить его плеткой. Но ничего подобного не было даже близко. Единственное, что настораживало – о собственной офисной работе новый знакомый рассказывал неохотно, Аленке даже показалось – на ходу придумывает. Зато про нее слушал с неослабевающим вниманием, вопросы задавал с искренним интересом. Часу не прошло, девушка уже призналась, что ненавидит алгебру, обожает слушать не слишком модных нынче «Rolling stones» и даже пишет стихи. Роман пришел в восторг и тут же потребовал у девушки что-нибудь ему прочесть.

– Не буду, – потупилась Аленка. – Смеяться станешь.

Он улыбнулся лукаво:

– Как хочешь! Но, между прочим, мой однокурсник работает с «Фабрикой звезд». И давно ищет текстовика. Молодого, задорного. Или ты не про любовь пишешь, а всякую заумь?

Не кличьте ж вы меня с собою
Под звон бокалов пировать,
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять, —

процитировала девушка.

Однако Рома оказался крепким орешком:

– Пушкина я читал. Давай лучше что-нибудь свое!

Ничего себе клерк! Раннего Пушкина знает!

Впрочем, что она теряет?

И Аленушка, страшно смущаясь, прочитала Роману одно из свежих своих стихотворений. Закончила, взглянула боязливо. Очень боялась увидеть на породистом лице скепсис, насмешку.

Однако Черепанов широко улыбнулся:

– Какая ты молодец! Живо, ярко, свежо! Если б я так мог!

– Издеваешься? – вспыхнула она.

– Лучший комплимент – когда автору веришь, – серьезно продолжал он. – А тебе – веришь. «Уходят они в ночь, и звезды

смотрят вслед». Красиво. Будто своими глазами увидел.

Взглянул испытующе, спросил – в голосе его Аленке слышались ревнивые нотки:

– У принца прекрасного из поэмы прототип есть?

– Нет, – призналась девушка.

– Возьмешь на вакантное место?

Она взглянула подозрительно:

– А ты не женат?

– Женат, – повесил голову он.

Встретил ее разочарованный взгляд и добавил лукаво:

– На особе взбалмошной, во всех отношениях несносной. Имя ей – свобода. Но против брака принципиальных возражений не имею. Хотя должен сразу предупредить: происхождение у меня крестьянское, характер вздорный, доходы нестабильные, машину вожу плохо, карнизы прибивать не умею.

Девушка вздохнула – решила сразу расставить точки над і:

– А мне еще только пятнадцать, замуж просто нельзя. И маман у меня строгая. Алкоголь вынюхивает, в одиннадцать – чтобы дома была, в ночные клубы ни ногой.

– Какое совпадение! Я тоже терпеть не могу ночные клубы! – расплылся в улыбке Роман. – И к алкоголю полностью равнодушен, и спать ложусь до полуночи, для организма так лучше.

– Ты идеальный? – улыбнулась в ответ она.

– Я – нормальный! – парировал Роман. И добавил серьезно: – А еще очень соскучился по нормальным девчонкам. Таким, как ты.

* * *

На следующий день в школу Аленка пришла совсем не выспавшейся, весь первый урок зевала.

– Стихи опять писала? – уважительно поинтересовалась соседка по парте.

– Вроде того, – небрежно ответствовала девушка.

Хотя – удивительно! – сейчас, когда ее переполняли реальные, столь внезапно вспыхнувшие чувства, за всю бессонную ночь она и

строки поэтической не смогла из себя выдать. Удавалась лишь мантра: «Только бы Он мне позвонил!»

На перемене к ней подошли две особы из выпускного класса. Аленка не удивилась: ее – *поэтессу* — знала вся школа.

– Заказы не принимаю. Творческий кризис, – с ходу отбрила девиц Аленушка.

– Нам твои стишата сто лет не нужны, – поморщилась одна из девиц.

Вторая же с придыханием произнесла:

– Нам автограф нужен. Сможешь достать?

– Чей? – недоуменно захлопала глазами Аленка.

– Чей, чей! Ромочкин, естественно! – проворковала первая.

А товарка ее завистливо поинтересовалась:

– Где ты подцепила-то его?

– Я... я не понимаю, – растерялась девятиклассница.

Выпускницы переглянулись. Первая строго произнесла:

– Парень, с которым ты вчера на лавочке у памятника Пушкину ворковала...

– ...а потом вы в пиццерию пошли! – подхватила вторая. – Сидели за столиком у окна, ты вообще была как чумная. Мы тебе с улицы помахали, а ты отвернулась.

– И что? – захлопала глазами Аленка. (Она решительно не обращала внимания, что происходило на улице.)

– Это ж Рома! Ромка Черепанов. Из «Каникул в Бразилии»! И «Следствия в Санкт-Петербурге»!

– Он и в рейтинге самых красивых актеров есть!

– Да ладно! – пробормотала Аленка. Неосмотрительно добавила: – Он же простой клерк!

– Я, что ли, Черепанова не узнаю?! – возмутилась старшеклассница.

А ее подруга вкрадчиво попросила:

– Может, нас познакомишь? С этим своим клерком?!

– Не дождетесь, – буркнула Аленушка.

Она вовсе не обиделась на Романа. Наоборот, ее сердце переполнял восторг. Не зря, выходит, она себя знатоком человеческой природы считает! Ей ведь тоже вчера показалось: теряется ее новый знакомый, когда о своей «работе в офисе» начинает рассказывать. Но

она-то боялась, вдруг Роман – мошенник или (еще хуже!) каким-нибудь охранником сутки через трое работает. А молодой человек оказался мало что красавец и прекрасно образованный умница, но еще и артист! Да к тому же скромный, не стал на первом свидании своими успехами хвастаться.

– Вы точно-точно его узнали? – потребовала девушка ответа у старшекласниц.

– Ты чего, ящик, что ли, не смотришь? – возмутились те. – Он, железобетонно! Ну, чего? Возьмешь для нас автограф?!

– Если еще раз увижусь с ним – обязательно, – пообещала Аленка.

А едва вернулась из школы, тут же бросилась в Интернет. Не жалея трафика, скачала кучу Роминых фотографий. И выяснила еще одну важнейшую вещь: Черепанов не соврал и в том, что не женат. Вообще класс!

Только не позвонит он ей, конечно... Девушка с домашнего телефона – старенького, с диском – весь вечер глаз не сводила.

Даже стих сам собою родился:

Магический властитель с белым глазом,
Холодный, неприступный и немой.
Горячий кофе, и все черти разом!
Звонок – и просто слышу голос твой...

А едва поставила точку, снова волшебная сила искусства сработала. Аппарат зазвонил.

– Привет, Аленушка, – ласково произнес Роман. – В Большой театр завтра вечером пойти хочешь?

* * *

Все у них с Ромкой шло идеально, будто в романтических книжках. Единственное, что Аленку смущало, – *не попевала* она за Романом. Не шли с языка алаверды его шуткам, анекдотам, многочисленным историям. Ну, что она могла противопоставить байкам со съемок или закулисным подробностям жизни известных

актеров? Рассказывать, как сегодня математичка от злости указку сломала? Только и оставалось лишь преданно улыбаться да кивать в ответ.

«Мы – как Печорин и Бэла, – переживала Аленушка. – Пока я ему внове – счастлив. А потом – заскучает...»

Она ведь даже в сексе ему ничего особенного предложить не может. Да, подарила невинность (по нынешним временам совсем невеликая ценность). И отдается любимому мужчине старательно, однако безо всякой феерии... Мамино целомудренное воспитание прочно в крови засело. Какой уж там стриптиз для любимого или акробатические позы из «Камасутры». Она даже *раздеваться* при любимом человеке стесняется, а сразу после секса норовит забиться под одеяло.

– Чего ты такая зажатая? Разве тебе плохо со мной? – пытается Роман.

А у нее (хотя словарный запас богатый) с языка не идет объяснить, что с ним ей фантастически, нереально прекрасно. Что она его боготворит. И стесняется своего пусть ладненького, но заурядного тела. Рядом с ним-то, настоящим античным богом!

Но готов ли красавец Рома ждать, покуда его подруга-скромница научится быть раскованной?!

...Однажды они сидели в кофейне, и ворвалась туда стайка девушек, одна другой краше. Причем сразу видно – не хохлушки-завоевательницы, а породистые, неплохо образованные москвички. Оглядели царственно кафешку и – о ужас! – направились к их столику.

Тонконогая брюнетка, весело улыбаясь, спросила:

– Скажите, пожалуйста! Как перевести на русский «I don't know»?

– Я не знаю, – автоматически отозвалась Алена.

Девушка грустно сморщила носик:

– Вот так всегда! У кого не спрашиваю – никто не знает!

Роман фыркнул. А брюнетка по-хозяйски приобняла его, чмокнула в щеку:

– Привет, Ромочка!

Девушки оказались его знакомыми. Актрисы. Совсем не звезды, но до чего непринужденны, легки, обаятельны они были! Черепанов (до этого молчал, задумчиво цедил свой кофе) сразу воспрянул. Заискрился, начал сыпать анекдотами. А девчонки – нет бы преданно хихикать в

ответ! – отвечали ему еще более остроумными шутками. Одна (очень неплохо!) спела – из-за соседних столиков захлопали. Другая услышала старенький хит Уитни Хьюстон и без стеснения пригласила Романа танцевать. Аленке же и слова в общую беседу вставить не удавалось.

Одна из девиц не преминула уколоть:

– Что ты такая вареная? К съемкам в «Снежной королеве» готовишься? В главной роли?

– Истинно русская женщина! – подхватила вторая. – Покуда изба не горит и конь стоит спокойно в стойле, ей заняться нечем.

Ромка же – нет бы осадить зубастых приятельниц! – на подругу свою юную – ноль внимания. Ведет еще с одной особой заинтересованную беседу о каких-то завтрашних пробах.

И вдруг дошло до Аленушки со всей очевидностью: зря *она* считала, будто собирает коллекцию человеческих характеров. Наоборот, это ему, красавцу Роману, не хватало в собрании своих поклонниц русоволосой, тихонькой, с богатым внутренним миром школьницы. Но теперь, когда дело сделано и бабочка на булавку пришпилена, он своим приобретением, похоже, начал тяготиться.

Только ей-то что делать? Когда она в него будто кошка влюблена?!

* * *

– К медсестре идем? – подошла к Аленке на перемене одноклассница Любка.

– Зачем? – удивилась девушка.

– Как зачем? – подружка взглянула недоуменно. – От физры освобождение брать!

– Да, действительно... – пробормотала Аленушка.

Физкультурник девчонкам на слово не верил, если критические дни – требовал справку от медсестры. И дни эти с Любкой у нее всегда совпадали. День в день. Но сейчас у подружки началось, а у нее ничего и в помине не было.

Задержка?!

Алена постаралась сохранить лицо, небрежно кивнула Любе:

– Конечно, пойдём.

Медсестра, по счастью, ничего *предъявлять* не просила, просто выписывала документ.

Но что, если?..

В аптеку Аленка шла, словно на казнь. Кто придумал не выкладывать тесты в открытый доступ, а продавать их через кассиршу?!

Пережила унижение. Купила. Всю дорогу домой себя успокаивала: в конце концов, она еще подросток, цикл не устоявшийся. И Рома всегда был осторожен, и никаких симптомов у нее нет...

Однако проклятая бумажка уверенно продемонстрировала две полоски.

Бог мой, что же теперь делать?!

Аленка не сомневалась, что любая из современных девчонок – особенно из Роминоного круга, легких в общении, уверенных в себе – не сомневалась бы ни секунды. Немедленно к врачу, по срочному тарифу сдать анализы и в тот же день проблему решить.

Ей очень бы хотелось тоже быть – как все! – современной. То есть безжалостно убить беспомощное, целиком от нее зависящее существо.

Но только фантазия уже рисовала очаровательного, пухлощекоего младенца. Озорного дошкольника. Серьезного младшеклассника. И дальше, дальше – вплоть до свадьбы сына (Аленка не сомневалась – у них с Ромой именно сын).

Мальчик ведь должен получиться очень красивым. В родителей. Поэтичным, изящным – в маму. В папу – талантливый и веселым. И Ромка ей говорил, что совсем не возражает против брака. И мама поймет. Должна понять...

Нет, нельзя убивать малыша. Плод их любви. Послание Всевышнего. Чудо!

И Аленка – наплевать, что у Ромки сейчас кинопробы! – немедленно ему позвонила. А вечером, когда встретились, с ходу бухнула:

– Ромочка... У нас с тобою ребеночек будет!

Тревожно уставилась на актера. Что она сейчас прочтет в его глазах? Злость? Страх? Гнев?

Нет. Только досада.

– Ты... ты уверена? – пробормотал Роман.

– Достоверность у теста – девяносто девять процентов. – Девушка очень старалась выглядеть спокойной.

– А какой срок? – деловито уточнил он.

– Ну... я точно не знаю. Небольшой, наверное.

– Значит, можно «мини» делать, – уверенно откликнулся парень.

Встретив ее испуганный взгляд, уточнил:

– Вакуумная чистка, наименее травматичный метод.

– Это все, что ты можешь сказать?

– Ты ждала, что я предложу тебе замуж и рожать? – прищурился он. – Не рановато тебе?

– Рановато. Но... мне просто так жаль его... – опустила голову девушка. – Он ведь уже человек!

– Брось! – отмахнулся Роман. – Никакой он не человек. Просто скопление клеток. Что-то вроде опухоли.

Нет, совсем не подобного разговора Аленка ждала. Гневно взглянула на Романа:

– Ничего не скопление, он живой, сердце бьется!

– Ну, рожай, если фигуры не жаль, – пожал плечами актер. – Отдашь потом на усыновление. Еще и приплатят тебе за красивенького, здорового.

Девушка взглянула на него с ужасом:

– Что ты сказал?!

– Но ты же не собираешься – в пятнадцать лет! – сама нянчить младенца?!

– А что здесь такого? Мама моя поможет...

– Нет, Елена, – строго произнес он. – Так дело не пойдет! Или ты немедленно направляешься на аборт, или...

– Или что? – перебила она. – Ребенок – мой! Что хочу, то с ним и делаю!

– Какого дьявола я только с тобой связался! – досадливо выдохнул он.

И это говорит человек, которого она любила больше всей своей жизни!

Ох, до чего хотелось ей сейчас уничтожить Романа, растоптать. Стереть с его лица деловитое выражение, будто они условия актерского контракта обсуждают! Чем бы уколоть его максимально больно?!

– А ты вообще в курсе, – тихо произнесла она, – что я – несовершеннолетняя, даже шестнадцати нет? И ты об этом прекрасно знал – но спал со мной, был у меня первым!

– Что дальше? – нехорошо прищурился он.

– Ну, номер статьи в Уголовном кодексе про соращение малолетних я не знаю, но она там имеется, не сомневайся!

– Ты мне угрожаешь?! – опешил актер.

– Я защищаю – своего ребенка и себя, – парировала девушка.

– Ох, дура ты! – вырвалось у Романа.

Впрочем, почти мгновенно лицо его помягчело.

– Глупенькая, – добавил он уже совсем другим тоном. – Глупенькая маленькая девочка... Ты так себя ведешь, потому что очень хочешь этого малыша, да?

Аленку же вдруг пронзила столь острая жалость к младенцу, чью судьбу они сейчас решали, что слезы брызнули у нее из глаз.

– Нет, не хочу, – проревела она. – Но раз уж он есть – я не могу его убить!

Роман решительно приблизился к ней, сжал в объятиях. Аленка попробовала вырваться, но он держал ее крепко. А когда девушка отплакалась, твердо произнес:

– Если ты твердо надумала – хорошо. Мы его оставим.

* * *

Про то, чтобы пойти в ЗАГС, Аленка даже не заикалась. Рома смирился с тем, что у них будет ребенок, – уже хорошо. Лишь бы не отказался от сына, стал ему пусть приходящим, но отцом! И никаких денег от него ей не надо – вытянут малыша сами с мамой.

Впрочем, признаться во всем матери духу у Аленки пока не хватало. Да и Роман не советовал. Сказал: кто его знает, как мамуля себя поведет? Вдруг тоже заговорит про скопление клеток и вакуумную чистку? Нужно хотя бы пару месяцев подождать, чтобы аборт уже поздно было делать.

– Веди себя как ни в чем не бывало. И румянец по утрам подрисовывай, а то бледненькая ты очень, – наставлял он подругу.

Сам же относился к ней теперь как истинный рыцарь. Постоянно поддерживал под руку, чтобы не поскользнулась, подарил теплый шарф с брендом известной фирмы: «Тебе себя вдвойне беречь надо». Даже кофе ей не позволял пить – для малыша вредно.

«Удивительно, как он быстро смирился», – дивилась про себя Аленка. Даже беспокоиться начала: не ведет ли Рома какой-то своей игры? Девочкой она была начитанной, соответствующий пример в памяти быстро всплыл – Клайд Гриффитс из «Американской трагедии» Теодора Драйзера. Тот тоже, когда его девушка отказалась делать аборт, вел себя с ней мягко-ласково. Усыпил бдительность, выждал подходящий момент – да и утопил в пруду.

Впрочем, она тут же себя успокоила. Никогда Рома – *ее принц!* – ничего подобного не сделает. Да и времена сейчас другие.

– Аленка, – однажды предупредил Роман, – у меня форс-мажор. Срочно вызвали на съемки. Завтра улетаю на Байкал. На неделю.

– Ой, как жаль! – расстроено протянула девушка. – А я на послезавтра к врачу записалась. Думала, ты со мной пойдешь...

Он вздохнул:

– Ален, мне и самому не хочется ехать. Но я пока не Брэд Питт, график съемок диктовать не могу.

Говорил вроде искренне, но лицо довольное. Явно рад сбежать. И что она могла сделать?

В носу предательски защипало, девушка всхлипнула.

– Нет, стоп! Так не пойдет, – засуетился Роман. – Ты чего мне тут сырость разводишь? Я уезжаю совсем ненадолго. И привезу тебе, если хочешь... огромную банку икры!

– Фу!

– А кедровых орешков? Меда? Рыбки солененькой?

– Ничего не хочу. – Роль капризной беременной начинала Аленке нравиться. – Только цветочек аленький.

– Хорошо, будет тебе цветочек, – улыбнулся Роман. – А сейчас пойдем куда-нибудь в кафешку. Тебе обязательно надо поесть.

– Не буду.

– Ну, хоть чаю горячего выпьем, что-то ты совсем бледная.

– Вот ты пристал, – вяло отозвалась она. – Хорошо, пошли.

Кафешка на пути встретилась совсем убогая, даже без официантов – всю еду нужно было от стойки тащить.

Аленка, верная себе, ничего заказывать не стала. Только цедила маленькими глотками прежде любимый чай с чабрецом. И поражалась, до чего он невкусный.

А ночью проснулась от того, что ужасно болел живот.

* * *

Дочь терпела до последнего. Только на рассвете, совсем измученная, начала постанывать, и мама услышала, проснулась.

На серьезные разговоры времени не было, да дочь уже и говорить не могла, находилась в полузабытьи.

Постель была вся в крови.

Но мать боялась предположить страшное. Когда звонила в «Скорую», уверяла: у дочки, судя по симптомам, острый аппендицит или кишечная непроходимость.

Однако Аленку госпитализировали в гинекологию и сразу увезли на операцию.

Мать осталась под дверями операционной. Было достаточно времени осмыслить, что случилось. Десять, сто, тысячу раз себя упрекнуть, что невнимательна была к девочке. Что ничего не заметила...

Врач вышел к ней нескоро. Хмуро произнес:

– Где она достала лекарство?

– Ка...кое? – сглотнула мать.

– Мифегин.

– Что это? – опешила женщина.

– Не знаете? Народное название – «таблетка от беременности». Вызывает сокращение матки и изгнание плода. Отпуск из аптек строго по рецептам, разрешен к применению только в условиях лечебных учреждений. Врач должен был дать ей эту таблетку, врач – и контролировать процесс, в том числе с помощью УЗИ! Но ваша дочь, судя по всему, просто выпила лекарство дома. Дикость, несусветная, потрясающая халатность! Счастье, что мы ее спасли!!

– И... что теперь?

– Вытянули мы вашу девочку, – поморщился доктор. – Но придется долго лечиться. И детей она иметь больше не сможет. –

Внимательно взглянул на женщину, упрекнул: – Вы приличная вроде дама, как же допустили такое?!

– Я...

– Да, – отмахнулся доктор, – я все знаю, много раз слышал! Вы работаете, вам некогда, вы были уверены, что дочка дни напролет проводит в библиотеке.

– Я... я могу ее увидеть?

– Пожалуйста, – пожал плечами врач.

* * *

Аленка вцепилась в ее руку, словно в последнюю надежду. Заговорила горячо, словно в бреду:

– Мамочка, я хотела этого ребенка, я решила его оставить! Это он, он все сделал! Он мне лекарство подсунул! Мы вчера пили чай, и мне еще казалось – у него очень странный, противный вкус! Но я даже подумать не могла!!! – Девочка горько разрыдалась. – Как он мог, как только он мог!!!

А когда слезы кончились, долго смотрела в пространство. Потом помотала головой, словно стряхивая с себя наваждение, и деловито произнесла:

– Какого цвета комбинезончик ты купила на выписку?

– Что?

– Синий, Степушке обязательно нужно синий, под глазки. Только никаких, я тебя прошу, пошлых голубых бантов, возьми просто на липучке. А ползунки я хочу светленькие, хорошо?

Дочкины глаза лихорадочно блестели. Коснулась своей груди, пожаловалась:

– Болит. Молоко, наверно, прибывает. Позови санитарку, скажи, чтобы Степушку мне принесли. Я хочу его покормить.

– Аленушка... – осторожно произнесла мать.

– Только не надо мне говорить, что я устала, – капризно надула губки дочь, – я хочу видеть своего сына! Прямо сейчас! – Приподнялась на постели, возвысила голос: – Эй, кто-нибудь! Принесите мне моего ребенка! Немедленно!

И мать отчетливо поняла: нежданная беременность, выкидыш – еще не самое плохое, что с ее дочерью случилось.

* * *

И по голосу, и даже по плохому изображению было видно, что разговор Ирине дается с трудом. Когда она делала паузы, плотно смыкала губы, а пальцы были сцеплены в замок на коленях.

Дима сочувственно слушал ее историю, и ближе к концу у него даже в носу защипало:

– ...Верх подлости: когда девочка забеременела, Роман подмешал ей в чай без ее ведома мифегин. Вы в курсе, для чего это лекарство?

– Да, я знаю этот препарат, – кивнула продюсерша.

– Девочка чуть не умерла. Врачи говорят, что теперь она никогда не сможет иметь детей.

– Когда, вы говорите, это все случилось? – спросила Елена Евгеньевна.

В голосе продюсерши уже перестали звучать фатовские нотки, разговор пошел всерьез.

– Хотите удостовериться, – через силу улыбнулась Ирина, – состояли ли вы в то время с ним в связи? Я думаю, состояли. Потому что началось это в сентябре прошлого года, а продолжилось до декабря – до тех пор, пока он чуть не убил ее своим мифегином.

– Сочувствую, – выдохнула Елена Постникова.

Если судить по голосу и по покойно лежащим на столешнице рукам, она по-прежнему оставалась холодной, если не сказать безучастной. А может, просто очень хорошо владела собой.

– Однако при чем здесь я? – продолжила продюсер. – Я же не могу нести ответственность за поведение этого человека, в каких бы мы с ним отношениях ни находились. Или вы просто хотели открыть мне глаза? Что ж, благодарю за информацию. Я проведу с Романом воспитательную работу.

– Подождите! Дело этим не кончилось. Алена очень переживала, болела. Потом, когда пошла на поправку и вернулась в школу, попала в дурную компанию.

– Вы и в этом обстоятельстве хотите обвинить моего любовника? – В голосе Елены снова послышалась ирония.

– Ведь он был первопричиной. Но неважно... У меня есть подруги, давние, еще со студенческих лет. Одну зовут Татьяной, она учительница, в крутой частной школе. Другая Луиза, она замужем за итальянцем...

Диме сразу вспомнилась фотография из «Альбома»: три юных девицы, дурно, по старой моде одетые, но веселые, полные жизни и огня. И подписи: Луиза – Таня – Ира.

– Татьяна хотела помочь мне. Но, главное, Аленке. Но она тогда даже мне не сказала о том, что затевает. У нее есть сынишка, одних примерно лет с моей дочерью, зовут Сашей. Она его познакомила с Аленой. Его и друга-американца, который у них жил в то время. Они, все трое, Саша, Стив и Алена, стали общаться, и я заметила, как девочка воспрянула, пошла на поправку, у нее появился вкус к жизни. Но тут случилась новая беда. Парни, в компании которых раньше вращалась Алена, напали на тех двоих мальчишек, Стива и Сашу, сильно избили... У Саши была тяжелая черепно-мозговая травма, множество переломов: челюсти, носа, ключицы, ему пришлось на год уйти в академку...

– А вам не кажется, – со смехом заметила продюсерша, – что корень проблем как раз заключается в вашей дочери?

– Нет, не кажется, – резко, с вызовом отвечала Ирина.

– Не понимаю, зачем вы мне все это рассказываете? Хотите подать заявку написание мыльной оперы?

– Нет, я хочу вас завербовать, – впрямую и без тени иронии проговорила Ира.

– А на кого вы работаете? – прежним насмешливым тоном спросила Елена. – ЦРУ, КГБ, китайская разведка?

– Я работаю на себя. Против вашего любовника, Романа.

– Прямо-таки против него работаете? – Голос продюсерши посерьезнел.

– А он вам не жаловался, что в последнее время на него обрушивается что-то слишком много разнообразных неприятностей? Сначала поехал отдохнуть на озеро Комо – а дело кончилось пьянкой, скандалом, полицией, неприглядными снимками в газете...

– Ваших рук дело?

– Да, моих. И Луизы, моей подруги. Она держит тот пансионат. А теперь – вы ведь в курсе, да? Рома проиграл в подпольном казино кучу денег. Очень много.

– Тоже вы подстроили?

– Без комментариев.

– Вы меня прямо растрогали своей организованностью. Даже лестно, что мой Ромочка удостоился столь сложносочиненных интриг. – Хотя в голосе телевизионщицы и слышался неприкрытый сарказм, чувствовалось, что она уязвлена. – Вы его и в казино обыгрывали?

– Моя подруга Татьяна, мать Сани – в прежней своей жизни успешный дилер в казино, супервайзер, у нее сохранились связи в тех сферах.

– И среди похитителей девушек?

– На сестру Романа намекаете?

– Да чего уж тут намекать! Впрямую говорю.

– Похищение Кристины – личное творчество его кредиторов.

– А вы не боитесь?

– Чего?

– Что я обо всем расскажу?

– Полиции?

– Нет, Роману.

– Расскажите – и что? Он узнает, откуда на него сыплются все эти напасти? Так, может, я только этого и хочу, чтобы он понял, что ни одна его подлость не останется безнаказанной!

– А если он соберет крепких друзей?

– Нет у вашего Ромы крепких друзей. Я очень хорошо эту тварь изучила. И денег у него нет, чтобы этих крепких друзей нанять. И за вас он держится только потому, что вы – единственный источник, через который он может присосаться к большим (в его понимании) деньгам. А если дело уж совсем запахнет жареным – Роман и квартиру, что вы ему купили, продаст. Он бы и вас самое продал – да не знает, кому. И сколько денег за вас дадут.

– Что вы от меня-то хотите?

– Вашей помощи.

– Помощи? В чем?

– Добить Романа.

– До-обить? – В голосе хозяйки кабинета слышалось неприкрытое удивление. – И вы думаете, я вам помогу?

– А зачем он вам? Такие подлецы хороши, когда им все удается, когда все получается и хвост трубой. А сейчас – могу представить! Он наверняка какая-то лужа. Размазня. От такого лучше избавиться, пока он сам вас как-нибудь не скомпрометировал и не подставил. Да и толку от Романа сейчас чуть!

– Что вы конкретно хотите?

Дима, слушая диалог двух женщин, понимал, что телевизионщица ни на минуту не забывает о камере, пишущей разговор, и во многом ведет свою линию в расчете на нее. Понимал, что она хочет, чтобы ее визави выложила напрямую, что замышляет.

– Хороший вопрос, – улыбнулась Ирина. Она, по ходу разговора, приобрела уверенность в себе, и сейчас действительно было похоже, что вербует собеседницу. – У меня есть для Романа интересное, денежное предложение. Но если к нему с ним обращусь я, он не поверит, решит – подстава, и правильно, наверное, сделает. А вам он доверяет. А история в итоге может выйти презабавной.

– Могу себе представить.

– Смотрите: у меня есть ученик, я с ним работаю. Зовут Юра Гречишников, из той самой богатейской семейки Гречишниковых. Он музыкант или вообразил себя таковым – папаша ему даже купил скрипочку Страдивари. Сейчас они все в отъезде, вся семья, отдыхают на Бали. Я знаю дом, где они живут в Подмосковье, охраны там нет; знаю, каково там расположение комнат; где хранятся сбережения, драгоценности и Страдивари. Представляете? Осталось только убедить Романа, чтобы он пошел на дело.

– А в чем подвох? Вы предупредите полицию?

– Зачем так грубо?! Дальше возможны варианты. Первый: Роман идет на преступление и попадает (безо всякого предварительного информирования полиции). Менты ведь и сами когда-нибудь могут сработать, особенно если действует непрофессионал. Вариант второй: кража удалась. Но даже если так, согласитесь, рано или поздно Роман все равно засыплется: или когда попытается скрипку продать, или драгоценности сбыть, или просто сболтнет лишнего. Он попадет под следствие. Вот вы и расстанетесь, красиво и навсегда, со своим

надоевшим любовником. Он оставит в покое вас и в неприкосновенности – вашу квартиру. Как вам план?

– Ужасный. Слишком сложный, глупый и выпренный. Как все интеллигентное. И вы сама. Как история, что вы нагородили вокруг Романа. Зачем вы придумали целую интригу в духе девятнадцатого века? Скандал в благородном семействе на озере Комо! Проигрыш в подпольном казино!.. Обидел он вас, унизил, обесчестил вашу дочь? Будьте проще, и люди к вам потянутся. Наняли бы пару крепких ребят, те измордовали бы Ромочку почем зря, отбили бы почки – и вы с вашей дочуркой отомщены, и цена вопроса – штука баксов. Раз, и, как говорится, на матрас. А эта история со Страдивари тоже ужасно вычурная. Наш мир устроен незатейливо, век на дворе стоит двадцать первый, а не восемнадцатый, и сейчас в моде простые решения.

– Елена Евгеньевна, – спокойно произнесла Ирина. – Давайте будем искренними друг с другом. Скажите мне – только честно! Вы считаете, что Роман вообще *не заслуживает* наказания?

– Ну, в чем-то он виноват, – небрежно пожала плечами продюсерша. – Хотя эта современная молодежь... чего еще от нее ждать?

– Хорошо, – кивнула Коврова. – Поставим вопрос по-другому: лично вам этот недочеловек по имени Роман Черепанов по-прежнему нужен?

* * *

Дальше запись обрывалась, и оставалось за кадром, договорились Елена с Ириной или нет. И если договорились, то на каких условиях.

Но, наверное, договорились, если на следующую ночь Черепанов полез в особняк Гречишниковых и там получил ружейный выстрел в живот.

Интересно другое: знала ли на самом деле Коврова о том, что дом олигарха не будет в ту ночь пустовать? Что там вдруг окажется сын хозяев и у него под рукой – «беретта» с коробкой патронов? А если знала – сказала об этом продюсерше Постниковой?

Об этом стоило спросить у самой Ирины.

* * *

Диме захотелось есть. И вот оно, замечательное преимущество вольного журналиста: пообедать, да с комфортом, можно тут же, не сходя с места, ставшего рабочим.

Он заказал бизнес-ланч на выбор официантки: когда увлекался делом, для него не существовало не то что кулинарных изысков, но даже вкуса еды. Равно как и официанток, их взглядов, голосов и шуток, так что его Надя могла оставаться спокойной.

Полуянова интересовала личность Ирины Ковровой, а главное – подходы к ней. И он стал на полуавтомате повторять то, что проделывал в газетных расследованиях с каждым своим новым контрагентом: забил в поисковик сначала фамилию, потом полученный от Надежды домашний телефон Ковровой, потом адрес, затем – имя почтового ящика.

Столь простые действия порой приносили прекрасные результаты. Однажды неосторожно оброненное в социальной сети название почтового ящика помогло Диме связать воедино деятельного педофила, вербующего жертв в Интернете, и чиновника из администрации Московской области – итогом стала хлесткая статья в «Молвестях» и конфуз в верхах.

В этот раз ничем Полуянову телефонные номера Ирины не помогли, если не считать того, что его самого захотели развести на подписку (всего-то за двадцать рублей ежедневно) на информационную базу, сулящую знание обо всех подряд москвичах.

Тогда журналист решил проверить электронный почтовый ящик Ковровой, и вот тут случилось аж семнадцать совпадений. Правда, вскоре выяснилось, что все они базировались на одной и той же рекламе, единожды опубликованной газетой бесплатных объявлений семь лет назад. Наверное, дала предпринимательница, когда начинала свой бизнес, объяву на пробу, а потом дело пошло безо всякого широкого оповещения. Она уж, верно, и сама забыла о том, что оскормилась. Но шалишь: Интернет ни одной оплошности не прощает. Один раз выдашь себя неосторожным упоминанием – уши потом век торчать будут!

Частное объявление, опубликованное в газете, гласило: *«Напишем на заказ диссертацию (магистерскую, кандидатскую, докторскую)»*.

Оно только подтвердило подозрения Полуянова: да, Коврова ваяет диссеры за деньги. Ну и что? Что тут особо криминального? Подкуп ВАКа, диссертационного совета, оппонентов, без которого, конечно, не обходится? Но это еще доказать надо, что проблематично. А работать за другого – почти нормально в нынешние времена, когда продается все, и все люди вокруг хотят казаться хоть немного, но значительнее, чем есть на самом деле. Фирма госпожи Ковровой, судя по всему, не зарегистрирована, налогов дама не платит. Но какая это мелочь по сегодняшней жизни!

Почти не замечая, что жует, Дима забросил в топку помидорный салат и плов, попросил неизбежный кофе и еще более неизбежный счет. А тут как раз и Надя позвонила очень кстати! Очень в тему! Полуянов не раз замечал: бывают такие дни, когда все ладится, и даже телефонные звонки от любимой поступают, как по заказу, именно в самый момент. И даже с той информацией, что нужна.

В этот раз Надежда известила его, что последняя тема, над которой корпела Ирина, была музыка. Около сорока, в общей сложности, заказанных работ по теме.

До этого женщина столь же плотно в историко-архивной библиотеке занималась социальной психологией – десятки проработанных книг. Еще раньше – политологией.

Судя по всему, Коврова была специалисткой широкого профиля.

Дима не сомневался, что, если потребуется, он сможет доказать связь Ирины с каждой конкретной диссертацией (защищенной, естественно, под чьим-то посторонним именем). И тогда будет скандал – если журналисту это понадобится, конечно. Если Коврова будет неуступчива. Если она, поденная поставщица заказной мудрости, вдруг заартачится. Но пока, посчитал Полуянов, наверное, должно хватить легкого шантажа.

Дима рассчитался, выскочил из кафе. Разговоры, полные скрытого смысла и угроз, лучше вести из места, где нет чужих ушей – отвлекает.

Он и не заметил, как подступил вечер. Да что там: со своей вечной работой, гонкой, он не заметил, как осень пришла. А ведь еще совсем недавно нежился под летним солнышком на озере Комо.

Журналист сел в свою «Тойоту» и на волне вдохновения набрал мобильный номер Ирины Ковровой. «Бедная Ира», – почему-то подумалось ему. Впрочем, в нынешней истории едва ли не все были бедными. Едва ли не всех было жаль. И Коврову, чуть не потерявшую дочь; и ее подругу, незнакомую журналисту Татьяну, учительницу и бывшую дилершу в казино, у которой избили сына; и даже телевизионщицу Елену, покупавшую любовь молодого подлеца. Впрочем, нет, последнюю как раз было не жаль!

Вот кому действительно можно было посочувствовать, так это Кристине Черепановой, томящейся сейчас где-то в лапах бандитов. И Роме Черепанову, потому что тот погиб. И их родителям.

– Алло, Ирина? – Когда женщина ответила по мобильному, Полуянов представился, по-прежнему козырнув своим бывшим местом работы. «Молодежные вести» были известной маркой, даром что из советских времен пришли. – Мне надо с вами поговорить.

– О чем же? – Голос женщины звучал холодно, но спокойно.

– О вашей работе.

– Что вы имеете в виду?

– Вряд ли обрадуется ученый совет, а самое главное, заказчик, музыкант, сын богача и будущий кандидат искусствоведения Гречишников, когда перед его защитой появится статья о том, кто и как на самом деле писал его диссертацию.

– Что вы от меня хотите? – Ирина была по-прежнему холодна, устала и спокойна.

– Я же говорю вам: встретиться и побеседовать.

– Чего вы хотите от меня в среднесрочной перспективе?

– Я расскажу вам при встрече, лично.

– Хорошо, приезжайте. Я приму вас у себя дома. Вы знаете, где я живу?

– Да, – не солгал журналист.

– Я почему-то не удивлена, – вздохнула она.

– Ваш адрес по регистрации совпадает с фактическим?

– Совпадает.

– Я выезжаю к вам сейчас из Останкино. Доберусь, как позволят пробки.

– Можете не спешить. Я сегодня никуда не собиралась.

* * *

Дима выбрал самый быстрый, как ему представлялось, маршрут: по улице Космонавтов, а потом через виадук над Ярославской железной дорогой и по набережной Яузы. Набережные всегда едут быстрее, вспоминал он заветы своего старшего товарища, автомобильного эксперта Бойко, которые тот давал спецкору, когда Дима еще колесил по столице на ржавой «шестерке». А теперь вот и Бойко давным-давно покинул «Молвести», и сам Дима оказался не у дел, и пробки в Москве стали не в пример тем, что царили в конце девяностых, а совет оставался действенным. Набережная, в самом деле, ехала, особенно по направлению к центру. Зато потом все-таки пришлось перебираться на шоссе Энтузиастов, и там наступила, как любил говаривать редакционный шофер Гриша, «картина на букву «Ж». Скорость потока упала едва ли не до нуля.

Стоя в пробке у новых домов, Полуянов позвонил Надежде:

– Ты уже дома?

– О, да, – промурлыкала невенчанная жена. – А ты где?

– Боюсь, я буду не скоро. Еду к твоей знакомой, производительнице диссертаций Ирине Ковровой.

– Что, нельзя было отложить до завтра?

– Надя! Кристина Черепанова, молодая девчонка, ни в чем не повинная, кроме того, что брат у нее негодяй, сидит неизвестно где, наверное, в подвале, неизвестно, в чьих руках. Как ты понимаешь, надежды на полицию в нашей стране особо нет. Спасение утопающих – а также жертв насилия – дело рук самих утопающих. Поэтому разреши, я попробую!

– Ох, Дима, – со вздохом проговорила Митрофанова, – волнуюсь я, когда ты вдруг решаешь побыть матерью Терезой. Особенно когда принимаешься спасать молоденьких девушек.

На язык просилось обидное: мол, будущая благоверная сама уделяла избыточное внимание брату той самой девушки, однако настроение было хорошим, да и ревновать к покойному представлялось совсем уж последним делом. Поэтому он сказал:

– Кстати, я еду к Ковровой домой. Это обстоятельство тебя не волнует?

– Если только в том смысле, чтобы она на тебя с кухонным ножом не набросилась.

– Думаешь, она может?

– Женщина, доведенная до отчаяния, может все!

– Я буду беречь себя. Для тебя. Обещаю.

– На всякий случай, лучше скажи, а куда ты к ней едешь? По тому адресу, что я тебе продиктовала?

– Именно. Так что, если не вернусь к утру, можешь посылать по нему моего друга, старшего опера Савельева.

– Типун на твой гнилой язык! Лучше скажи, ты сегодня хоть обедал?

– Спасибо за заботу, *ты* моя мать Тереза. Знаешь, ты удивишься, но да, обедал! Только не спрашивай меня, где я ел и что, – уже не помню.

– Возвращайся домой. Я приготовила твое любимое мясо с картошкой.

– М-м, звучит очень соблазнительно!

За разговором Полуянов успел проехать метров двести, до бывшего ДК завода «Компрессор». Всегда казалось – просто заводской клуб, а теперь, кто бы мог подумать, здание стало цениться как памятник эпохи конструктивизма!

Поговорив с Надей, Дима позвонил в город Малинов, Любви Кирилловне Черепановой. Женщина была грустна и сообщила, что дочь не появилась. В полицию она ходила, ее заявление о пропаже человека приняли, но с такой неохотой, что надеется она все равно только на бога.

* * *

Ковровы проживали в совсем не модном районе, в Новогиреево. Правда, дом оказался недавней постройки, последних архитектурных серий. У щегольской многоэтажки с башенками невозможно было припарковаться из-за обилия иномарок, поэтому Диме пришлось втиснуться во двор соседней хрущобы. Четыре тетеньки, митингующие у подъезда, наградили журналиста, вылезавшего из «Тойоты», взглядами, исполненными классовой ненависти. Водораздел

между богатыми и бедными здесь, похоже, проходил непосредственно по двору, разделявшему старенький блочный дом и новенький восемнадцатизэтажный небоскреб.

В подъезде свежее испеченного жилья Диму встречали равнодушный консьерж, цветы в горшках и зеркала. Однако в углу расплывалось по свежей штукатурке пятно протечки.

На лифте заморской фирмы (с уже исцарапанной дверью) журналист поднялся на семнадцатый этаж.

Едва вышел из лифта – дверь одной из квартир на этаже распахнулась, и оттуда вылетела девчонка лет семнадцати. Шарахнула дверью, пацанской походкой пошла навстречу по площадке. Одетая она была в стиле «вот вам всем фигу, взрослые». Во времена полуяновской юности так наряжались *неформалы*, называемые *металлистами*: короткая косуха с заклепками, очень короткая кожаная юбочка, колготки в сеточку, специально рваные на коленях, и тяжелые ботинки на шнуровке. В брови красовалась металлическая серьга, красные волосы топорщились от геля, короткие ногти накрашены черным лаком. Девушка скользнула взглядом по Диминому лицу, что-то в ней дрогнуло, и она вдруг подошла ближе, почти вплотную и прошипела:

– А-а, журналюга! Явился! Если ты, мля, про мою мамахен соврешь что-нибудь, пожалеешь очень скоро. Фамилию, имя я знаю. Полуянов Дмитрий. Где ты живешь, найдем, и мои пацаны, если что, из тебя отбивную с кровью сделают. И не вздумай матери на меня жаловаться, понял?

Девушка злобно фыркнула, одарила спецкора ненавидящим взглядом – взгляд действительно впечатлял – и шагнула дальше, к лифту.

От такой наглости Дима настолько оторопел, что даже не нашелся что ответить, а когда сообразил, красотки уже след простыл.

Полуянов позвонил в ту дверь, из которой только что вылетела малолетняя фурия – ему и впрямь было туда. На пороге тут же возникла Ирина Коврова, которая показалась хорошо знакомой после просмотра ее разговора с телевизионщицей. В жизни она выглядела немного худее, но гораздо измученнее своего видеоизображения.

– По-моему, вы зря волнуетесь за свою дочку, – вместо приветствия произнес журналист. – Очень милая, живая девочка.

– А, вы встретились, – с непонятной интонацией проговорила хозяйка. – Что ж, раздевайтесь. Обувь можете не снимать. А вы ведь не работаете больше в «Молодежных вестях».

– Вы тоже подготовились, – улыбнулся журналист. – Вот что значит – столичные пробки! За время, пока добираться к контрагенту, тебя успевают уволить. Не волнуйтесь, если что, у меня остались хорошие связи. И в «Молвестях», и во многих других изданиях. Статью о том, кто и почему заказал убийство молодого актера, все возьмут с распростертыми объятиями. Вы уж не сомневайтесь!

Все-таки в дебюте Полуянову удалось переиграть Коврову – она моргнула, отвела взгляд.

– Проходите. Чай не предлагаю. Вы ведь все равно не станете пить чай в доме у врага, верно?

– Вы, я вижу, внимательно читали «Графа Монте-Кристо». По моему, слишком хорошее знакомство с классиками вас и подвело.

– Подвело? – холодно осведомилась хозяйка. – Не понимаю, о чем вы!

– Раз обстоятельства убийства Романа Черепанова выяснил я, не ровен час, узнает и полиция. Или следственный комитет, без разницы.

Коврова пожала плечами.

– Между догадываться и знать – дистанции огромного размера, как говаривал старик Фамусов. А уж между знать и доказать – еще больше.

Полуянов прошелся по гостиной, куда по ходу разговора проводила его хозяйка.

При взгляде на обитель двух дам, юной и зрелой (мужиком здесь и не пахло), становилось понятно, чему посвящала свою жизнь старшая Коврова, в чем искала и находила утешение. Наперекор своей незадавшейся, по всему, семейной жизни; вопреки своим нереализованным деловым амбициям, а они наверняка были, ведь не мечтала же она писать за других диссертации, анонимно продавать свой ум на потребу чужой гордыне! Главным смыслом жизни женщины была, конечно, дочка. Родители всегда по поводу своих детей с ума сходят, подумал Полуянов, но тут, видимо, было что-то особенное, и недаром так вызверилась дама после того, как Черепанов над Аленой надругался; очень уж любила, видимо. И любила в одиночку – не было кому, ни партнеру, ни бабушке эту любовь с ней

разделить. Как иллюстрация, на стене висело четыре фотографии разного размера, цветные и черно-белые, в разных рамках, и все они изображали дочку в разной стадии взросления, и на каждой картинке девочка была иного возраста, но на всех выглядела одинаковой: умной, милой и скромной. Для портретов последних лет, в косухе и с красными волосами, места на стене, разумеется, не нашлось.

Фотоизображения венчали два портрета все той же юной особы, написанные, видимо, уличными художниками; на одном имелась даже подпись «Монмартр, 2005», на второй – закорючка вместо автографа. Оба рисованных изображения выглядели излишне комплиментарными даже в сравнении с фото, не говоря уж о нынешнем виде оригинала.

Заметив интерес Полуянова к портретам, Коврова пояснила с болезненной полуулыбкой: «Да, это мой иконостасик».

Вторым пунктиком, другим объектом гордости, оправдывающим нынешнее существование хозяйки, являлась, видимо, квартира, в которой они находились. Уж слишком вылизано, слишком продуманно все в ней было, начиная от дубового штучного паркета под ногами, до лепного потолка над головой; начиная от соответствия тона штор цвету стен и расцветке мягкой мебели и заканчивая изгибами и материалом люстры, которые соответствовали изгибам и материалу дверных ручек. Так и виделось, что по вечерам хозяйка, засыпая в своей одинокой постели, говорит себе: ну и пусть, что я сегодня весь день занималась ерундой, напрягая свой мозг в библиотеках ради богатея Гречишников, зато у меня есть прекрасная квартира и замечательная дочь! Последняя аксиома, правда, за последний год подверглась кардинальному разрушению и, видимо, как и всякая поруганная святыня, взывала к мести.

Впрочем, довольно понимания, подумал Полуянов. С мотивами «графини Монте-Кристо», мне кажется, все ясно. Пора бы переходить к делу.

– Я предлагаю вам сделку, – проговорил журналист.

– Сделку? – Дама по-прежнему была холодна. – Что входит в вашу часть?

– Два – «не». Даже три. Во-первых, НЕ писать о вашей практике подготовки диссертаций за разных состоятельных господ. Я знаю, ничего особо противозаконного в том на первый взгляд нет; но я не уверен, что вы аккуратно платили все налоги с этой деятельности.

По дрогнувшему лицу визави Дима понял, что попал в точку.

– Кроме того, – продолжил он, – вряд ли те самые конкретные господа, которым вы продавали свой собственный ум и знания (а я непременно дознаюсь, кто они поименно, помимо Гречишникова), будут обрадованы, когда я обнародую их имена.

И опять по потемневшему взгляду женщины журналисту стало очевидно, что подобный вариант не много доставит ей удовольствия.

– А вот и второе «не». Я НЕ стану писать об истории, произошедшей с вашей дочерью и Романом Черепановым. И обо всем, что вы затеяли с подружками Луизой и Татьяной и что закончилось трагической гибелью Романа. Поверьте мне на слово: я знаю обо всем, а то, чего я в данный момент не знаю, в дальнейшем узнается «на раз». И о скандале в Комо, и о проигрыше в казино, и о похищении Черепановой-младшей.

Вторая тема тоже была, конечно, весьма для хозяйки болезненна, особенно во всем, что касалось ее дочки.

– Не верю я вам, – с кривоватой улыбкой покачала головой Ирина. – Чтобы журналист – да не написал?! Нет, не верю!

– Может, вы и правы. И я напишу когда-нибудь, если не смогу сдержать природную графоманию, – согласился Полуянов. – Но, когда и если буду писать, изменю до неузнаваемости все имена и обстоятельства, чтобы ни вас, ни кого другого из действующих лиц не опознали.

– В чем тогда ваш интерес?

– Подождите, я еще не сказал о третьем «не». Я НЕ стану никому рассказывать о том, что произошло. Наверное, вы правы, и отыскать против вас и ваших подруг статью в Уголовном кодексе будет трудновато. Но следяки и опера ведь не единственные люди, которым интересно слушать истории о таинственных преступлениях, загадочных мотивах и тех персонах, что стоят на деле за убийствами. Ведь у убитого Романа Черепанова тоже есть родители – вы не подумали? Есть отец, который, кстати, сейчас находится в Москве – очень brutальный мужчина, – приврал Дима, хотя видел старшего Черепанова лишь один раз, на семейной фотографии. – У его сестры, сейчас похищенной благодаря, в общем-то, вашим стараниям, имеются в городе Малинове друзья, очень разгневанные, кстати. Да такие, что вашей дочери даже не чета, – вторично приврал Полуянов. – Ну и что?

Вы развяжете с ними войну? Кавказскую или сицилийскую вендетту? Кровную месть на расейской почве? Вы отомстили за дочку, Черепанова станет мстить за брата. А дальше – что? За Аленушку вашу, в итоге, не страшно?

– Чего вы от меня хотите? – устало проговорила хозяйка.

– Я хочу только одной, очень простой вещи. Как я говорил, ваши друзья из подпольного казино, которым – благодаря, опять же, вашим милостям – задолжал Роман, похитили сестру Черепанова Кристину. Я хочу, чтобы ее вернули домой живую и невредимую. Согласитесь, она здесь совершенно ни при чем! И за художества, что натворил совратитель вашей дочери, Кристина решительно никакой ответственности нести не может. Я не знаю, как вы ее освободите. Договоритесь ли со своими друзьями, что они, в связи со смертью Ромы, простят его долг перед ними? Или вы скинетесь с Луизой, Татьяной и телевизионщицей Еленой Постниковой и сами покроете этот долг? Но, согласитесь, ужасно то, что девчонка сейчас страдает взаперти, где-то в подвале, в руках головорезов. Давайте прекратим это! Насилие порождает насилие, и ложь порождает ложь. В ваших силах этот каскад остановить. Я к вам пришел с открытыми картами и беседую начистоту потому, что вы не преступница никакая, вы бедный и загнанный в угол человек. И я, знаете, обычно своих отрицательных героев – взяточников всяких, коррупционеров, лжецов и насильников – ненавижу. Вас – нет, ненавидеть никак не могу. Жалею – да. Но не больше.

* * *

Кристина давно потеряла счет времени. Она не знала, сколько прошло дней и часов с того момента, как ее закинули в машину, засунули тряпку в рот, надели мешок на голову, связали руки и скрюченную, на боку, на полу везли в автомобиле много часов. Перед поездкой похитители сказали ей тихо и внушительно, с южным акцентом, а с каким конкретно, грузинским, дагестанским или узбекским, она не понимала, потому что не разбиралась в чужеземных выговорах:

– Тихо лежи, не дергайся. Дергаться будешь – больно будет.

Ехали они долго, много часов. Ее привезли неизвестно куда; не снимая мешка и кляпа, вытащили из машины, проволокли по двору – она сама идти не могла, ноги после долгой и мучительной дороги не слушались. Потом ее стащили по лестнице вниз, еще немного повели по ровной поверхности и бросили на что-то твердое. Заскрипела, грохнула тяжелая дверь. Затем с Кристины сорвали мешок и выдернули изо рта кляп. Она зажмурилась – лампочка в помещении, где оказалась девушка, светила очень тускло, но после многих часов пребывания в мешке она все равно ослепила. Раздался голос, Кристина захотела разглядеть, кто говорит, но не смогла, глазам было больно.

– Сидеть будешь здесь. Тихо будешь сидеть, – сказал голос с прежним гортанным акцентом. – Будем кормить, будешь здесь спать и в туалет ходить. Выбраться не пытайся, все равно не получится. Ни с кем не разговаривай, вопросов не задавай. Будешь плохо вести себя, тебе самой плохо будет. Бить будем, на хор поставим, во все дырки тебя шпарить будем. Умрешь.

От безразличия мужчины и его ровного спокойного голоса, без гнева и без намека хотя бы на что-то человеческое, веяло особенным ужасом. Чувствовалось, что одни и те же слова он произносил в своей жизни далеко не одной пленнице, а скольким – сотне? тысяче? – он, верно, и сам забыл.

А потом потянулись дни, настолько похожие друг на друга, что Кристина очень быстро перестала считать, сколько времени она находится в заточении. Окон в камере не было, одни лишь бетонные стены. Кровать панцирная, застеленная, с матрасом и даже простыней и наволочкой. В углу унитаз. Имелись также стол и ложка. Кормили сносно, давали плов, лепешки и чай. Лампочка светила все время тускло, зато постоянно.

Еду приносили разные люди. Мужчины восточного вида. Никто ничего не говорил и не домогался, даже не дотрагивался.

Только однажды пришел вдруг человек в белом халате, по виду русский, и говорил без акцента. Сказал, что врач, велел раздеться, всю осмотрел. Взял анализ крови из вены. Потом долго разговаривал с Кристиной. Все-все расспрашивал, и про наследственные болезни, и гинекологию, и когда начала жить половой жизнью, и когда лучше бывает настроение, утром или вечером, и когда была Куликовская битва. Беседовал, наверное, более часа, а то и два. А на прощание

достал из своего портфельчика ампулу, одноразовый шприц, жгут, сказал «Поработай кулачком» – и уколол в вену. Потом велел: «Отдыхай!» – и она села на кровать, и сразу вдруг стала чувствовать себя лучше. Как будто оказалась внутри цветного кино по телевизору, и все ручки настройки вдруг на максимум подкрутили: и свет стал ярче, и трещины на бетонных стенах сплелись в прихотливый, очень красивый узор, и рыжее одеяло на кровати вдруг стало такое милое-милое, что его захотелось обнимать и гладить. И еще внизу живота стал потихоньку расцветать знакомый цветок – фиолетовый и алый, цветок желания. Желания и надежды через это желание преобразиться и стать счастливее и лучше.

И тут в камеру вошли двое. Оба были из нацменов, жгучие и усатые. Оба толстомясые и толстомордые. Они смотрели на Кристину, как смотрят на скотину на рынке.

– Раздевайся, – сказал первый почти безо всякого акцента. Оба черных человека, видно, были богачами, не чета тем замордованным, что ей пищу приносили. У обоих часы из чистого золота, дорогие рубашки и туфли. Кристине в голову не пришло возражать. Она чувствовала, что благодаря этим мужчинам и раздеванию участь ее должна перемениться и ей скоро должно стать лучше.

– Лифчик, трусы оставь, – скомандовал первый. А когда она скинула с себя все остальное, скомандовал: – Танцуй.

– Что танцевать?

– Что хочешь.

Раньше она бы умерла от стыда выплясывать почти голой перед двумя баями. А теперь, после укола, ей совсем не стыдно было, только неловко, но чуть-чуть, так что даже приятно. И она стала танцевать, как ей казалось, зажигательно.

– Стой, – велел первый (говорил все время только он).

Она послушно остановилась. Второй сказал что-то на незнакомом языке. Первый ответил, потом они стали перетирать между собой, но понятно ничего не было. И слава богу, потому что вряд ли бы ей понравилось то, что они говорили.

– Она никуда не годится, – молвил второй.

– Да, лицо страшное.

– И фигура ужасная, попа маленькая, сиськи кривые, в разные стороны торчат.

- И двигается, как полено.
- Слушай, ты откуда взял ее?
- Дед Ираклий попросил подержать, ее брат денег ему задолжал.
- Теперь отдал деньги?
- Нет.
- Что так?
- Убили ее брата.
- Что теперь с ней делать будем?
- Посуду поставим мыть, детей нянчить. На что она еще годится?
- У нас и без нее есть кому детей нянчить.
- Что предлагаешь?
- Хорошо бы хоть полцены за нее заплатили.
- Хорошо бы. Но маловероятно. Знаешь, брат, я ее попробую все-таки. Вдруг в ней таланты еб...ся необыкновенные скрыты.
- Попробуй, брат. Желаю, чтобы ты, несмотря ни на что, получил удовольствие.

Со смехом один другого похлопал по плечу, а оставшийся достал из кармана презерватив и протянул его девушке. Сказал равнодушным и пресыщенным тоном:

- На колени становись и резинку на меня надень. Ртом умеешь?

* * *

В тот первый вечер, когда Полуянов явился к Ирине Ковровой, она тогда же, при нем, позвонила своей подруге Татьяне Павловне Шевельковой, учительнице английского, а некогда дилеру в казино. Дима слушал разговор по отводной трубке.

- Здравствуй, Танюша.
- Здравствуй, Иришка.
- Как твой Саня?
- Неплохо. Федор Степанович говорит, всего одна операция осталась, и будет, как новенький. Что ж! Нет худа без добра, зато в армию теперь никогда не возьмут.

Голос Татьяны звучал с напускной бодростью, однако горьковато.

- Твоя-то дочь как? – спросила она в свой черед.

– Все так же, Танечка. Все та же юбка, по самое не могу, красные волосы и черный маникюр. Одно радует: компания вроде другая. Поприличней ребята.

– А над той-то, прежней компанией суд когда начнется, не знаешь?

– Следователь говорит, где-то через месяц.

– Что им светит?

– Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, статья сто одиннадцать, часть третья. От пяти до двенадцати лет. Но следак сказал, чтобы я не обольщалась, получают они, скорее, по нижнему пределу. Молодые еще, несудимые, хорошие характеристики имеют.

– Ничего, пять лет в тюрьме им тоже будет несладко!

– Таня, – приступила тут Коврова к главной цели своего разговора, – что мы дальше-то делать будем?

– А надо что-то делать?

– Ты знаешь, что надо, Таня. Роман Черепанов умер. А его сестра – ты сама знаешь, где.

– Ну и ничего. Может пострадать за своего родственника, как мы с тобой за своих страдали, да и страдаем до сих пор.

– Но ты понимаешь, Таня, что это неправильно! Девчонка ни в чем не виновата! Ее мы за что казним? Мало того, что сам Рома погиб – чего мы с тобой, если помнишь, не хотели – за что его сестра-то?!

– Хорошо, Ира, что ты предлагаешь?

– Выйти на твоих боссов из казино и объяснить им ситуацию. Что они могут получить от этой нищей семьи Черепановых? Мне тут рассказали, как там они, у себя, в Малинове, живут. Их квартира, дай бог, тысяч на сорок евро потянет. И что им делать? Ну, пусть бандиты казиношные прикончат Кристину – им что, легче станет?

– Ох, не знаю, Ира! Я, конечно, спрошу, но боюсь, мало что получится. Компенсацию – пусть не в полном размере – они все равно потребуют. Серьезные люди.

– Сразу говорю: я, Таня, готова даже заплатить. А что еще нам остается делать?! Вторую душу, совсем уж невинно загубленную, да в пытках, брать на себя?! Не слишком ли нам с тобой на двоих многовато будет?!

– Ладно, Ира, я поговорю.

– Прямо сегодня, Таня. Прямо сейчас!

* * *

Полуянов отчего-то верил в искренность Ирины Ковровой. В тот вечер он спокойно отправился из Новогиреево домой к себе в Медведково, в нетерпении ожидая встречи с Надей. Он меньше двух суток провел вне дома, но ему казалось, что целую вечность, и он ужасно по Надежде соскучился.

* * *

Жизнь постепенно возвращалась в свою колею.

Надя продолжила работу в читальном зале историко-архивной библиотеки.

Ирина Коврова в библиотеке долго не появлялась, но потом вдруг возникла и заказала большое количество книг, посвященных Скрябину и его эпохе. Тем, связанных с Черепановым, Гречишниковым и событиями вокруг них, они с Митрофановой ни разу больше не касались. Да и вообще: сама собою увяла их дружба. Сухо здоровались, и все.

Дима Полуянов поступил на постоянную работу в гляцевый журнал «Дамы и господа». Зарплату ему положили хорошую, плюс ежегодно одна туристическая поездка (со спутницей) в любую точку земного шара. В феврале они с Надей собираются на Мальдивы.

Журналист сдержал слово, данное трем женщинам – Любви Кирилловне Черепановой, продюсерше Елене Постниковой и Ирине Ковровой: он и впрямь ни строчки не написал про Романа Черепанова и о том, что стало первопричиной его смерти.

Музыкант Юрий Гречишников благополучно защитил кандидатскую диссертацию. Убийство Черепанова им было совершено, как заявил суд, в пределах необходимой обороны.

Луиза Ланселотти продолжала работать на своей экологической ферме вблизи озера Комо. В глаза катила зима, и это означало, что туристов будет мало, зато много дел по части подготовки инфраструктуры к будущему сезону.

Она приняла финансовое участие в выкупе Кристины Черепановой, заплатив семнадцать тысяч евро собственных сбережений – больше просто не было.

Стив вернулся в Америку. Несмотря на то что русское *bydlo* устроило ему сотрясение мозга и сломало два ребра, Россия, а особенно Москва, ему очень понравились. Во-первых, тем, что российская столица оказалась весьма *unusual* и *vibrant*^[12]. Во-вторых, здесь он мог свободно покупать пиво и даже что покрепче. И, в-третьих, здесь проживали настолько красивые и сексуальные девчонки, что американки им в подметки не годились! Чего только стоила рыжеволосая Хелен, которая навещала его каждодневно в ужасной московской больнице и потом, пока он лежал дома у Сашки. Не говоря уж о последовавших за этим совместных восхождениях – на крышу Дома музыки, Воробьевы горы, Останкинскую башню, а также неоднократно на тот пик наслаждения, на котором он до этого еще ни разу в жизни не бывал.

Саше Шевелькову досталось в драке со знакомцами Аленки гораздо крепче, он и дрался тогда больше Стива, бился, пока его не вырубили до полного беспомощности. Сломаны оказались челюсть и нос, кисть руки, три ребра и ключица. Все последующее время он провалялся в больницах (с небольшими перерывами), и хирурги-травматологи его сшивали по кусочкам.

Его мама, Татьяна Шевелькова, пребывала последние месяцы именно там, где бывает обычно любящая заботливая мама, когда ребенок тяжело болеет – билась за своего сыночка. Разговаривала с врачами, подкупала медсестер, готовила еду и доставала деньги – средств на лечение сына понадобилось много. Поэтому она не смогла принять финансового участия в выкупе, зато отчаянно, за каждый цент, торговалась с казиношником Максом и стоявшим за ним Абашидзе по кличке «дед Ираклий». Ей, правда, сделали предложение – отработать долг Черепановых в подпольном казино, да и самой в деньгах подняться. Искушение было, однако она отказалась.

Ирина Коврова понесла наибольшую финансовую нагрузку по выкупу Кристины: как раз последний транш за диссертацию сына заплатил Гречишников, и она отдала Черепановым все полученные тридцать тысяч евро.

К продюсерше Постниковой приезжал лично Полуянов. С надменным лицом она почти швырнула ему конверт с двадцатью тысячами в европейской валюте.

Любовь Кирилловна Черепанова в своем Малинове тоже перехватывала денег, где только могла: кредиты, друзья, коллеги. Продали с мужем даже машину, старый «Ниссан». Однако больше семи тысяч трехсот не собрали.

В итоге долгих торгов Татьяна Шевелькова условилась выкупить Кристину за восемьдесят тысяч евро. Недостающие пять тысяч семьсот, тайком от Полуянова, вложила Надя.

* * *

Через неделю в двери квартиры Черепановых на улице Второго Интернационала в городе Малинове раздался звонок. Любовь Кирилловна бросилась открывать и вдруг увидела на пороге свою дочку, Кристину. Девочка была одета в незнакомые вещи, явно с чужого плеча, и крепко сжимала в руке свой паспорт.

– Доченька! – бросилась к ней мать.

* * *

Однако радость в квартире Черепановых длилась недолго.

Практически все время Кристина молчала. Нет, она говорила, конечно, отдельные слова, но и только. «Кушать», «в туалет», «спать» да «закрой шторы». Никакие темы она не поддерживала, ни житейские, ни отвлеченные. Ни на какие вопросы не отвечала. Большую часть времени неподвижно сидела, уставившись в одну точку. Причем, если ее усаживали перед телевизором, глядела в него таким же неподвижным взглядом, как в стену.

Кристина требовала наглухо закрывать все занавески в квартире и включать электричество. Когда ей предлагали выйти прогуляться, устраивала истерику, начинала кричать и биться. Если к ней

приглашали подруг, она оставалась столь же безучастна, не откликаясь ни на какие попытки ее расшевелить.

Приходила терапевт, при виде белого халата девушка опять-таки начала кричать и биться. Врачиха сказала, что состояние очень похоже на реактивную депрессию и необходим стационар.

Черепановы отдавать девочку в больницу побоялись, опасаясь, что она завянет в своем молчании там, среди психов, еще больше. Для того чтобы пригласить частного врача, катастрофически не хватало денег. Любовь Кирилловна съездила в Москву, узнала расценки и поняла, что они это все равно не потянут. Снова обращаться за помощью к Полуянову с Надей или другим новым столичным знакомым ей показалось неудобно. Она все думала: как-нибудь обойдется.

Отец Кристины Игорь Геннадьевич переживал больше всех. Сначала его подрубил известие о гибели ни за что ни про что сына, за которое никто не ответил. А ведь сын был его главной гордостью, он подавал большие надежды и уже даже начал помогать оставшейся в Малинове семье материально. Следующим ударом стала непонятная болезнь дочери. Он переживал, скрипел зубами, молчал, курил. Ему так хотелось помочь, но как он мог помочь ей?!

И добила его продажа кормильца – «Ниссана». Раньше, с машиной, он кем был? Работник, добытчик, глава семьи! А теперь? Получается – приймак, подкаблучник, байбак, лентяй. Жена уроков набрала, в школе ухаивается, а он? Сидит да курит целый день. И даже дочку расшевелить не может.

Он тоже посмотрел последнее обращение Романа, и не один раз – пока супруга не застукала его за этим занятием и не отобрала диск. Он верил каждому слову, сказанному сыном. Человек перед смертью не врет! Еще Черепанов понимал, что во всех несчастиях, которые приключились с его детьми, виновата полюбовница Романа. Та, что по возрасту годилась ему в матери, но по сути своей – никакой, даже близко, матерью не была. Оказалась она холодной расчетливой сукой, которая пользовалась молодостью, красотой и жизнерадостностью его сына. Она высасывала из парня его молодые соки, сама омолаживалась и скрашивала свой возраст, оттого что тот находился рядом с ней. Когда же Роман попал в беду, Постникова отвернулась от него. Она легко могла спасти его: допустим, согласиться на продажу квартиры,

которую сама же Черепанову-младшему подарила. Что это за подарок, которым новый хозяин даже не может сам распорядиться?! Но вместо этого телевизионщица, наоборот – направила Рому на верную смерть. Навела на ограбление. Послала под пулю. Избавилась. Убрала с дороги.

А если бы Постникова оказалась чуть-чуть более милосердной, чуть больше похожей на женщину? О, тогда и сын был жив, и с дочерью, ненаглядной Кристиной, ничего бы не произошло. Все они – остались бы жить, как прежде, были бы здоровы и веселы. Все радовали бы отца, и мать, и друг друга, и самих себя своей молодой жизнью.

А в итоге получалось, что хорошие и родные люди или умерли, как Роман, или ужасно страдали, как Кристина, Любовь Кирилловна и сам Игорь Геннадьевич. А убийца и гадина жила, не тужила. Веселилась и радовалась жизни только она одна: холодная, злобная сука. Властная и беспринципная климактеричка. Виновница всех бед.

И однажды, никому не сказав, Игорь Геннадьевич уехал на электричке в Москву. Денег не было, поэтому от контролеров он бегал.

Потом ездил еще несколько раз. Взял кредит в десять тысяч на неотложные нужды. Мужик он был хитрый и умный, в десанте в армии служил.

На первый раз узнал, где главная обидчица семьи работает. На второй – где живет, на чем ездит и во сколько домой обычно возвращается. Потом несколько дней следил, как она обычно из телецентра возвращается.

И, наконец, однажды ночью убил. Четырежды ударил Елену Постникову ножом в грудь. Так и сказал: в первый раз – за сына! Второй – за дочку! И – еще потом по разу, чтобы наверняка!

Убийство продюсера с телевидения стало преступлением резонансным, и полиция раскрыла его за две недели.

Когда за Черепановым-старшим пришли, он сидел у себя на кухне в Малинове и курил.

Кристина к приходу полиции осталась безучастной.

А Любовь Кирилловна зарыдала: «Это я во всем виновата! Это я, я ему все говорила: мужик ты или где? Ну, сделай хоть что-нибудь!»

– Молчи, женщина, – оборвал ее муж. – Я сделал то, что был должен!

...Полуянов, как и обещал, повременил. Не стал сразу публиковать очерк, посвященный происшедшему. Да и позже, после убийства продюсера Постниковой, долго думал над подачей. Размышлял, как живописать историю, чтобы не навредить никому из ее участников. В конце концов, в статье переменял имена, до неузнаваемости поменял внешность, возраст и род занятий ныне здравствующих героинь: Ирины Ковровой, Луизы Ланселотти, Татьяны Шевельковой, а также второстепенных действующих лиц: Саши Шевелькова, Алены Ковровой, Стива. Здорово ему помогло то обстоятельство (а он и не ожидал), что работал Дима теперь в журнале, а не в газете, и не был, как раньше, жестко ограничен объемами и сроками. В тексте показался размах, дыхание, ушла неизбежная скороговорка, явилась возможность подробно объяснить мотивы и намерения героев. В итоге, материал, написанный Димой, вышел отменный: простой, ясный и грустный. И всех было жаль. Теперь жалко становилось даже убитую продюсершу, зашифрованную под именем Елена Козлова.

Редакции документальный рассказ весьма понравился, ему отдали десять разворотов со «свистком» на обложке и поясным портретом автора. До выхода его оставалось полмесяца, но гонорар, как водится в журналах, уже заплатили.

В тот день Полуянов пришел с работы веселый. После того, как Надежда его покормила (патриархат в их совместной жизни, к сожалению – для нее, – не кончался), сыто отвалился на стуле и почти приказал:

– Поехали со мной.

– Куда это?

– Я гонорар получил за очерк о Романе Черепанове и всей этой жуткой истории. Ты можешь думать все, что угодно, и считать, как угодно, а я себе ни копыя из этих бабок не возьму. Хочу поехать завтра в Малинов и отдать Роминой матери. Пусть наймет для Игоря Геннадьевича толкового адвоката.

– А почему ты думаешь, что я буду «думать, что угодно и считать, как угодно»? Ты прав, конечно. Не нужны нам эти деньги.

Журналист просиял.

– Поедем вместе?

– А почему бы нет?

– Ах ты, Надежда! – с чувством произнес Полуянов. – Как же ты хорошо меня понимаешь! Как никто больше в мире!

– Ты ценишь? – кокетливо промурлыкала Митрофанова.

– Еще как! А если ты приготовишь нам в дорогу кофе и бутерброды, буду ценить еще больше!

Вот такой он, Дима: ни слова всерьез, ни слова в простоте.

Может, вдруг подумала Надежда, он ей потому и предложения до сих пор не делал, что боится высокопарных слов? Наверде: прошу твоей руки... будь моей женой... покуда смерть не разлучит вас... Может, следовало подстроить так, чтобы и замуж ее Полуянов позвал бы словно полушутя? Не очень романтично, конечно, но какая ей разница, если они в итоге все равно будут вместе?

В общем, эту мысль стоило как следует обдумать.

Завтра, по дороге в Малинов, самое время.

---

notes

Примечания

1

См. одноименный роман Анны и Сергея Литвиновых.

2

Читайте об этом в романе А. и С. Литвиновых «Небесный остров».

3

Молодого вина летом быть не может. (*Прим. С.Л.*)

4

Частная жизнь.

5

Нисколько (*англ.*).

6

Она хочет пива (*англ.*).

7

У меня астма (*англ.*).

8

Легкая, неделовая беседа (*англ.*).

9

Музы трагедии и, соответственно, комедии.

10

Подробнее об этом можно прочесть в романе Анны и Сергея Литвиновых «В Питер вернутся не все».

11

Мои две лучшие подруги! (*англ.*)

12

Необычной и деятельной (*англ.*).

Table of Contents

[Анна и Сергей Литвиновы Несвятое семейство](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

